

PRAISE

USA TODAY BESTSELLING AUTHOR

SARA CATE

Он называет меня идеальной. Его идеальный питомец. Его хорошая девочка.

Сломленная и обиженная моим эмоционально небрежным бывшим, я хотела, чтобы кто-нибудь сказал мне, что я достаточно хороша.

Потом я случайно устроилась на новую работу к боссу, который поставил меня на колени — в буквальном смысле.

Он заставляет меня делать то, чего никогда не сделала бы настоящая секретарша.

Эмерсон Грант говорит мне, что я больше, чем просто достаточно хороша. Я достойна его похвалы.

Есть миллион причин, по которым я должна держаться подальше.

Владелец клуба непристойных игроков не просто мой новый босс, он вдвое старше меня.

И отец моего бывшего парня.

С ним я дорожу. Я обожаю. Я принадлежу ему.

Я хорошая девочка, но я влюбляюсь не в того мужчину.

Эмерсон Грант знает, чего он хочет, и он хочет меня.

Итак, как далеко я готова зайти, чтобы услышать его одобрение?

Сара Кейт

Похвала

Клуб непристойных игроков 1

Для всех хороших девочек.

ПРОЛОГ

Семь лет назад

Эмерсон

— Итак, у меня в руке была прядь ее волос, и мы оба были в том моменте, когда я посмотрел ей прямо в глаза и сказал: — Соси мой член, как хорошая маленькая девочка.

— Следующее, что я успел осознать, это то, что она занесла кулак и ударила меня прямо по лицу.

— О черт! — Гарретт ругается с гримасой.

— Черт возьми! — Рывкает Хантер.

Сидящая напротив Мэгги, единственная женщина в нашей группе, выглядит испуганной.

Я морщусь, тыча пальцем в багровый синяк, растущий вокруг моей глазницы.

— Я не думаю, что ей это понравилось, — добавляет Мэгги с легким смешком, прежде чем сделать глоток своего белого вина.

— Ты так думаешь? — Выпаливаю я, хватая свое пиво и прижимая холодный стакан к лицу, чтобы унять пульсирующую боль вокруг глазного яблока.

Унижение от того, что я получил свой первый настоящий фингал от хорошенькой маленькой брюнетки, с которой я флиртовал несколько недель и был более чем готов переспать с ней.

— Я имею в виду... Я думал, мы отлично ладим. Она казалась достаточно извращенной, и ей определенно это нравилось, но, думаю, я ошибся. По-видимому она, не любительница небольшой сексуальной деградации.

На мгновение за столом воцаряется тишина. Мы с тремя моими коллегами превратили эти веселые часы по четвергам в баре в маленькую традицию.

Мы все вместе ненавидим развлекательную компанию, в которой работаем. Когда мы брались за эту работу, мы делали это ради азарта и любви к отрасли. Теперь мы встречаемся за выпивкой раз в неделю, чтобы разглагольствовать о том, как бы мы по-другому управляли компанией и насколько лучше справлялись бы сами. Но это все — болтовня. Никто из нас не готов оставить свои устойчивые позиции, чтобы начать новые.

И чаще всего мы говорим о сексе, каждый из нас раскрывает свои самые грязные секреты в спальне, как кучка стариков, рассказывающих эпические истории о войне. Даже наша скромница Мэгги присоединяется к нам.

За исключением Хантера и его давней подруги Изабель, мы все одиноки, и все мы намерены продолжать в том же духе.

Одно из преимуществ работы в индустрии развлечений заключается в том, что мы работаем по ночам, на вечеринках и званых вечерах, а это значит, что мы довольно регулярно занимаемся сексом, что дает нам достаточно тем для разговоров, так что нам не нужно проводить все наше время вместе, жалуясь на компанию, в которой мы работаем.

— Черт возьми, чувак, — отвечает Гаррет с задумчивым видом.

— Это бред, что нет способа сопоставить людей по странному дерьму, которое они любят делать в спальне.

Тут же весь стол разражается смехом. Потому что это то, что делает Гаррет. Он отпускает шутки и ожидает череды забавных реакций после каждой фразы, слетающей с его

губ, чего мы привыкли ожидать.

— Я, блять, серьезно. Как было бы здорово, если бы ты мог встретиться с кем-то, кому нравится то же извращенное дерьмо, что и тебе? Тебе не пришлось бы это скрывать или смущаться изломов, из-за которых твои трусики намокают.

— Ты, блять, сумасшедший, Гаррет, — отвечает Хантер, но к тому времени, как я ставлю свой пустой стакан на стол, я не могу выбросить эту мысль из головы.

Почему приложения для знакомств не подбирают людей по их особенностям? Или еще лучше... что, если бы вы могли нанять кого-нибудь для исполнения этих желаний?

В этот момент до меня доходит, что группа людей с опытом работы в индустрии развлечений может обладать нужными навыками, чтобы провернуть нечто подобное. Если бы только у нас хватило смелости совершить этот прыжок. Это может начаться со службы знакомств, для чего-то большего, чем просто телефонные звонки и знакомства, но что-то серьезное, где людям не нужно так стыдиться того, что им нравится.

Оно могло вырасти только оттуда. Приложение к сервису... а потом, когда-нибудь, настоящий секс-клуб.

— Нет, — возражает Гарретт.

— У кого здесь нет каких-нибудь причудливых желаний в спальне, которые вы всегда хотели исполнить, но слишком боялись спросить? Я имею в виду, очевидно, что Эмерсон не боится спрашивать.

Они снова смеются, и Хантер толкает меня локтем в ребра, но я не отвечаю, потому что все еще обдумываю эту идею.

— Да ладно тебе. Я серьезно, — говорит Гарретт.

— Из всего дерьма, которое вы натворили, о чем бы вы хотели попросить? Мы знаем, что у нас что-то есть. Так что давайте послушаем это.

— Ты первый, — отвечает Мэгги с самодовольной ухмылкой.

Как единственная женщина, и притом немного сдержанная, Мэгги овладевает искусством заводить разговоры вокруг нас, отвлекая внимание от себя, когда только может.

— Прекрасно, — говорит он.

Я отключаюсь от них на минуту, пока каждый из них делится своими самыми глубокими, мрачными сексуальными фантазиями, потому что, как и предсказывал Гарретт, они есть у каждого. И на самом деле они не такие уж странные.

Это заставляет меня задуматься... если у каждого за этим столом есть свои особые пристрастия, о которых они слишком боятся говорить... то есть ли они у людей в этом баре? В этом городе? Стране? В этом мире?

— Ладно, Эмерсон, — говорит Хантер, толкая меня в плечо.

— Твоя очередь.

— О, это просто, — обрывает меня Гарретт.

— Разве ты не слышал его историю? Эмерсону нравится деградировать и получать за это по морде.

Толпа взрывается смехом, и я присоединяюсь к ней, но не отвечаю. С улыбкой поверх своего бокала я делаю глоток, но больше не отказываю себе в удовольствии.

Потому что они могут думать, что деградация — это мой стиль, но это совсем не так.

На следующее утро нам звонят и сообщают, что компания, в которой мы работаем, разоряется. Они объявляют о банкротстве, и мы все остаемся без работы, но прежде чем кто-

либо из нас сможет подать заявление о безработице, у нас есть бизнес-план.

Я возглавляю компанию. Гаррет занимается клиентами. Хантер работает с разработчиками. И Мэгги управляет всеми нами. И это так просто.

Рождается клуб непристойных игроков.

ПРАВИЛО № 1: НИКОГДА НЕ МИРИСЬ С ПАРНЕМ — ПРИДУРКОМ, БРОСЬ ЭТОГО НЕУДАЧНИКА

Шарли

— Что, черт возьми, с тобой не так, Шарли? — Бо огрызается, когда видит, что я подъезжаю с опущенными стеклами.

Моя челюсть сжимается, когда я вылезаю из машины и захлопываю за собой дверь. Я оглядываюсь на свою младшую сестру, наблюдающую за мной с пассажирского сиденья, и проглатываю унижение от того, что она слышит, как мой глупый бывший парень ругает меня на лужайке перед его новым домом. Я даже не утруждаю себя вопросом, что я сделала, потому что с ним это всегда так или иначе моя вина.

— Отвали, Бо, — бормочу я сквозь стиснутые зубы.

— Просто отдай мне мою половину залога, чтобы я могла уйти.

Он останавливается как вкопанный между пикапом и входной дверью своего дома с коробкой в руках.

— Я бы отдал, но тебя не было на последнем осмотре с домовладельцем, поэтому они отправили деньги моему отцу. Тебе придется забрать их у него.

— Твой отец? Что? Почему?

Бо заносит коробку с надписью *X-Box shit* в дом и бросает ее на пол рядом со своим телевизором, прежде чем вернуться к грузовику.

Он снимает новое жилье со своим лучшим другом, и, похоже, он все еще держит обиду на меня за то, что я порвала с ним.

Мы с Бо встречались пятнадцать месяцев, шесть из которых мы провели, живя в дерьмовой съемной квартире, где быстро поняли, что на самом деле ненавидим друг друга. Очевидно, мы могли бы встречаться и спать вместе случайно, но быть в зрелых отношениях для совместной жизни было невозможно.

Ему потребовалось всего три месяца в нашей квартире, чтобы изменить мне — или, я бы сказала, облажаться.

— Да, Шарли. Мой папа. Он был указан в договоре аренды как наш поручитель, и когда тебя не было рядом, чтобы забрать залог, они отправили его ему.

— Черт, — бормочу я.

— Что ж, прости, что меня здесь не было, Бо, но я была занята работой. — Я обязательно делаю ударение на этом слове, поскольку именно я работаю на двух работах, в то время как он едва смог продержаться на одной больше месяца.

— То, что ты жаришь корн-доги на катке, вряд ли делает тебя ответственной в этих отношениях.

— По крайней мере, я могла оплачивать счета.

— Давай прекратим все это, — кричит он, захлопывая заднюю дверь грузовика.

У Бо нет проблем с гневом как таковых. Он просто мудака.

— Ты сам это начал.

Я оглядываюсь на Софи, наблюдающую за мной из машины. У нее плотно сжатые губы, брови сведены вместе. Взгляд, который ясно говорит, что она ненавидит все в отношениях

между мной и моим бывшим.

Я отдам ей должное. С самого начала моя четырнадцатилетняя сестра была самым большим критиком Бо. Конечно, тогда я была глупой и ослеплена любовью. И хотя ей всего четырнадцать, она все еще невосприимчива к колдовству парней с песочно-каштановыми кудрями, пронзительными голубыми глазами и шестифутовым телосложением с прессом.

— Итак, что мне делать? — спрашиваю я, когда Бо продолжает распаковывать вещи, игнорируя мое присутствие.

— Ну, если ты хочешь получить свою половину остатка, я думаю, тебе придется забрать его у моего отца.

— Ты не можешь просто достать это для меня?

По какой-то дурацкой причине я чувствую себя занозой в заднице. Бо всегда был таким. Просто у него был способ заставить меня чувствовать себя никчемной и отчаянно нуждающейся в любом положительном внимании с его стороны, настолько, что я тратила больше времени на попытки угодить ему, чем на то, чтобы на самом деле быть счастливой — что стало совершенно ясно после того, как мы расстались. Иногда, как говорится, *мы действительно не видим леса за деревьями*.

— Ты же знаешь, я больше не разговариваю с этим придурком.

— Значит, ты не собираешься возвращать свою половину залога?

— Не стоит того, — огрызается он.

Я следую за ним обратно в дом.

— Ну, я не могу позволить себе потерять эти деньги, Бо.

С долгим раздраженным вздохом он поворачивается ко мне и закатывает глаза.

— Отлично. Вот. — Он достает свой телефон из заднего кармана и что-то быстро набирает, нахмутив брови. Мгновение спустя в моей сумочке вибрирует телефон.

— Это его адрес. Обсуди это с ним.

Затем он просто уходит, оставляя меня с отвисшей челюстью.

— Серьезно? И это все?

— Если тебе действительно нужны были деньги, тебе следовало бы вчера встретиться с домовладельцем.

— Ты мудака, — бормочу я, прежде чем повернуться и оставить его распаковывать свое дерьмо на своем месте.

Идя по подъездной дорожке к машине, где ждет моя сестра со своими AirPods, я изо всех сил стараюсь не казаться такой обеспокоенной, как на самом деле. Но когда я забираюсь на водительское сиденье и закрываю дверь, я чувствую на себе пристальный взгляд с сочувствием. Мой лоб падает на руль, когда я борюсь с желанием расплакаться.

— Бо — мудака, — тихо говорит она, и я смеюсь.

Позволять Софи ругаться вокруг меня — это что-то вроде сделки старшей сестры. У моей матери случается припадок, когда она слышит, как кто-то из нас ругается, поэтому я позволяю Софи делать это, когда мы одни. И в данном случае я действительно не могу с ней спорить.

— Я знаю.

— По крайней мере, ты с ним порвала.

— Да. Жаль, что у меня до сих пор нет своих денег. — Вытаскивая телефон из сумочки, я открываю сообщение от Бо.

— Почему нет?

— Потому что я идиотка и все испортила. Так что теперь я должна пойти забрать это у его отца, и я готова поспорить, что этот мудака недалеко упал от дерева мудаков.

— Итак, пойдём заберем это, — отвечает она, выглядя слишком взвинченной, чтобы идти собирать деньги у совершенно незнакомого человека.

— Я понятия не имею, где вообще живет этот парень, и я не возьму тебя в с собой.

Когда я нажимаю на адрес в тексте, он открывает приложение *Карта* и показывает красный значок на улице прямо рядом с набережной океана.

— Этого не может быть.

— Что такое? — спрашивает она, наклоняясь ко мне.

— Здесь сказано, что его дом находится в районе *Оушенвью*.

— Давай прогуляемся.

Я снова смеюсь и ерошу ее короткие, выцветшие голубые волосы. Они все еще растут из-за короткой стрижки, которую она сделала себе прошлым летом, так что теперь они свисают чуть ниже ушей.

— Хорошая попытка, маленький Смурфик, но у тебя есть уроки игры на фортепиано, а миссис Уилкоккс оторвет мне голову, если ты снова опоздаешь.

Софи закатывает глаза и драматично надувает губы, когда мы выезжаем с подъездной дорожки к дому Бо и направляемся через весь город в среднюю школу, где Софи получает уроки.

Всю дорогу я прокручиваю в голове каждый момент спора с Бо, его резкий тон запечатлелся в моей памяти. И чувство страха поселяется у меня внутри, когда я думаю о том, что мне придется встретиться лицом к лицу с его отцом.

Бо редко говорил о своей семье, когда мы были вместе, и всякий раз, когда я спрашивала о них, он просто менял тему, как будто ему было стыдно или неловко. Уговорить его отца подписать контракт с нами в прошлом году было достаточно сложно, но вскоре после этого между ними произошел раскол, и Бо вообще перестал с ним общаться. Поначалу нас связывало взаимное презрение к отцам. И если отец Бо хоть в чем-то похож на моего, то все это общение наверняка будет чертовски захватывающим.

ПРАВИЛО № 2: НЕ ДУТЬСЯ

Эмерсон

Почему она так на меня смотрит?

Двойник Бетти Пейдж с прямой черной челкой и довольно красивыми изгибами стоит на коленях на полу рядом с моим столом, и она... дуется.

Ее рубиново-красные губы поджаты, и она просто пристально смотрит на меня, пока я пью свой кофе. Все, чего ей не следовало делать.

Это призыв к вниманию, что имеет смысл, учитывая, что именно мое внимание привело ее сюда в первую очередь. Я буквально плачу ей за то, чтобы она заслужила легкое похлопывание по голове или небольшое одобрение, *заслужить*, ключевое слово. До сих пор эта девушка не делала ничего, кроме покровительственного отношения ко мне со всей этой чертовой театральностью, и я в двух секундах от того, чтобы вышвырнуть ее за дверь.

Буквально.

— Если ты хочешь моего внимания, ты должна сначала заслужить его. Вести себя. Делать, как я говорю. В противном случае молчи.

Дело не в том, что я придурок, это буквально сцена, которую мы разыгрываем, но эта девушка играет не по правилам. Она точно знала, на что подписывалась, когда бралась за эту работу.

— Смотри в пол, — приказываю я, не глядя на нее.

С ее губ срывается недовольный возглас, прежде чем она опускает взгляд в пол. Я очень надеюсь, что она не заинтересована в том, чтобы быть слабой, потому что это определенно не в моем стиле, и об этом совершенно ясно было сказано в заявлении.

Следующие три часа ее смены практически невыносимы, но я джентльмен, поэтому позволил ей остаться.

Она приносит мне обед, кладет свои роскошные сиськи мне на бедра, когда я задираю ноги во время скучной телефонной конференции, и даже получает хороший удар по щеке, когда ей удается сохранять полное молчание, пока я пишу электронное письмо.

Но она становится беспокойной, и я это вижу. Краем глаза я замечаю, что она снова надувает губы, и я опускаю взгляд, чтобы увидеть, как она закатывает глаза.

Это оно.

Наклонившись, я беру ее за подбородок и поворачиваю лицом к себе. Ее глаза расширяются, она нервничает.

— Ты что, только что закатила на меня глаза? — Спрашиваю я сквозь стиснутые зубы.

— Нет, сэр, — бормочет она, и я улавливаю нотку волнения, скрытую за легкой дрожью в ее голосе.

Да, она определенно нервничает.

Если бы наказание было моим коньком, она бы уже заслужила его к этому моменту, но даже я знаю, что наказание — это именно то, чего она хочет.

Поэтому вместо того, чтобы посадить ее к себе на колени или заставить отсосать мой член за ее вопиющее неуважение, я говорю:

— Встань. Собери свои вещи. Хорошего дня.

— Но...

— До свидания, Рита.

Отворачиваясь от нее, я сосредотачиваюсь на своем компьютере, полностью игнорируя ее.

Усмехнувшись, она уходит, надевает туфли, хватая пальто и, уходя, хлопает дверью.

Как только она уходит, я набираю номер Гаррета.

— Дай-ка угадаю. Она тебе не понравилась, — говорит он вместо приветствия.

— Она просто продолжала дуться. Неужели мужчинам действительно нравятся девушки, которые так сильно надувают губы?

Гарретт смеется на другом конце провода.

— Нам не нравится то, что нравится большинству мужчин, помнишь? Конечно, это усложняет мою работу, но я просто пытаюсь найти тебе подходящую девушку, Эмерсон.

— Извинись за меня перед Ритой и никогда не отсылай ее обратно в мой дом.

— Я понял это.

На линии на мгновение воцаряется тишина, пока я просматриваю электронные письма от Мэгги о новом обновлении приложения от разработчиков.

— Знаешь, это неправда, — бормочу я, просматривая ее сообщения.

Я слышу белый шум на заднем плане, а это значит, что Гаррет в машине.

— Что неправда? — Отвечает он через мгновение.

— Когда ты сказал, что нам не нравится то, что нравится большинству мужчин. Я думаю, что наши вкусы во многом совпадают с вкусами большинства. Мы просто уникальны в том, что не боимся преследовать их.

— Мы не боимся преследовать их здоровым образом.

— Вот именно.

— Завтра я пришлю за тобой новую девушку, — говорит он через мгновение.

— Не беспокойся.

Он раздраженно вздыхает.

— Ты уверен? Ты выглядишь напряженным. На следующей неделе у нас открытие клуба, нужно порадовать инвесторов, а государство дышит нам в затылок.

Это правда — я в стрессе. Вдобавок ко всему, о чем только что упомянул Гаррет, мой сын не отвечал на мои телефонные звонки уже четыре месяца. Но мысль о встрече с новой надутой сабай только сильнее напрягает меня.

— Я не думаю, что ты даже знаешь, чего хочешь, — рассеянно говорит он, и я бросаю взгляд на свой телефон, включенный на громкую связь.

— Я думал, что знаю. *Эти девушки хотят похвалы, но они не хотят ее заслужить.*

— Негативное внимание — это все равно внимание, — отвечает он.

— И ты знаешь, что я не люблю сопляков.

— Я знаю, Эмерсон. Но тебе придется дать кому-то шанс произвести на тебя впечатление, прежде чем ты ее вышвырнешь. Позволь мне прислать тебе еще одно письмо завтра. Есть много девушек, готовых сделать все, что ты захочешь.

— Может быть, на следующей неделе. Оставь приложение открытым.

Повесив трубку после разговора с Гарретом, я просматриваю стопку писем на своем столе. В основном это хлам, но мое внимание привлекает рукописный конверт.

Вскрыв его, я нахожу чек. Это за две тысячи долларов от незнакомого мне человека. В сопроводительной части чека указано: *Страховой залог за квартиру 623.*

Мне требуется минута, чтобы понять, что это адрес Бо. Или, по крайней мере, так оно и было. Я понятия не имел, что он вообще переехал, не говоря уже о том, что мне вернули

залог. Разве он не переехал к своей подружке?

Той, с кем он даже не позволил мне встретиться, потому что слишком стыдился меня — мрачно думаю я.

Это могло бы быть хорошо. Если ему понадобятся деньги обратно, ему придется прийти за ними ко мне. Взяв свой телефон, я набираю быстрое сообщение, стараясь, чтобы это не звучало так отчаянно, как я себя чувствую.

Твой домовладелец прислал мне твой страховой залог. Я сохраню это для тебя. Приходи, когда тебе это понадобится.

Естественно, ответа нет. Весь экран с текстовыми сообщениями является исходящим без ответов. У меня есть подтверждение от его матери, что он, по крайней мере, жив и у него все хорошо, так что я могу спать по ночам.

Я просто хочу, чтобы он снова заговорил со мной. Жаль, что разочарование, похоже, стало темой моей недели.

ПРАВИЛО № 3: ВСЕГДА ДЕЛАЙ, ЧТО ТЕБЕ ГОВОРЯТ, ОСОБЕННО КОГДА ЭТО СВЯЗАНО С ТЕМ, ЧТОБЫ ВСТАТЬ НА КОЛЕНИ ПЕРЕД ГОРЯЧИМ ПАПОЧКОЙ-МИЛЛИОНЕРОМ

Шарли

Этого не может быть.

Дом, на который я смотрю, представляет собой трехэтажный особняк в испанском стиле с ухоженными пальмами, арочными окнами и мощеной подъездной дорожкой.

Клянусь, если парень, с которым я только что встречалась, тайно при деньгах, я буду очень зла. Мы буквально копались под диванными подушками в поисках монет, чтобы нам хватило на *Taco Bell* на ужин. Не может быть, чтобы его отец все это время жил именно здесь.

Вылезая из машины, чувствуя себя очень неуместно в этом районе, я смахиваю собачью шерсть со своей черной бархатной юбки и поднимаюсь по мощеным ступенькам к входной двери. Отсюда я буквально слышу шум океана.

Это просто смешно.

Этот парень, наверное, прямо сейчас подтирает свою задницу моим чеком на тысячу долларов.

Я звоню в дверь, но примерно тридцать секунд на звонок никто не отвечает. Обычно я испытывала бы облегчение от того, что их, похоже, нет дома, и я избавлена от неловкой ситуации, связанной с необходимостью разговаривать с незнакомцами, но я слишком бедна, чтобы испытывать облегчение. Мне нужны наличные.

Я пообещала Софи, что возьму ее с собой на фестиваль аниме в апреле, и ее день рождения не за горами. Кроме того, я не могу вечно жить в казите за домом моей матери.

Поэтому я стучу снова.

— Иду! — Зовет приятный голос, и я слышу, как высокие каблуки стучат по твердому каменному полу.

Когда дверь распахивается, я смотрю в большие голубые глаза женщины с волнистыми каштановыми волосами и пухлыми розовыми губами.

— Привет... Я здесь, чтобы повидаться с мистером Грантом.

Она застывает с широко раскрытыми глазами и приоткрытым ртом. Затем она бросает взгляд на свои часы.

— О, хорошо... Я не знала, что ты придешь сегодня, но все в порядке. Входи, входи.

Она не знала, что я приеду? Я никому не говорила, что приеду сюда. Может быть, Бо предупредил свою семью, что я заберу чек.

— Вы миссис Грант? — Спрашиваю я.

Последнее, что я знаю, Бо сказал мне, что его родители расстались, когда он был еще ребенком, но я предполагаю, что, возможно, у него новая жена, о которой я никогда не знала.

Смех срывается с ее губ, когда она качает головой.

— Боже, нет. Я просто помогаю ему сегодня. Он должен вернуться с минуты на минуту.

Ты можешь подождать его в офисе.

— Хорошо, спасибо, — бормочу я, пока она ведет меня через просторную гостиную с высокими потолками и мраморными полами к открытым французским дверям с другой стороны.

Она ведет в большой офис с эркерными окнами, выходящими на океан. На мгновение я теряю дар речи, глядя на открытую воду.

— Вау... — шепчу я, замирая в дверном проеме.

— Какой милый наряд, — говорит женщина, глядя сверху вниз на мой полностью черный наряд.

Это прозрачный топ с длинными рукавами и воротником в стиле Питера Пэна, черная бархатная юбка-карандаш и колготки с черными вставками в завершение.

— Спасибо, — отвечаю я с улыбкой.

— Это необычно, но думаю, ему это понравится.

— Что? — спрашиваю я, но ее телефон звонит, и она отходит. Пока она отвечает, болтая о каких-то деловых вещах, на которые я не утруждаю себя вниманием, я брожу по комнате, оценивая стиль. Что-то мне не по себе после того комментария о том, что ему понравится мой наряд. Это так здешние женщины обращаются с ним? Как будто его мнение о нашей одежде вообще имеет значение.

Каким бы жутким ни был этот комментарий, по крайней мере, его офис прекрасен. В отличие от холодной, стерильной обстановки в остальной части дома, пол в офисе покрыт богатым ало-красным ковром, а большой письменный стол из красного дерева с двумя глубокими серыми креслами напротив него. Мои пальцы касаются ткани каждого из них.

— Он идет, — огрызается женщина.

— Тебе, наверное, следовало бы *встать на колени*.

Полагая, что я ослышалась, я оглядываюсь с выражением замешательства на лице, но она уже выбегает из комнаты, закрывая за собой французские двери.

Она что, серьезно только что сказала, что я должна встать на колени?

Это место вызывает у меня какие-то очень странные ощущения. Я рада, что не взяла с собой Софи, даже если это не гетто, ни в коем случае. Теперь я начинаю понимать, почему Бо не хотел, чтобы я знакоилась с его отцом. Мне нужно просто получить свой чек и обратиться отсюда к чертовой матери.

Я поворачиваюсь, чтобы выйти из офиса и спросить ее, что происходит, но тут в поле зрения появляется он.

Они находятся в фойе, которое я вижу через окна французских дверей, и разговаривают, пока женщина направляется к выходу. Я не могу разобрать, о чем они говорят, но я слишком сосредоточена на мужчине, с которым она разговаривает.

Я никогда даже не видела отца Бо на фотографиях, поэтому понятия не имела, чего ожидать, но это было не так.

Он высокий, с массивным телосложением и загорелой кожей. Его темные волосы безупречно зачесаны набок с намеком на седину на висках и прядью на макушке. На нем дорогой костюм темно-синего цвета.

Я могу разглядеть только его профиль, но вижу достаточно, чтобы сказать, что его безупречный костюм и фигура хорошо сочетаются с его безупречным лицом. У него волевой лоб, точеная линия подбородка и коротко подстриженная борода песочного цвета. Я смотрю на него, когда он поворачивает ко мне голову, и моя кровь практически закипает на моим

щекам под его пристальным взглядом. Я быстро поворачиваю голову лицом к океану, пока он идет к офису.

Как только он входит в комнату, все в ней как будто съезживается, включая меня. Закрыв за собой дверь, он снимает пиджак и вешает его на высокую дубовую вешалку. У меня пересыхает во рту, когда я провожу взглядом по его широким плечам и мускулам спины сквозь натянутую ткань рубашки.

— Привет, я Шарлотта, — начинаю я. Мои руки сцеплены перед собой, и я не знаю, почему вдруг так нервничаю. Обычно я не такая пугливая.

— Тебе следует *встать на колени*. Никогда не поднимайся на ноги, когда я вхожу в комнату. И ты не будешь говорить, пока я тебя не попрошу. Когда ты это сделаешь, ты будешь обращаться ко мне *сэр*, и никак иначе. Это понятно?

Его голос глубокий и холодный, как будто доносится прямо из глубин океана.

Я застряла на его словах, пытаюсь понять их смысл. Мое тело внезапно впадает в панику, когда у меня возникает жуткое чувство, что я только что столкнулась с чем-то, чего не должна была.

— Извините? — Заикаюсь я.

Он застывает на месте, его глаза скользят по моему телу с головы до ног, и я чувствую, как по спине пробегает волна тепла.

— *На колени*, — рявкает он.

У меня перехватывает дыхание. Я должна была бы убежать и кричать, и мне определенно не следовало бы думать о том, чтобы опуститься ради него на пол. Он что, какой-то шовинистический придурок, который думает, что все женщины должны перед ним преклоняться или что-то в этом роде?

И если от этой идеи у меня от ярости поднимается кровяное давление, почему я чувствую себя так *беспорядочно... возбужденной*?

— Почему? — спрашиваю я.

Он реагирует так, словно я дала ему пощечину.

— Ну, ты же хочешь получить свои деньги, не так ли?

Иисус — блять — Христос!

Нет, нет! Шарлотта Мари Андервуд, не смей даже задумываться об этом ни на секунду. Этот манипулятивный ублюдок не контролирует тобой, и тебе не обязательно становиться перед ним на колени! Это твои деньги, и ты не должна за них ничего делать.

Но он смотрит на меня с огнем в глазах, как будто ждет, что я подчинюсь.

Каждая рациональная часть моего мозга кричит мне, чтобы я послала этого парня на хуй... но рациональная часть моего мозга в данный момент не контролирует ситуацию.

У меня действительно начинают подгибаться колени, и я не могу поверить себе. Когда они падают на ковер, я ожидаю, что почувствую себя крайне униженной. Я хочу быть в ярости.

Вместо этого я все еще смотрю ему в лицо, ожидая увидеть, что этот психопат приготовил для меня дальше.

Он не хочет, чтобы ты это делала... ты знаешь это... заняться с ним сексом только для того, чтобы вернуть свои деньги, не так ли? Я подвожу здесь черту.

Я думаю.

Да, да, я определенно подвожу здесь черту.

— *Намного лучше*, — тепло говорит он, и меня охватывает странное чувство

спокойствия.

Затем он подходит ближе, пока не оказывается на расстоянии вытянутой руки, и в этот момент я чувствую запах его опьяняющего одеколона.

Я смотрю на этого мужчину-гору, когда он протягивает руку и гладит меня по подбородку, прежде чем взять за подбородок.

Мой внутренний будильник сигналист. Это очень, очень, чертовски неуместно, но как, черт возьми, мне теперь выкрутиться? Я уже преклонила колени.

— Обычно я бы хотел, чтобы ты смотрела в пол, но я хочу смотреть на тебя. — Он приподнимает мой подбородок, изучая мое лицо.

Я не могу дышать. Я не могу пошевелиться. Я ничего не могу сделать, потому что я незащищенная добыча в его руках.

Он лев, а я кроткая газель, зажатая у него в зубах.

Черты его лица смягчаются, и уголок губы подергивает.

— *Прекрасна.*

Это слово как теплый мед, стекающий по моему позвоночнику.

Когда он отпускает мой подбородок, он разворачивается и идет к другой стороне своего стола.

— Где Гаррет нашел тебя? — спрашивает он.

— Гаррет? — Заикаюсь я, сбита с толку. Он имеет в виду Бо?

— Я сказал ему никого не посылать сегодня, и тебе явно нужно больше тренироваться, но...

Как будто кто-то щелкает у меня перед носом, пробуждая меня от этого гипноза.

— Подождите, что? — Рывкаю я, прерывая его.

Он поворачивает голову в мою сторону, выглядя оскорбленным моей дерзостью прервать его.

— Кто такой Гаррет? О каком обучении вы говорите?

— Как тебя зовут? — Медленно спрашивает он.

— Шарлотта Андервуд. Я здесь, чтобы получить от вас свой чек.

— Шарлотта? Какой чек...

В тот самый момент, когда он понимает, что что-то не так, у него подергивается глаз, и весь контроль и спокойствие исчезают с его лица, пока он не выглядит встревоженным и извиняющимся.

— Господи, вставай.

Я вскакиваю на ноги.

Я наблюдаю, как он потирает брови, выглядя задумчивым и обезумевшим.

— Ты девушка Бо, — говорит он со стоном.

— Бывшая, — поправляю я.

Он поднимает на меня взгляд с намеком на удивление на лице.

— Вы расстались?

Это то, на чем он сейчас сосредоточен?

— Да.

Выдыхая, он откидывается на спинку стула, и я жду, что он что-нибудь скажет.

— Мне нужна только половина этого чека. Он дал мне ваш адрес и сказал, чтобы я приехала за ним.

Выражение его лица искажается, и он возвращается к потиранию лба.

— Конечно. Сколько тебе нужно?

Я наблюдаю, как он лезет в ящик своего стола, вытаскивая чековую книжку и ручку.

— Залог был на две тысячи, и половина из них была моей.

Когда его глаза снова поднимаются, чтобы посмотреть на меня, я чувствую, что почти съезживаюсь. Он такой пугающий, и, возможно, именно отсюда это у Бо, хотя Бо притворяется более могущественным, чем есть на самом деле. Этот парень просто силен, этого нельзя отрицать.

Он выписывает чек, срывает его с места и передает мне.

Я быстро делаю шаг вперед и беру его.

Я должна убежать прямо сейчас. У меня есть то, за чем я пришла, неловкая путаница позади, и у меня больше нет причин оставаться, но я чувствую, что застряла на своем месте.

— Шарлотта, я должен извиниться. Боюсь, я принял тебя за кого-то другого, когда нашел в своем кабинете.

Говоря это, он не смотрит на меня, просто расстегивает рукава и начинает закатывать их. Я заиклена на движении его рук и на том, как эта облегающая белая рубашка смотрится на его загорелой коже.

Я сглатываю.

— За кого вы меня приняли? — спрашиваю я, прекрасно понимая, что не имею абсолютно никакого права на такой ответ, но я ничто иное, как упрямая и безрассудная.

Его глаза снова возвращаются к моему лицу.

— Это не важно.

— Кто-то, кто работает на вас? Или кто-то, кого вы... нанимаете?

Он пристально смотрит на меня, его глаза напряженно щурятся, когда он понимает, на что я намекаю.

— Как я уже сказал, это не важно, и я был бы признателен, если бы ты не делилась этим с Бо.

— Я с ним больше не разговариваю и не планирую этого делать.

Его челюсть сжимается, когда он выдыхает.

— Хорошо.

Развернувшись на каблуках, я направляюсь к двери, на ходу читая чек, чувствуя себя крайне униженной и раздраженной из-за этого. И как только я берусь за дверную ручку, я представляю лицо Софи. И я помню, что приближается ее день рождения, и как дороги билеты на фестиваль аниме, и она хотела получить VIP-пропуск, чтобы встретиться со своим любимым иллюстратором.

Поэтому я делаю паузу.

О Боже, это глупо, но я должна попытаться.

Я поворачиваюсь и встречаюсь лицом к лицу с человеком, который пугает меня больше, чем кто-либо из тех, кого я когда-либо встречала.

И когда я вижу его там, занимающего большое кресло за гигантским письменным столом перед окнами от пола до потолка, мне становится понятно, почему девушки приходят сюда и преклоняют перед ним колени.

Бьюсь об заклад, он не привык к девушкам, которые огрызаются, бросают ему вызов, устраивают ему ад.

Но он должен мне. Я встала перед ним на чертовы колени.

— Знаете... Вообще-то, я могла бы снова увидеть Бо, — осторожно говорю я.

Он поднимает на меня взгляд, странно приподняв бровь.

— Надеюсь, я не проговорюсь случайно...

О, ты смелая, Шарли.

Мои руки дрожат, и я не могу позволить ему увидеть, что я колеблюсь, поэтому я быстро сцепляю их за спиной. Я высоко поднимаю голову, расправляю плечи и смотрю ему прямо в глаза.

Не говоря больше ни слова, он снова достает свою чековую книжку, и выражение его лица говорит о том, что он совсем не счастлив, но я напоминаю себе, что мне все равно. Мне все равно, злится ли он на меня, ненавидит ли меня.

За исключением того, что я знаю. *Мне действительно не все равно, и я ненавижу разочарованную гримасу на его лице*, когда он выписывает очередной чек. Но мне нужны эти деньги, и я в состоянии их получить.

Сделай это ради Софи, напоминаю я себе.

— Какое число может помочь тебе держать рот на замке? — Говорит он с ворчанием.

Я быстро облизываю губы.

Черт, я не знаю. Так что я просто соглашусь с ценой на аниме-фестиваль с VIP-пропусками.

— Двести пятьдесят.

Он поднимает на меня взгляд, как будто удивлен. *Слишком много? Слишком мало?*

— Двести пятьдесят?

Я киваю.

Кажется, он на мгновение задумывается над этим, прежде чем вернуться к заполнению анкеты. Он снова вырывает чек из книги и протягивает его мне.

Я быстро пересекаю комнату и замечаю, как он наблюдает за моим телом, когда я спешу к нему. Затем он встречается со мной взглядом, но не сразу выпускает чек из рук. Вместо этого он выглядит так, словно хочет что-то сказать.

Я жду, надеясь, что он снова не собирается со мной спорить.

Наконец, он отпускает это.

— Спасибо.

Он кивает, и я поворачиваюсь, чтобы выбежать из его кабинета.

Я не останавливаюсь, пока не добираюсь до своей машины.

Опустившись на водительское сиденье, я, наконец, испускаю тяжелый вздох, который сдерживала.

Я опускаю взгляд на два чека в своей руке. Первый за тысячу, а второй за пять тысяч.

— *Что за...*

Это ошибка? Я продолжаю перечитывать написанный номер, задаваясь вопросом, чего именно мне не хватает.

На секунду я даже подумываю о том, чтобы побежать обратно в дом и сказать ему, что он совершил огромную ошибку. Затем я замечаю, что в примечании к чеку есть номер телефона, за которым следуют три буквы: *SPC*.

Это не его инициалы. Но что-то в этой записке заставляет меня думать, что он написал эту сумму нарочно. Так что я больше туда не возвращаюсь. Я имею в виду, он при деньгах. Для меня пять тысяч могут быть оплатой по ипотеке и билетами на фестиваль аниме, но для него это, вероятно, пустяк.

Я взвизгиваю от возбуждения и бросаю чеки на пассажирское сиденье, завожу машину и

спешу домой.

Стоило ли мое унижение пяти тысяч?

Это, черт возьми, точно стоило этого.

ПРАВИЛО № 4: ПОСЛЕ УНИЗИТЕЛЬНОГО ДНЯ С ОТЦОМ ТВОЕГО БЫВШЕГО ВСЕГДА ЛУЧШЕ ТАКО И МАРГАРИТА

Шарли

Софи на седьмом небе от счастья, когда официантка ставит на стол порцию жареного мороженого размером больше ее головы. Тем временем моя мама сидит рядом со мной посасывая маргариту, которая еще больше, ее.

Моя сестра предлагает мне ложку, и я с улыбкой беру ее. Мы набрасываемся на мороженое, едва дыша между кусочками сладкой карамельно-ванильной смеси.

— Вау, Шарли. Спасибо, что пригласила нас на этот ужин, — говорит моя мама с пьяной улыбкой.

Приятно видеть ее такой расслабленной. Учитывая дополнительные смены, которые она проводила в больнице, я знаю, что она была в стрессе.

— С удовольствием, — бормочу я с полным ртом мороженого.

— *Заморозить мозг!* — Софи вскрикивает, хватаясь за лоб.

Мы с мамой смеемся над ее неправильно произнесенной фразой, которую она использует с детства, и у нас никогда не хватало духу поправить ее.

Так что теперь мы все называем это замораживанием мозга.

Когда я вернулась домой с пятью тысячами больше, чем ожидала, я сразу же сказала им чтобы они оделись для ужина вне дома. В конце концов, сегодня вторник с Тако.

Я не потрудилась упомянуть, как у меня оказались эти пять тысяч, но это было не важно. По их мнению, дополнительные наличные были просто страховым взносом, и все.

Почему он оставил мне свой номер?

Зачем мне нужно было ему звонить?

А что такое SPC?

Я погуглила это и получила множество ответов, которые не показались мне полезными.

Однако в восьми милях от моего дома есть сицилийская пиццерия, так что это приятно знать.

Я отключаюсь, отправляя мороженое в рот, думая о том, как он прикоснулся к моей щеке, какое странное удовлетворение я испытала, когда он произнес это единственное слово: Прекрасна.

Он не назвал меня прекрасной и не сказал: Ты хорошо выглядишь. Это было по-другому. Это было... одобрение.

Какая нелепая вещь — чувствовать себя так хорошо от похвалы какого-то незнакомца. На самом деле, даже не незнакомец. Отец Бо.

Каждый раз, когда я думаю об этом, у меня мурашки пробегают по всему телу. Я имею в виду, да, он симпатичный мужчина, но он должен быть примерно... на двадцать лет старше меня. Он буквально ровесник моего отца. Двойной удар.

И что именно он восхвалял? Мое лицо.

Я ненавижу свое предательское тело за то, насколько возбужденной я чувствовала себя в тот момент, но это всего лишь естественная реакция, верно? Потому что я полноправная

феминистка с карточками и кулаками. Последнее, что мне нужно для удовлетворения своей жизнью, — это одобрение мужчины.

Это просто было приятно. Это ничего не значит.

А тот факт, что стоять перед ним на коленях было утешительно, это просто укоренившееся женоненавистничество поколений. Спасибо, патриархат.

Обдумав ситуацию в своей голове, я пришла к выводу, что отец Бо принял меня за проститутку. Это единственное, что имеет смысл. И, судя по всему, ему нравятся покорные секс-работницы, что круто, *я имею в виду, у каждого свои извращения, верно?*

Так почему же я не могу перестать думать об этом? Почему мой мозг, кажется, думает, что в этом опыте есть что-то, за что стоит зацепиться? И зачем он потрудился оставить мне свой номер телефона?

— За расставание с Бо, — объявляет моя младшая сестра, поднимая последнюю ложку мороженого, как будто произносит тост.

— Софи! — Ругает ее моя мама.

— Все в порядке, — отвечаю я.

Затем я чокаюсь своей ложкой с ложкой сестры.

— Он мне совсем не подходил. Лучше быть одной, чем с кем-то, кто плохо к тебе относится.

За столом воцаряется тишина, и воспоминание о моем отце наполняет воздух, как неловкий туман.

Он ушел около полутора лет назад, потому что не мог избавиться от своего невежества.

Он не одобрял того, как живет моя сестра, и его собственная глупость стоила ему семьи. Но нам лучше без него, и я напоминаю об этом Софи так часто, как только могу.

Когда любовь становится ядовитой, это уже не любовь.

А потом я уходила и оставалась с Бо гораздо дольше, чем следовало, через три месяца после того, как я поймала его на измене, позволила ему говорить со мной свысока, заставила чувствовать себя дерьмово и подвергать сомнению все в себе.

Так что я точно не могу винить свою сестру за то, что она захотела поднять тост на расставание.

— Ты заслуживаешь лучшего, Шарли.

— Я знаю, — отвечаю я, уставившись на остатки карамельно-шоколадного соуса на тарелке.

— Я думаю, ты встречалась с придурком, потому что считаешь, что заслуживаешь придурка.

Я поднимаю на нее взгляд, в замешательстве наморщив лоб.

— Тебе всего четырнадцать! Откуда ты такая мудрая?

— Я читаю умные книги, — отвечает она со смехом.

— О, тогда, наверное, мне придется показать маме твою электронную книгу. Давай посмотрим, насколько умным она считает *Спаривание с оборотнем*.

— Что? — Спрашивает мама, отрывая свое пьяное внимание от льда, оставшегося в ее бокале для маргариты.

— Ты сопляк! — Кричит Софи, швыряя в меня салфеткой. Ее щеки порозовели от смущения, и я не могу сдержать смех.

Лежа той ночью в своей комнате у бассейна, я не могла перестать думать о том, что

произошло сегодня.

Прежде чем обналичить чек, я нацарапала его номер телефона на старом чеке, лежавшем в моей сумочке. Казалось, я все еще не могла с этим расстаться. Я крепко сжимаю его пальцами, и тон его голоса эхом отдается в моих ушах.

Прекрасна.

Я ни за что не позвоню ему. Это безумие. Я уверена, он просто дал это мне на случай, если мне понадобится помощь или я захочу поддержать контакт... из-за Бо.

Это был абсолютно отцовский поступок. Так что я не знаю, почему мой мозг, кажется, заиклился на этой идее, что он хочет, чтобы я позвонила ему по какой-то другой причине.

Я бросаю номер в мусорное ведро рядом с кроватью и выключаю свет. Но вместо того, чтобы погрузиться в сон, я ловлю себя на том, что почти час ворочаюсь с боку на бок. Я продолжаю снова и снова переживать тот момент, когда он назвал меня *прекрасной* и погладил по лицу.

Забудь об этом, Шарли.

Но я не могу.

И через минуту я снова беру свой телефон. На этот раз вместо того, чтобы загуглить *SPC*, я введу в строчку поиска *Эмерсона Гранта*. Я не знаю, почему я так боялась встретиться с ним раньше, но, думаю, я слишком нервничала.

Если бы я знала о нем слишком много, он бы действовал мне на нервы, так что чем меньше я знаю, тем лучше.

Но прямо сейчас мое любопытство не дает мне покоя. Так что я собираюсь один раз унять этот зуд, а затем двигаться дальше.

Эти три буквы, *SPC*, появляются первыми, прямо под его фотографией и должностью *Генеральный директор*.

Я нажимаю на ссылку, и она переходит на черный экран с окошком посередине, объявляющий этот сайт только для участников.

Ну, черт. Там есть место для ввода пароля, но у меня его явно нет, поэтому я возвращаюсь назад.

Прокручивая немного дальше, я продолжаю копаться.

Там есть информация о нем и его трудовой биографии, множество расплывчатых подробностей о его образовании и несколько эффектных фотографий, на которых он запечатлен в возрасте двадцати-тридцати лет, в основном в смокингах и на важных мероприятиях. Но только на седьмой странице этого нескончаемого поиска в *Google* я нахожу то, что ищу.

Очевидно, кому-то еще тоже было любопытно, и он выложил все, что мне не терпится узнать.

Клуб непристойных игроков. Служба знакомств и эскорта, которая вскоре расширит свою деятельность до клуба с полным спектром услуг только для членов клуба в калифорнийском районе Брайар-Пойнт.

Он владелец... службы знакомств? И что, черт возьми, означает клуб непристойных игроков?

Пролистывая пост за постом, я чуть не роняю телефон, когда попадаю на что-то похожее на эротический порносайт.

Это блог под названием Эскапады мадам Кинк на Западном побережье.

Женщина на экране закутанная в тесную одежду, держит хлыст и улыбается леденящей

душу улыбкой.

Такие слова, как *извращение, рабство, подчинение, бондаж и эксгибиционизм*, смотрят на меня с экрана.

— Что это за служба знакомств?

Внезапно я оказываюсь на глубине двадцати страниц в странной кроличьей норе и не могу перестать нажимать.

Судя по всему, у мадам Кинк есть некоторый опыт работы в клубе Эмерсона, э-э, услугами или что-то в этом роде. И она записывала в дневник свой путь через каждое взаимодействие.

SPC — это новаторская услуга в области сексуального освобождения как для мужчин, так и для женщин. Наконец-то, место, где мы можем исследовать наши желания безопасными и здоровыми (и очень полезными) способами. Мистер Грант и его команда — настоящие первопроходцы, и я надеюсь, что услуги этого клуба будут распространяться по всей стране.

Мне приходится проглотить комок нервов, застрявший у меня в горле.

Сплю ли я прямо сейчас?

Что-то во всем этом подсказывает мне, что эта служба знакомств не сводит вас в пару с людьми, которые также любят заниматься йогой и совершать длительные прогулки по пляжу.

По словам мадам Кинк, люди, которым нравится, когда их связывают и затыкают рот кляпом, могут легко найти других людей, которым нравится... связывать и затыкать рот кляпом.

Это действительно то, чем занимается отец Бо? Кажется, мой мозг не может вместить ничего из этого, но сейчас я зашла слишком далеко, чтобы прекращать свои поиски.

Не могу... перестать... щелкать.

Этот блог похож на руководство для манекена по извращениям, и я просматриваю множество вещей, которых не понимаю.

В этом гораздо больше, чем я когда-либо думала, и есть много вещей, о которых я немного боюсь читать, но мой взгляд цепляется за одну конкретную вещь.

Слава извращению.

Вопреки здравому смыслу, я нажимаю на нее.

Появляется страница с женщиной, стоящей на коленях, и мужской рукой, держащей ее за подбородок. Она смотрит на него так, словно он сам Бог, и у меня сводит живот.

Это то, что я сделала сегодня, не так ли?

Я позволила ему поставить меня в такое положение, и мне это понравилось.

— Нет. — Я быстро смахиваю экран и бросаю свой телефон на тумбочку.

Нет, нет, нет. Я не из таких девушек, и у меня абсолютно нет интереса находить парней, которые хотят заставить меня встать на колени, называя меня хорошенькой. К черту это.

Уже почти два, когда я, наконец, засыпаю, выбросив из головы все мысли об Эмерсоне Гранте, мадам Кинк и Клубе непристойных игроков.

Но, очевидно, у меня на уме другие планы, потому что мои мечты наполнены до краев, я заново переживаю каждое мгновение в его кабинете, мужчину в костюме заменяет сама мадам Кинк, которая затем превращается в Бо.

Вместо того, чтобы бороться с актом преклонения перед ним, я на самом деле прошу

его внимания. Я цепляюсь за его ноги, гоняюсь за ним, как собака, но он только заставляет меня чувствовать себя хуже, говоря мне, какая я жалкая, вместо того, чтобы быть милой.

Это мучительно, но, наконец, все меняется, когда отец Бо смотрит на меня сверху вниз. Даже во сне у меня есть некоторое ощущение осознания того, что это нереально и что это нормально, если мне это нравится, потому что рано или поздно я проснусь, и никто не узнает.

За исключением того, что в моем сне я хочу большего.

Я протягиваю руку и касаюсь мягкого хлопка его брюк, ощущая твердые мышцы его ног под ними. Я возюсь с его ремнем, глядя на него с пола. Он гладит меня по голове, и меня переполняет чувство эйфории. И я продолжаю бороться с его ремнем, отчаянно пытаюсь вытащить его член. И как только я расстегиваю молнию, я просыпаюсь.

У меня на телефоне звенит будильник, и я издаю стон.

Мое тело — живая проволока, встревоженное и возбужденное, не совсем так, как я хотела начать свой день.

Мне серьезно нужна помощь. Пытаюсь заняться сексом с отцом моего бывшего парня в своих мечтах... просто прелесть.

ПРАВИЛО № 5: КОГДА ГОРЯЧИЙ ПАПОЧКА-МИЛЛИОНЕР ЗАХОДИТ НА КАТОК, ЧТОБЫ ПРЕДЛОЖИТЬ ТЕБЕ БОЛЕЕ ВЫСОКООПЛАЧИВАЕМУЮ РАБОТУ, ТЫ СОГЛАШАЕШЬСЯ

Шарли

Тревожное и возбужденное настроение, в котором я проснулась этим утром, остается со мной весь день, и даже время, проведенное со съемной насадкой для душа, не смогло заглушить то, что заставил меня почувствовать этот сон.

На работе все это снова и снова прокручивается у меня в голове, делая меня замкнутой и немного раздражительной.

Я собираю коробку с новыми коньками, когда глубокий и странно знакомый голос с другой стороны прилавка заставляет меня остановиться, и я на самом деле задаюсь вопросом, не вызвал ли этот звук мой недосыпающий мозг.

— Одиннадцать с половиной, пожалуйста.

Я откидываюсь назад и вглядываюсь в клиента, который сделал запрос, и чуть не вскрикиваю, когда узнаю высокого темноволосого мужчину, стоящего на ярком ковре, его рука покоится на высоком лакированном прилавке.

Пытаясь спрятаться за стеной, я молча молюсь, чтобы он меня не увидел. Что он вообще здесь делает?

— Привет, Шарлотта, — говорит он, и мои глаза расширяются.

Нервничая, я запикиваю коньки на полку, даже не проверив, правильно ли я их положила, и собираю всю свою пошатнувшуюся уверенность, чтобы поприветствовать его.

— Привет, — бормочу я, заикаясь, прежде чем оглядеться, чтобы посмотреть, нет ли кого-нибудь в пределах слышимости.

Сегодня среда, и мы открылись всего пятнадцать минут назад. За исключением нескольких детей, обучающихся на дому, и нескольких постоянных посетителей, до вечера здесь не будет ни одного посетителя.

— Пожалуйста, зови меня Шарли.

— Я пошутил насчет коньков, — добавляет он с намеком на улыбку на лице.

— Я не буду кататься на коньках.

Принужденный, неловкий смех вырывается из моей груди, когда я подхожу к прилавку. Исчезает всякая надежда попытаться вести себя естественно.

Вид его лица пробуждает воспоминания о моем сне и о том, как я цеплялась за его член, как помешанная на сексе нимфоманка.

Я прикрываю щеки, надеясь скрыть свой румянец.

— Как ты меня нашел? — спрашиваю я.

Он поднимает свой телефон, показывая мне фотографию, на которой я в группе фигуристов танцую на танцполе в красочном наряде во время нашего мероприятия *Neon Nights. Instagram*.

— Ой. — Может ли это быть еще более унижительным?

Должно быть, он здесь, потому что осознал свою ошибку, выписывая чек, который он дал мне вчера, и он здесь, чтобы забрать его.

Я уже обналачила их и внесла дополнительный платеж по своему школьному кредиту, так что разговор будет неловким.

— Послушай... — Я говорю осторожно.

— У тебя есть минутка, чтобы поговорить? — Спрашивает он, прерывая меня.

— Конечно, — бормочу я.

Оборачиваясь, я ищу Шелли, хозяйку катка и старую подругу моей мамы, но она, должно быть, у себя в кабинете или на заднем дворе курит.

Вместо того чтобы идти на перерыв, я указываю на одну из старых пластиковых кабинок у стены.

Он кивает и садится, и при виде этого трудно не рассмеяться.

Отец Бо огромен, больше, чем я заметила вчера.

Он, должно быть, шесть футов три дюйма, у него широкие плечи и крепкое телосложение. Как... мускулистое тело папаши. Если это вообще возможно.

Он также выглядит нелепо в кабинке, потому что он, должно быть, мультимиллионер, который за всю свою жизнь ни разу не ступал на роликовый каток и не сидел в кабинке.

Я уверена, что если он и водит женщин на свидания, то только на яхту или в Черногорию, а не на дешевый каток, чтобы поесть пиццы и выпить пива. Это гораздо больше соответствует моей реальности, и это прекрасно.

Я имею в виду... поездки в Черногорию не были бы ужасными, но это просто немного не в моей лиге.

— Что я могу для тебя сделать? — спрашиваю я, усаживаясь напротив него.

Он открывает рот, а затем закрывает его, и до меня доходит, что он собирается затронуть что-то, что может быть слегка неудобным, и я уже боюсь, что речь пойдет о том, что произошло вчера.

Особенно после того, как я просмотрела все на его сайте.

Я быстро избавляю его от дискомфорта.

— Если это из-за вчерашнего, то все в порядке. Тебе не нужно ничего говорить. Все в порядке.

— Дело не во вчерашнем дне, — отвечает он.

— По крайней мере, не совсем.

— Тогда насчет Бо?

Его внимание привлекает меня, и мне кажется, что наш разговор резко уходит влево, когда речь заходит о его сыне.

— Ты с ним разговаривала?

Мои плечи опускаются, и я поджимаю губы.

— Мистер Грант, я же говорила уже. Мы расстались. Я больше не собираюсь разговаривать с Бо...

Это кажется резким, но я думаю, он должен понять, что Бо ушел из моей жизни навсегда.

Я больше не могу быть спасательным кругом для его сына.

Что-то в нем сдувается, и он хмурит лоб, откидываясь на спинку стула. А потом он просто выпаливает это, как будто срывает пластырь.

— Мисс Андервуд, я хотел бы предложить тебе работу.

На долю секунды я прихожу в восторг. Работа? По-настоящему оплачиваемая, взрослая работа. Кое-что, что я действительно хотела бы включить в свое резюме. Больше никаких корнд-догов или антибактериального спрея для обуви.

Потом я вспоминаю, что обнаружила прошлой ночью — что, по его мнению, я должна делать, и жар заливает мои щеки.

— О...

Он прочищает горло.

— Это работа секретаря, мисс Андервуд. Обычная работа секретарши.

— О, — повторяю я, на этот раз с меньшим колебанием.

Я полностью отвожу глаза от его пристального взгляда.

— Итак...

— У тебя есть вопрос? — Спрашивает он после долгого неловкого момента.

— На этой работе не будет никаких... коленопреклонений?

Намек на улыбку приподнимает уголок его рта.

— Никаких коленопреклонений. В основном бумажная работа.

Я прочищаю горло, все еще не сводя глаз со стен, катка, фигуристов... буквально с чего угодно, только не с красивого и пугающего мужчины по другую сторону этого стола.

Он скрещивает руки на груди, хмуря брови.

— Ты хочешь меня еще о чем-то спросить, Шарлотта?

От того, как он произносит мое имя, у меня по спине пробегают мурашки. Это единственная причина, по которой я его не поправляю.

Никто не называет меня Шарлоттой. Это Шарли, и я всегда была Шарли с тех пор, как мне исполнилось восемь лет.

Это единственная причина, по которой я, наконец, поднимаю на него глаза, позволяя нашим взглядам встретиться.

Он такой красивый, что на него почти тяжело смотреть, но он не уклоняется от контакта. На самом деле, кажется, что он смотрит на меня чуть ли не дольше, чем это принято.

— Ты думал, я была... проституткой? — Спрашиваю я, нависая над столом и шепча последнее слово, как будто кто-то мог это услышать, пока *Groove is in the Heart* гремит над катком, освещенным стробоскопом.

Он наклоняется вперед, чтобы соответствовать моей позе, его часы позвякивают о покрытый линолеумом стол.

— Нет. Я не думал, что ты проститутка.

Мгновение мы просто смотрим друг на друга, оба склонившись над кабинкой, и наши лица так близки, что, наверное, кажется, будто мы либо делимся грязными секретами, либо собираемся поцеловаться.

— Ты собираешься рассказать об этом подробнее или заставишь меня использовать свое воображение? — Спрашиваю я, когда он больше не дает мне никакой информации.

В его глазах появляется озорной огонек, когда он облизывает нижнюю губу и отстраняется от меня.

— Думаю, я хочу, чтобы ты пустила в ход свое воображение. Что именно ты себе представляешь?

Это прозвучало сексуально, но я не призываю его на это.

Вместо этого я отвечаю на его вопрос.

За исключением того, что я понятия не имею, что я себе представляю, и я не уверена, насколько комфортно мне говорить.

Это кажется слишком интимным.

Чтобы нейтрализовать внезапное напряжение между нами, я заставляю себя говорить как можно более непринужденно. Я могла бы сказать ему, что я уже изучила все о его компании, но я вроде как хочу заставить его объяснить мне это так, как будто я ничего не знаю.

— Ну... у тебя много случайных женщин, которые просто появляются в твоём офисе, готовые к тому, что ты будешь отдавать им приказы и вставать перед тобой на колени?

— Иногда, — уверенно отвечает он, как будто это не было самым безумным поступком, в котором он когда-либо признавался.

Серьезно, кто этот мужчина?

У меня пересыхает во рту.

— И ты платишь им...

— Да.

— Ну, мне неприятно тебе об этом говорить, но это очень похоже на проституцию.

— Проституция связана с сексом, мисс Андервуд. Я не занимаюсь сексом с женщинами за деньги.

Мои глаза расширяются. Он сказал *секс* — дважды, и это вызывает у меня в животе смесь возбуждения и беспокойства.

Я сжимаю бедра вместе.

— Хорошо, тогда что именно ты с ними делаешь? — Спрашиваю я.

— Это звучит как личный вопрос.

Он снова играет со мной.

— Я сказал тебе использовать свое воображение, так что давай. Если я не занимаюсь с ними сексом, то для чего, по-твоему, я их нанимаю?

У меня нет ни малейшего представления.

На самом деле я не так уж далеко продвинулась в изучении веб-сайта. Поэтому я прикусываю нижнюю губу, перебирая в уме то, что мне уже известно.

— Ты не можете просто платить женщинам за то, чтобы они преклоняли перед тобой колени в твоём офисе.

— Почему нет?

— Потому что это нелепо. Какой в этом смысл?

— Дело в том, что мне это нравится, и они готовы это сделать.

Я потеряла дар речи. Этого не может быть на самом деле.

Замешательство на моем лице превращается в улыбку, которая растягивает мои щеки.

Это действительно должно быть унижительно для него, но он совсем не смущен. И это действительно заставляет меня задуматься о чем-то очень порочном.

— Итак...

Но я останавливаю себя. Я не могу закончить предложение. Это слишком похоже на флирт, слишком... интимно.

Черт возьми.

— И так? — Эхом повторяет он, нетерпеливо ожидая, когда я закончу.

— Итак, как бы я поступила? — Мне отчаянно хочется спрятать лицо в ладонях, или

спрятаться под стол, или даже включить пожарную сигнализацию, но если он собирается вести себя так легкомысленно и беспечно по этому поводу, то и я тоже.

Потому что я действительно умираю от желания узнать это сейчас. Если он живет такой скрытной извращенной жизнью, тогда я хочу заглянуть за занавес.

Это заманчиво — просто окунуться с головой в ту запретную, но захватывающую жизнь, которую он ведет.

Итак, вместо того, чтобы прятаться, я заставляю свое тело не выдавать меня, держу спину прямой, а выражение лица расслабленной. Как будто я просто спросила его, какой суп на сегодня, а не о том, насколько хорошо я справлюсь с ролью развратной рабыни-секретарши.

После минуты продолжительного молчания и глубокого выдоха он говорит:

— Ты поступила исключительно, Шарлотта.

Подожди, что?

— Мне показалось, ты был очень зол на меня, — отвечаю я. — Я не сделала ничего правильного.

— Ну, в свою защиту могу сказать, что ты даже не понимала что делаешь.

Смех вырывается из моей груди.

— Так в чем же это было исключительное событие?

Он снова задумчив, явно воюет сам с собой в своей голове, взвешивая свои варианты, вероятно, думая, что как более взрослый человек здесь, он действительно должен положить конец этой неуместной дискуссии.

— Я действительно не должен этого говорить...

— О, да ладно тебе. Ты сам это начал.

Это требует определенных усилий, но мне удастся сохранить свой небрежный тон и ленивый подход.

И вдруг, никаких колебаний. Слова просто без усилий долетают через стол прямо с его губ до моих ушей.

— *Мисс Андервуд, ты выглядела восхитительно, стоя на коленях.*

Даже если бы у меня был голос в этот момент, я бы не знала, что сказать.

Вместо этого я полностью лишаясь дара речи, сижу напротив него как рыба с отвисшей челюстью, удивляясь, как я перешла от драки с Бо на лужайке перед его домом пару дней назад к этому — его отец говорит мне, что я хорошо выгляжу, стоя на коленях.

Нет, не просто хорошо.

Восхитительно.

Теперь это слово потеряло для меня всякий смысл.

За всю мою долгую жизнь не пройдет и дня, когда я услышу эти три слога и не подумаю о мужчине на двадцать лет старше меня, использующем именно это обозначение, говоря о том, как хорошо я преклонила перед ним колени.

Это нелепо.

Нарциссическо, унизительно, чувственно и льстиво и... еще много слов, которые я, кажется, не могу подобрать в данный момент.

И каким-то образом единственные слова, которые мне удастся произнести в ответ, это:

— Я сделала?

— Да, — отвечает он, и это звучит голодно, как рычание льва перед добычей.

Сидя здесь в своем ошеломленном молчании, я умоляю свой мозг проявить связную

мысль... О, это было приятно.

Наконец, он останавливается на вопросе.

— И это коленопреклонение.

— И ты думал, что я одна из тех девушек? Это и есть та работа, которую ты мне сейчас предлагаешь?

— Это было бы крайне неуместно, учитывая твои отношения с моим сыном.

— Прошлые отношения, — добавляю я, потому что все это звучит безумно, это действительно так, но я не уверена, что хочу, чтобы он пока исключал меня из всего этого.

Мое любопытство взяло верх надо мной.

— Ты нанимаешь меня в качестве одной из своих коленопреклоненных девушек не из-за Бо...

— Нет, Шарлотта. Я не нанимаю тебя в качестве одной из моих коленопреклоненных девушек, потому что мне нужна секретарша, а тебе, похоже, нужны деньги.

— Это было похоже на оскорбление, — отвечаю я, и он снова смеется.

— Значит, тебе не нужны деньги?

— Очень смешно. Ты же знаешь, что я соглашусь. Но зачем тебе понадобилось нанимать меня в качестве своей секретарши? Ты ничего обо мне не знаешь.

— Я знаю, что ты жила с моим сыном, а теперь нет. Он не хочет со мной разговаривать, так что позволь мне вместо этого помочь тебе. Работа невелика. Помогать мне по хозяйству, приносить кофе и ланч. Что-то в этом роде. — Он оглядывает каток. — И я предполагаю, что оплата будет лучше. С преимуществами.

Здесь действительно не о чем особо думать, не так ли? Он предлагает мне настоящую работу с несомненно лучшей оплатой. И я не собираюсь лгать, эта компания меня интригует. Это звучит намного увлекательнее, чем быть секретарем у банкира или риэлтора.

— Ты можешь потратить некоторое время на то, чтобы подумать об этом, — добавляет он.

Моя голова наклоняется, а губы сжимаются в тонкую линию, словно говоря: *Не будь смешным.*

Если он думает, что мне действительно нужно подумать об этом, он сумасшедший или просто проявляет снисходительность.

Когда он встает, я думаю о важном вопросе, который просто немного неудобно задать, но я должна

— Подожди, — говорю я, хватая его за руку.

— Случайный вопрос, но является ли твоя компания благотворительным... клубом или как там его...

— *Клуб непристойных игроков.*

— Да, — киваю я, подавляя свои нервы.

— Это всеохватывающее мероприятие?

Он откидывается на спинку стула хмурит брови, и хитрая улыбка приподнимает уголок его рта.

— Очень. Почему ты спрашиваешь?

— Это важно для меня, — отвечаю я, прекращая разговор на этом.

Я уверена, что сейчас он задастся вопросом, являюсь ли я тайным членом сообщества, и если да, то каким образом, но я не раскрываюсь.

Ему не нужно знать, что я самый яростный союзник в мире, потому что мне нужно

защищать самого милого маленького детеныша в мире.

— Тогда в таком случае, — добавляю я, вставая и протягивая руку... что, как я теперь понимаю, неловко и в значительной степени неуместно.

Кривая улыбка остается на его лице, когда он смотрит на мою протянутую руку и следует моему примеру, вставая и беря мою руку в свою.

Его медвежий коготь затмевает мою маленькую ручку, когда он пожимает ее. Но оно теплое, а его хватка достаточно крепкая, чтобы у меня по спине пробежали мурашки.

— Я полагаю, это означает, что ты согласишься на эту работу, — отвечает он.

Когда мы стоим здесь, пожимая друг другу руки на роликовом катке, я задаюсь вопросом, кто здесь записался на более странную должность.

Знает ли Эмерсон Грант, на что он пошел со мной?

Наверняка к этому времени он уже осознал тот факт, что я не какая-нибудь девчушка с мягким голосом и подобающим поведением, и я не собираюсь вести себя как обычная секретарша в стиле *Безумцев*.

Но в то же время я записываюсь на работу в компанию, которая занимается причудливыми извращениями и прочим дерьмом.

Я почти уверена, что ни один из нас не создан для нормальной жизни.

ПРАВИЛО № 6: ИЗБЕГАЙТЕ ТОРГОВЫХ ЦЕНТРОВ, ЧТОБЫ НЕ СТОЛКНУТЬСЯ СО СВОИМ БЫВШИМ, ДЕРЖА В РУКАХ ПАКЕТЫ С НИЖНИМ БЕЛЬЕМ, КОТОРОЕ ВЫ МЕЧТАЕТЕ НАДЕТЬ ДЛЯ ЕГО ОТЦА

Шарли

— Завтра в девять утра, — говорит он, возвращаясь к делу.

Интересно наблюдать, как он переходит от серьезного к обычному и обратно.

Он похож на человека, который прячется за костюмом и своим письменным столом.

Это заставляет меня задуматься, дает ли он когда-нибудь волю чувствам и расслабляется. Отпускает ли он шуточки, смотрит телевизор, напивается ли так сильно, что говорит что-то действительно неловкое? Я бы заплатила, чтобы увидеть это.

Бо совсем не похож на него.

Бо — нефилтрованный, настоящий и необработанный. Он груб по всем краям, и, возможно, может быть, это то что привлекло меня в нем в первую очередь. Мы встретились в кафе, где он проработал некоторое время, прежде чем у него что-то случилось дома, о чем он никогда мне не рассказывал. Он перестал приходить на работу, и был уволен.

Но я осталась с ним. Я хотела восстановить его сломанные части, потому что думала, что если смогу любить его несмотря на бурю, то буду вознаграждена любовью, которая будет более сильной и опьяняющей.

Я был неправ. Вместо того чтобы благодарить меня за то, что я оставалась с ним в худшие моменты, он винил меня в мелочах, когда его жизнь, казалось, шла хорошо.

Я не была тем клеем, который скреплял его; я была тем клеем, который удерживал его в его боли и напоминал ему о его прошлом.

После работы я направляюсь напрямик в торговый центр, потому что у меня нет ни черта из того, что могла бы надеть секретарша.

Я представляю себе шелковую рубашку и юбку-карандаш, так что это то, к чему я стремлюсь. На самом деле найти его намного сложнее, чем я ожидала.

Но в конце концов я действительно что-то нахожу.

Черная юбка-карандаш из полиэстера, в которой, даже я должна признать, моя задница выглядит на миллион баксов. Почти прозрачная белая блузка, а затем, просто ради забавы, я заскакиваю в магазин нижнего белья, чтобы купить потрясающий черный бюстгальтер с трусиками и маленькими зажимами, которые удерживают мои колготки до бедер.

Покупка нижнего белья для новой работы секретарши — это бесплатно, но я как раз в таком настроении.

Кроме того... учитывая то, что я знаю о его бизнесе, я вроде как хочу чувствовать себя сексуальной под своей одеждой.

Когда я стою перед зеркалом в раздевалке, глядя на себя, я думаю о том, что сказал Эмерсон в своем кабинете.

Действительно ли у большинства людей есть скрытый изъян, в котором они слишком

бояться признаться? В этом есть смысл. Я думаю, что большинство людей, вероятно, действительно считают эти скрытые желания неправильными и греховными, но что в этом такого плохого? Я имею в виду... Я никогда раньше не считала себя сексуальной, но когда я смотрю на свои полные изгибы и мягкую мясистость живота, мне нравится, как я выгляжу в этом. Я вижу что-то сексуальное, чего никогда раньше не видела. Моя попка упругая и округлая, а полнота моих бедер выглядит сексуально в этих чулках.

Что может быть такого плохого в том, чтобы быть чьим-то домашним животным, подчиненной или рабыней?

В игровом смысле, конечно.

Пока это происходит по обоюдному согласию и каждый может что-то выиграть, я не понимаю, почему это как табу.

Я не собираюсь корить себя за то, что хочу чувствовать то, что я чувствовала, стоя перед ним на коленях.

Такой человек, как Эмерсон... Я могла бы быть этой девушкой.

Я имею в виду... в фантазиях в моей голове, конечно. Он просто нанимает меня для бумажной работы — на самом деле ему никогда не понадобится такая девушка, как я.

Во-первых, он так далеко от меня, что с таким же успехом мог бы быть в космосе. Эмерсон Грант, вероятно, встречается с женщинами, которые не живут в домике у бассейна своей матери. Он такой взрослый, красивый и богатый, держу пари, что специально для него разводят девушек. Они, вероятно, не грызут ногти и не едят жареную пищу и уж точно не водят свою младшую сестру кататься на роликах каждую субботу. Тем временем я покупаю нижнее белье в Target и не покупаю шампунь дороже шести долларов.

Во-вторых, он отец Бо. Это странно. И не правильно. Бо сошел бы с ума, если бы узнал. Я почти уверена, что он взбесится если узнает, что я вообще согласилась на эту работу, но я больше не подписываюсь на *вещи*, которые волнуют Бо.

Подождите, а он вообще знает о компании своего отца?

Конечно, он знает. Может быть, именно поэтому он его не любит. Может быть, он этого не одобряет.

Думаю, в этом есть смысл.

Купив нижнее белье черного и белого цвета, я трачу весь свой чек из кофейни на одежду для моей новой работы.

Когда я иду по торговому центру примерно с восемью сумками в руках, я замечаю знакомую походку, идущую передо мной.

Бо идет по проходу от фуд-корта к магазину видеоигр. Он с... девушкой.

И как бы я ни старалась остановиться и повернуться в другую сторону, он замечает меня.

Затем это становится неловким взглядом, когда мы оба жалеем, что просто не встретились глазами.

В этот момент было бы слишком странно развернуться и вообще избежать друг друга. Поэтому мы продолжаем идти, пока мы не оказываемся всего в футах друг от друга.

— Бо, привет, — бормочу я, поправляя пакеты, перекрывающие кровообращение в моих руках.

— Привет, Шарли, — говорит он без особого энтузиазма. — Э-э, это Элла.

Я неловко машу ей рукой.

— Ты ходила по магазинам, — говорит он, и я опускаю взгляд, чтобы заметить

огромную сумку с бельем впереди.

— Ну, да, у меня новая работа, — гордо говорю я.

Вы чертовски правы, я собираюсь немного похвастаться этим, даже если решу не упоминать, где это находится и на кого я работаю.

— Что это?

— Ммм... должность секретарши, — говорю я.

Он издевается, наполовину усмехаясь, и я чувствую, как по мне пробегает прохладный ветерок раздражения.

Затем он снова смотрит на розовую сумку для нижнего белья, его брови приподнимаются.

— Тебе нужно что-нибудь из этого магазина для твоей новой работы секретарши?

— Нет. Это только для меня, — отвечаю я.

Девушка, держащая его под руку, выглядит очень неловко, но мне все равно. Она, вероятно, даже не знает, что Бо был моим на прошлой неделе. Или, может быть, так оно и есть.

— Эй, ты получил этот чек от моего отца? — спрашивает он.

— Да, — быстро бормочу я, изучая выражение его лица, как будто он мог каким-то образом узнать из этой небольшой информации, что я также собираюсь стать новой секретаршей его отца.

— Ну? — спрашивает он, глядя на меня так, словно чего-то ждет.

— Ну что? — спрашиваю я.

— Ну, а где моя половина?

Ты, должно быть, издеваешься надо мной, черт возьми.

— Он у твоего отца, Бо. Если хочешь, иди и забери.

Его челюсть сжимается, когда он пристально смотрит на меня, выглядя так, словно он уже потерял терпение, и мне хочется убежать.

Я ненавижу то, что Бо заставляет меня чувствовать, как будто я уже потерпела неудачу, даже не попытавшись. Как будто я не что иное, как постоянное разочарование, независимо от того, пыталась я вообще произвести на него впечатление или нет.

Затем он хватает меня за руку и отводит в сторону, чтобы мы не мешали пешеходному движению в торговом центре.

— Шарли, ты же знаешь, я не разговариваю со своим отцом. Если ты пошла и взяла у него деньги, то где мои?

— Он отдал мне половину залога, Бо. Это то, что мне причиталось, так что это то, что я взяла. Ты можешь сам отвечать за свою половину.

— Бо... — Элла зовет его с середины широкого прохода, но он просто протягивает ей руку.

— Господи, Шарли! Ты должна была забрать весь чек, чтобы я мог получить свою долю. Ты просто... тьфу!

Примерно на середине этого предложения до меня доходит, что мне больше не нужно стоять рядом и слушать его. Я больше не принадлежу ему и ничем ему не обязана. Поэтому, прежде чем он успевает закончить то, что говорит, я разворачиваюсь и ухожу.

Я не ругаюсь на него и не говорю ему, какой маленькой и глупой он заставляет меня чувствовать себя. Но мне приходится сдерживать слезы, когда я добираюсь до выхода из торгового центра, слыша, как он кричит мне вслед.

Когда я остаюсь одна, мне становится немного легче.

Однако его голос все еще звучит в моей голове, постоянно напоминая мне, какая я неудачница.

ПРАВИЛО № 7: НЕ ПЯЛЬСЯ СЛИШКОМ ДОЛГО НА ДЕКОЛЬТЕ СВОЕЙ НОВОЙ СЕКРЕТАРШИ

Эмерсон

Я был готов к тому, что Шарлотта появится у меня дома в тех же черных ботинках, в которых я видел ее уже дважды.

Я был готов к тому, что она будет неуклюжей и нервной.

Я даже был готов к тому, что она опоздает.

К чему я не был готов, так это к тому, что она появилась на пять минут раньше в почти прозрачной блузке и черной юбке-карандаш, от вида которой у меня зачесались руки.

Крайне неуместно так смотреть на свою секретаршу и бывшую девушку сына, я знаю, но в свою защиту скажу, что я не привык иметь в своем офисе плутовскую сотрудницу.

Желание увидеть ее стоящей на коленях в этом наряде чертовски болезненно.

— Доброе утро, — говорит она, входя в мой дом в 8:55 утра.

Мой взгляд останавливается на ее темно-красной помаде.

Она что, пытается подиутить надо мной?

— Доброе утро, — ворчу я.

Ее каблуки цокают по мраморному полу, когда она следует за мной в дом.

Указывая на шкаф в прихожей, я показываю ей, куда положить вещи.

— Куртка?

— О, — заикаясь, произносит она, начиная сбрасывать тяжелое шерстяное пальто.

Положив руку ей на плечо, я останавливаю ее и мягко заставляю повернуться.

Когда она поворачивается ко мне спиной, я снимаю пальто с ее крошечного тельца, позволяя своему взгляду задержаться на мягких волосках, касающихся ее шеи сзади.

После того, как я вешаю ее куртку на вешалку, она оборачивается, и мой взгляд сразу же опускается вниз, останавливаясь на ее груди.

Я был неправ. Рубашка почти не прозрачная... Она полностью прозрачная, а под ней черный кружевной лифчик. *Что случилось с девушкой, катавшейся на роликовых коньках, или с той, что была одета во все черное на днях?*

Это похоже на засаду, к которой я не был готов.

— Кофе? — спрашиваю я, потому что мой разум, кажется, зациклился на неубедительных фразах из одного слова.

— Нет, спасибо.

— Тогда заходи, — отвечаю я, слегка кладя руку ей на поясницу, а другой указывая в сторону моего кабинета.

Мне все время приходится держать себя в руках. Ее удивительное появление сегодня сбilo меня с толку. Как бы я ни старался оставаться естественным и вести себя как обычно, я продолжаю считать свои действия слишком откровенными и слишком сексуальными.

Это не то, к чему я стремлюсь.

Она всего лишь секретарша. Не саба. Это не сцена. Очисти голову, черт возьми.

Указав ей на стул перед моим столом, я вручаю ей пакет, который Гаррет дал мне, чтобы она заполнила расчеты заработной платы.

Мэгги устроила небольшой скандал из-за того, что я нанял нового сотрудника, но я верю, что мы найдем место в бюджете. В конце концов, мне нужна секретарша — настоящая

секретарша, а Мэгги слишком занята, управляя всеми нами, чтобы выполнять ту работу, которая мне здесь нужна.

— Значит, ты работаешь из дома? — спрашивает Шарлотта.

— Да, мы все работаем так в данный момент. Прямо сейчас строится новое здание.

— О, это захватывающе.

Я сдерживаю ухмылку, представляя план нового здания с клетками, сценой и полностью оборудованными отдельными комнатами. Да, это волнующе, но я не собираюсь обрушивать на нее все это прямо сейчас. Лучше всего облегчить ей задачу.

— У тебя есть какие-либо вопросы о компании? — спрашиваю я.

Ее глаза расширяются.

— Тонны. У меня куча вопросов.

Мне снова приходится сдерживать улыбку.

— Что ж, тогда начинай. Задай один.

— Ммм... — Она кривит свои рубиново-красные губы и хмурит брови, по-видимому, задумываясь.

— Итак, для тебя нанимают девушек, чтобы они преклоняли колени и служили тебе. Это то, что все делают?

— Вовсе нет. Это просто мой стиль. Наши сотрудники воплотят множество фантазий.

— Но никакого секса?

— Не совсем.

— Что это значит? — с любопытством спрашивает она.

— Это означает, что деньги обмениваются не на секс. То, что они делают за закрытыми дверями, — это их дело. Лучше оставить все как есть. Мы находим множество лазеек и расплывчатых формулировок в юридических книгах, которые нужно обойти, но именно для этого у нас есть Ксандер — лучший адвокат в *Брайар-Пойнт*.

Выражение ее лица, сжатое и скептическое, говорит о том, что она не совсем верит в то, что я говорю, поэтому я еще немного ее подталкиваю.

— Какие еще у тебя есть вопросы?

— А чем еще... занимаются люди? — спрашивает она с каким-то странным восторгом в глазах.

Я должен отдать ей должное. Она выглядит не такой смущенной, как я ожидал, и мне нравится ее открытое любопытство. С сексуальными фантазиями и удовольствиями так много связано стигматизации, что это просто смешно. Но Шарлотту, похоже, это не смущает.

Встав из-за стола, я обхожу его спереди, прислоняюсь к его поверхности и скрещиваю руки на груди.

— Все, что угодно. Пока это происходит по обоюдному согласию и все достигли совершеннолетия, все возможно.

— Например... связывать людей и бить их кнутом?

Я пожимаю плечами.

— Конечно. Если это то, что им нравится. У нас также есть клиенты, которым просто нравится наблюдать... или быть под наблюдением. *Ролевые игры. Деградация. Возрастные игры, окантовка, объективация, рабство...*

С каждым словом, слетающим с моих губ, я наблюдаю, как расширяются глаза Шарлотты и напрягаются ее плечи, поэтому я останавливаюсь, давая ей возможность

высказать все, о чем она думает, или, скорее, гадают.

Я имею в виду... сейчас только девять утра. Для этого разговора нам может понадобиться кофе.

— Я не знаю даже половина из них, — отвечает она.

— Ну, это не то, что тебе нужно знать для этой работы, но если тебе интересно, ты можешь научиться. Нет никаких причин пугаться всего этого. Я знаю, это кажется странным, но ты была бы удивлена, насколько это нормально на самом деле.

С ее губ срывается смех.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего, это просто... нормально?

— У каждого есть желание, которые они считает извращенным, мисс Андервуд. Считать ненормальным то, что нам нравится, — это единственное, что нас всех связывает.

Ее улыбка расслабляется, и она наклоняется вперед, давая мне полный обзор ее груди, от которой я должен отвести взгляд.

— Тогда ладно, — отвечает она, опуская подбородок на сжатые кулаки.

— А что у тебя есть? — говорит она.

Моя голова резко поворачивается в ее сторону, и я в шоке смотрю на нее. Не потому, что, меня обижает ее вопрос. Я не могу произнести речь о том, насколько нормальными бывают извращения, а потом вести себя так, как будто это оскорбление когда меня допрашивают, чтобы раскрыть свои. Но я потрясен, потому что Шарлотта совсем не похожа ни на одну девушку, которая была у меня в офисе. Она прямолинейна в том смысле, к которому я не привык.

— Ты уже должна была знать, — отвечаю я, сдерживая усмешку.

— Вся эта история с секретаршей, стоящей на коленях?

На этот раз я действительно ухмыляюсь.

— Это называется отношениями *доминанта/субмиссива*.

Кажется, она на мгновение задумывается, как будто пытается определить, нравится ли ей что-то на вкус.

Я использую примерно три секунды тишины, чтобы представить ее в этой роли для себя, и это самое привлекательное видение, которое у меня было за последнее время.

Разве жизнь не прекрасна?

Запретный плод всегда сладок.

— А как насчет меня?

Я чуть не задыхаюсь, прочищая горло и ожидая, пока она уточнит.

— А как насчет тебя?

Пожалуйста, Боже. Не позволяй ей соблазнять меня больше, чем она уже соблазнила.

— Как ты думаешь, в чем заключается мой излом?

Она прикусывает нижнюю губу, и я не могу удержаться от желания повторить ее действия, тоже прикусывая свою.

Шарлотта прекрасна таинственным и уникальным образом. У нее большие и невинные глаза, а нос с высокой горбинкой придает ей немного более царственный вид, чем предполагает ее поза. Однако мое внимание привлекают ее широкие красные губы.

— Я еще недостаточно хорошо тебя знаю. Кроме того это действительно тебе решать, не так ли?

— Я думала, это твоя работа, — отвечает она с улыбкой, которая демонстрирует ее

яркие зубы, контрастирующие с алыми губами.

— Предполагается, что ты помогаешь людям найти их самые глубокие, потаенные желания, не так ли?

Я не могу сказать, покровительствует она мне или нет, но я не делаю ей выговор за это.

Я думаю, она относится к этому настолько серьезно, насколько это возможно для Шарлотты, предполагая, что она не слишком строгий человек. Это заставляет меня задуматься, была ли она такой с Бо.

Гаррет действительно разбирается в этом. В любом случае, это его работа. Он так хорошо разбирается в людях, гораздо лучше, чем я. Я уверен, что это связано с тем, как сильно он любит смотреть.

Но я все равно пытаюсь это сделать, просматривая все, что я знаю о Шарлотте на данный момент...

Она смелая, бесстрашная, откровенная, со здоровым чувством юмора. Она бы возненавидела импактную игру, все, что связано с возрастом или связыванием. Возможно, ей понравилось бы, чтобы на нее смотрели, учитывая, какая прозрачная у нее рубашка и как заметно она выставляет мне сейчас свою грудь.

Затем я вспоминаю определенное выражение на ее лице на днях, когда она опустилась передо мной *на колени* — к моему собственному полному унижению.

Но был какой-то момент, когда я нежно взял ее за подбородок и назвал *прекрасной*. Ее взгляд смягчился, а поза почти растаяла от моего прикосновения. Это казалось слишком естественно, чтобы быть фальшивкой.

Когда она замечает, что мое задумчивое выражение лица меняется на удивленное, она говорит.

— Что? — Нетерпеливо спрашивает она.

— У тебя такой вид, будто ты все понял. Что это?

— Да, я определенно это понял. — Но я не совсем уверен, хочу ли я раскрывать ей это.

Я не знаю почему, но у меня есть странное желание сохранить это при себе, как маленькое сокровище. Если я скажу Шарлотте, что у нее, скорее всего, сильная склонность к *похвале*, она поделится этим с другими людьми. Когда-нибудь это может быть другой мужчина, нашептывающий все те грязные вещи, которые я хочу ей сказать, например, о том, как хорошо она заглывает его член или как красиво она выглядит, когда он входит в нее.

Это эгоистично с моей стороны, особенно учитывая, что я никогда не смогу делать и говорить такие вещи, и ей было бы только полезно в будущем узнать это о себе, но я хочу сохранить это еще ненадолго.

— Ничего, — бормочу я, вставая и возвращаясь к своему креслу.

— О, ну же, скажи мне!

— Я же сказал тебе, — сурово отвечаю я.

— Я еще недостаточно знаю о тебе, чтобы определить это. Если ты действительно хочешь знать, тогда поговори с Гарретом. Ты можешь спросить его, когда передашь ему эти документы позже сегодня. А пока принимайся за работу.

Мой тон стал холодным, и выражение ее лица опускается, когда она берет блокнот и ручку, начиная заполнять его, с новой морщинкой между бровями.

Если эта неделя что-то и доказала мне, так это то, что мне нужно следить за собой рядом с этой девушкой.

Она слишком совершенна, чтобы ее игнорировать, и слишком запретна, чтобы быть

моей.

ПРАВИЛО № 8: МОЖНО БЫТЬ СЛИШКОМ ВЫЗЫВАЮЩЕ ОДЕТОЙ, ДАЖЕ ЕСЛИ ТЫ РАБОТАЕШЬ В СЕКС-КЛУБЕ

Шарли

— Все сделано? — Эмерсон возвышается надо мной сзади, пока я заполняю сотую страницу чертовски скучных бумаг.

— Было ли действительно необходимо переписывать мое имя на каждой странице этого пакета? — Шучу я.

Когда я поднимаю на него взгляд с улыбкой, он смотрит на меня сверху вниз, выглядя в основном невеселым.

— К сожалению, да. А теперь собирай свои вещи. Я отвезу тебя в клуб, и проведу экскурсию, также, познакомлю со всеми.

Мой позвоночник выпрямляется. Все? Клуб? Я вроде как думала, что это будет работа в одном месте. Я имею в виду, я знала о том, что клуб строится, но на самом деле не ожидала, что пойду туда. И познакомлюсь с людьми — извращенцами.

Мои ладони немедленно начинают потеть, и я бросаю взгляд на свой наряд.

Теперь я знаю, что, одеваясь для новой административной работы, вы действительно должны надевать самый подходящий наряд в мире, но по какой-то причине, выбирая свою одежду этим утром, я была не в духе.

Я имею в виду, это не значит, что я надела прозрачную блузку с черным лифчиком случайно, но я все еще была так заиклена на своей первой встрече в этом офисе, что выбрала что-то немного более... рискованное, чем обычно.

Я хотела... Я не знаю, произвести на него впечатление.

Нет, произвести впечатление — неподходящее слово.

Возбудить его? Черт возьми, нет.

Доставь ему удовольствие. Это оно. Я хотела надеть наряд, который подходил бы не только мне, но и ему.

Не уверена, что я чувствую по этому поводу, но так оно и есть.

— Сейчас? — Спрашиваю я.

— Да, сейчас. Ну же. Я поведу.

Он разворачивается на каблуках, хватая свою синюю куртку и набрасывает ее на свое крупное тело.

Я иду за ним через его дом к гаражу. Пока он идет, я не могу не пялиться на его широкие плечи, которые так хорошо облегают эта плотная хлопчатобумажная рубашка. Оно светло-серое с тонким дамасским узором.

Мой взгляд скользит вниз, и я замечаю, как его темно-серые брюки, плотно облегают его ягодицы и толстые бедра. Я вижу сходство в его телосложении с телосложением Бо.

Бо тоже большой, но я никогда раньше не видела, чтобы он так заправлял штаны.

Пряником в ад, Шарли. Пряником в ад.

Когда мы добираемся до гаража, он открывает дверь и приглашает меня войти. Это хороший гараж, достаточно большой, чтобы вместить четыре машины, две в ширину и две в глубину, но у него здесь припаркована только одна. Автомобиль черный и выглядит дорого.

Она подает звуковой сигнал, сигнализируя, что еще не заперта, когда открывается гараж, и я съезживаюсь, когда понимаю, что он вот-вот увидит мою машину.

Он не торопится и замечает мой потрепанный седан *Subaru* с клейкой лентой на зеркале заднего вида.

Его взгляд на мгновение задерживается на неловкой накладке.

— Я неплохой водитель, — говорю я.

— Мы с моей младшей сестрой просто играли в *пожарную тревогу* на красный свет, и я немного разволновалась.

Его лоб хмурится, когда он с любопытством смотрит на меня.

— Пожарная тревога на красный свет?

— Да. Это когда ты останавливаешься на красный свет, и кто-то кричит *пожарная тревога*, и все должны выйти, обежать машину и вернуться на свои места, прежде чем загорится зеленый. Ну, в этот раз я вышла и наткнулась прямо на свое зеркало. Оно улетело, и мне пришлось лезть под грузовик, чтобы достать его.

Морщина на его лбу становится глубже.

— Это звучит немного опасно.

— Так оно и было, но это было весело.

Я бы хотела, чтобы он улыбнулся или что-нибудь в этом роде, но он такой задумчивый.

Эти пронзительные темно-зеленые глаза смотрят на меня без тени юмора.

От этого мне сразу становится не по себе.

— Не могу сказать, что я когда-либо играл. — отвечает он, открывая дверь со стороны водителя.

— Да, ну, я думаю, *ты просто играешь в другие игры*.

Его глаза вспыхивают в моем направлении, поэтому я быстро опускаюсь на свое место, чтобы избежать этого навязчивого взгляда.

Когда он садится рядом со мной, клянусь, я улавливаю намек на улыбку, нарисованную на его лице, прежде чем она исчезает.

Поездка проходит в тишине, и я немного удивлена, узнав, что это новое здание на самом деле находится в центре города. На самом деле это вовсе не новое здание, а старый кирпичный склад, который, похоже, находится на реконструкции.

Окна и двери заклеены оберточной бумагой, а снаружи припаркованы строительные леса и грузовики. Прямо над дверью логотип компании, выполненный из гладко черного железа, круг с буквами *SPC*.

Эмерсон паркует машину на противоположной стороне улицы, подальше от грязи и мусора строительной площадки.

Когда мы вылезаем из машины, я пытаюсь опустить юбку на пару дюймов и скрещиваю руки на груди, чтобы спрятать под ними лифчик.

Глупо, глупо, глупо.

Как только мы закрываем двери машины, высокий светловолосый мужчина в пыльных джинсах и в обтягивающей фланелевой рубашке выходит из здания и направляется в нашу сторону.

На голове у него каска, а в руке две. Когда он приближается к нам, на его лице появляется слегка недовольное выражение, но когда он поднимает голову и встречается со мной взглядом, выражение его лица внезапно меняется. Улыбка растягивается на его

заросших щетиной щеках, когда его голубые глаза скользят вверх-вниз по моему телу. Когда он поворачивает голову, я замечаю светлый конский хвост, свисающий из-под его шляпы, а когда я подхожу ближе, то обнаруживаю, что смотрю на эти точеные скулы и полные розовые губы. Он чертовски красив.

— Ну, привет, — говорит он, устремляя на меня свой обезоруживающий взгляд.

Эмерсон прочищает горло, возвращая внимание к себе.

— Дрейк, это моя новая секретарша, Шарлотта Андервуд. Шарлотта, это наш генеральный подрядчик Дрейк Нильсен.

— Новая секретарша, — говорит Дрейк сексуальным низким тоном, растягивая слова, берет мою руку и подносит к своим губам.

Есть что-то странное в том, как он произносит *секретарша*, но я слишком загипнотизирована его вниманием, чтобы разобраться в этом.

— Дрейк, — рывкает Эмерсон, как будто отчитывает этого человека.

Дрейк даже не вздрагивает, но он незаметно подмигивает мне. Я наконец понимаю, почему мой мозг работает немного медленно, из-за того, как этот греческий бог смотрит на меня так, словно мы собираемся трахаться, что Дрейк думает, что я одна из специальных секретарш Эмерсона.

И знаете что? Я не испытываю к этому ненависти.

Я почти не хочу, чтобы Эмерсон поправлял его, но, конечно, он поправляет.

— Она моя настоящая секретарша, Дрейк. Прекрати это.

На лице подрядчика появляется намек на разочарование, когда он отпускает мою руку.

Должно быть, существует какое-то неписаное правило, согласно которому люди, которые знают о развратных вещах и принимают в них участие, могут быть развратными и флиртовать друг с другом. Но для остальных из нас они должны изменить свое поведение.

Как будто мы магглы, а они волшебники.

И прямо сейчас я ненавижу быть магглом.

— Это я, — отвечаю я. — Скучная секретарша.

Я сжимаю губы в узелок и изо всех сил стараюсь выглядеть подавленной.

Грубая рука Дрейка пробегает по моему предплечью, словно он пытается очаровать меня.

— Нам придется подумать о том, как это изменить.

Внезапно чья-то более мягкая рука обхватывает меня за талию, и меня резко оттаскивают от подрядчика.

— Достаточно. Нам нужно работать.

Раздается смех Дрейка, когда он следует за нами.

— Не забудьте свои каски.

С хмурым выражением лица Эмерсон выхватывает их из рук мужчины, удерживая свое тело между мной и Дрейком.

Однако подрядчик не последовал за нами внутрь. Вместо этого он начинает выкрикивать приказы бригаде рабочих на строительных лесах снаружи.

Эмерсон бормочет мне на ухо, прижимая мое тело к своему:

— Держись от него подальше. У него нет границ.

— В чем его особенность? — Спрашиваю я, и Эмерсон поворачивает голову в мою сторону.

Все еще обнимая меня за талию, он останавливает меня прежде, чем мы доходим до

двери.

— Ты не можешь просто ходить и спрашивать людей, в чем их изломы.

— Но ты сказал...

Он сейчас так близко, нависает надо мной, как тень.

— Я знаю, что я сказал. Я просто не хочу, чтобы ты... — Его голос затихает.

— Что ты от меня не хочешь?

— Ты всего лишь моя секретарша, ясно? И бывшая моего сына, помнишь? Я не хочу, чтобы ты была вовлечена в это дело. Так что не спрашивай людей об их причудах и не флиртуй с мужчинами. Или с женщинами, — добавляет он, подумав немного.

Я чувствую, как моя челюсть сжимается, а плечи напрягаются, когда я пристально смотрю на него.

— Ты же знаешь, что мне двадцать один, верно? И помнишь ту большую речь, которую ты произнес о том, что все это так... нормально?

Рука на моей талии сжимается сильнее, и я чувствую на себе взгляды других работников.

— Ты просто выслушаешь меня, пожалуйста? Ты не готова к этому, Шарлотта.

В этот момент я слышу Бо. Я слышу, как он говорит мне, с чем я могу справиться, а с чем нет, как принимает решения за меня и отнимает у меня право думать самостоятельно. Поэтому я огрызаюсь, вырываясь из объятий Эмерсона.

— Я сама решу, к чему я готова. И меня зовут Шарли, а не Шарлотта.

— Мой тон резок, я гневно выдавливаю каждое слово, прежде чем топаю прочь, с энтузиазмом распахивая входную дверь.

Он быстро следует за мной по пятам, но я не осмеливаюсь взглянуть на него, даже после того, как он подходит ко мне сзади, на этот раз не прикасаясь.

Я слишком возбуждена, чтобы по-настоящему воспринимать то, что происходит вокруг меня.

Везде работают люди. Они укладывают плитку и красят стены, в то время как дрели и другие станки громко гудят, отдаваясь эхом в пустом пространстве.

— Эмерсон, — зовет мужской голос с другой стороны здания.

Мы проходим через вестибюль с высоким письменным столом и темно-черной плиткой на полу. Затем мы входим в главный зал, который напоминает мне танцевальный клуб. Впереди даже есть сцена, и команда парней устанавливает самый высокий шест для стриптиза, который я когда-либо видела.

По бокам зала расположены двери и два входа в коридор, по одному с каждой стороны сцены.

Есть также второй этаж с круглым балконом, который позволяет тем, кто находится наверху, смотреть на клуб внизу.

Кажется, я не могу перестать смотреть на все это, пытаюсь представить, что бы здесь происходило, для чего предназначены все комнаты и что находится дальше по коридорам.

— Должно быть, это Шарлотта, — произносит мужской голос, когда мы подходим к стройному мужчине в костюме.

Он берет мою руку и деликатно пожимает ее, не сводя глаз с моего лица, а не с груди, как тот кто был снаружи.

— Шарлотта, это мой партнер, Гаррет Портер.

— Приятно познакомиться, — отвечаю я.

В отличие от Эмерсона, у Гаррета теплая улыбка, при которой он обнажает зубы. С медово-каштановыми волосами и чисто выбритым лицом он выглядит как человек, у которого много дел. Он похож на продавца, но, глядя на меня этими пристальными глазами, у меня возникает ощущение, что он читает меня.

Да, он действительно продавец.

— Мэгги здесь? Ей нужно передать документы, — спрашивает Эмерсон.

— Да, в офисе.

Широкая, мягкая ладонь ложится мне на поясницу, но я все еще немного зла на него, поэтому быстро отстраняюсь, мгновенно теряя утешительное прикосновение.

— Я найду, — мрачно бормочу я.

Я оборачиваюсь и вижу, что он сжимает челюсти, пристально глядя на меня, и меня накрывает волна разочарования, но я быстро отмахиваюсь от нее.

Оставив его с другими мужчинами, я пересекаю открытое пространство, перешагивая через балки и инструменты, мои туфли эхом отдаются при каждом шаге.

Эмерсон ничего не говорит, пока я иду по коридору, ведущему в заднюю часть здания, поэтому я предполагаю, что иду правильным путем.

Но это не просто обычный коридор.

Он широкий, с дверями по обе стороны и большими окнами. Проходя мимо комнат, я заглядываю внутрь, но они по-прежнему пусты, каждая размером примерно со спальню, и я ловлю себя на том, что сдерживаю свои нервы.

Неужели они действительно позволят людям просто заходить в эти комнаты и...

Я замираю, вглядываясь в одну из них. Стены выкрашены в темно-красный цвет, и здесь по-прежнему почти ничего нет, за исключением одного большого кресла, стоящего на возвышении с золотыми декоративными украшениями, обрамляющими красное бархатное сиденье.

— Это что... — Говорю я себе, или, по крайней мере, мне так казалось.

Теплый голос, который определенно не принадлежит Эмерсону, заканчивает мое предложение, когда он подходит ко мне сзади.

— Трон, — прямо отвечает Гаррет.

Я быстро оборачиваюсь и пристально смотрю на него. На его лице хитрая ухмылка, как будто он подначивает меня зайти внутрь.

Я оглядываю коридор в поисках Эмерсона и, когда замечаю, что он не последовал за мной и все еще разговаривает с работниками в главном зале, я принимаю вызов Гаррета и осторожно вхожу в комнату.

— Почему именно трон? — Спрашиваю я.

Это кажется немного странным для секс-клуба. Это не ярмарка эпохи Возрождения.

— Почему нет? — Отвечает он небрежно, как будто это очевидно.

Я снова сглатываю. Кресло огромное, а платформа, на которой оно стоит, имеет мягкие края и достаточно места для... передвижения.

Я чувствую, как Гаррет наклоняется ближе, его теплое дыхание касается моего уха, когда он шепчет:

— Попробуй.

— Я? Нет. На самом деле я не из тех девушек, которые *восседают на троне*.

— Откуда ты можешь знать, если никогда этого не пробовала?

Я замолкаю, оглядываясь на него. Он бросает мне вызов, и я не могу точно сказать,

действительно ли мне нравится этот парень или я его вроде как ненавижу. *Но я никогда не отказываюсь от вызова.*

— Давай, — продолжает он.

Его рука мягко касается моей спины, когда он подталкивает меня к креслу.

— В чем вообще смысл? — спрашиваю я, уступая его подталкиваниям.

Пересекая комнату, я взбираюсь по ступенькам и прикасаюсь к золотым подлокотникам кресла правления.

Первая мысль, приходящая мне в голову, заключается в том, что этот трон предназначен для королей, выдающихся людей, монархов и повелителей. Но когда мои пальцы скользят по выступам и вершинам декора, я корректирую ход своих мыслей.

Почему я не могу сидеть на нем?

Почему я позволила внушить своему собственному разуму веру в эту неполноценность?

Поворачиваясь, я переношу свой вес на сиденье, и в тот момент, когда тыльная сторона моих бедер касается смытого красного бархата, мне становится приятно.

Скрестив ноги, я осматриваю комнату, Гарретт прислоняется к дверному косяку и наблюдает за мной с выражением одобрения на лице.

— Как я выгляжу? — спрашиваю я.

Судя по тому, как он смотрит на меня, я ожидаю очередного комплимента, и он открывает рот, словно собираясь его произнести. Но он останавливается, поджимая губы, как будто ему нельзя. Вместо этого он неторопливо идет вперед, останавливается на платформе и кружит вокруг меня.

— А теперь представь, каково это — чувствовать, как кто-то стоит на коленях у твоих ног. Преклоняясь перед твоим присутствием.

Я пытаюсь представить это, но это кажется таким неправильным.

Кажется, я не могу отделаться от мысли, что мужчине место здесь, а мне — у его ног.

Гребаный патриархат.

— Что ж, давай, — говорю я с кривой улыбкой, когда он встает передо мной.

Давайте посмотрим, как ему нравится, когда ему бросают вызов.

Он издает смешок.

— Да, *мэм*.

Затем он поворачивается ко мне лицом и опускается на колени на бархатные подушки, не сводя глаз с моего лица.

Когда он опускает взгляд, я наблюдаю, как он наклоняет голову и кланяется мне, его губы, почти, касаются моих черных туфель на шпильке.

Между нами нет никакой химии, но от этого ощущения у меня по спине все еще пробегает теплый гул возбуждения.

Этот большой, могущественный мужчина кланяется мне, и это опьяняет.

Я позволяю себе представить кого-то другого на его месте, кого-то, о ком мне не следует думать.

Когда Гарретт приподнимается, он касается моей ноги, скользя пальцами вверх по икре, и мне кажется, что я вообще не могу дышать.

Это кажется запретным и не очень хорошим. Почти так, как будто я... изменяю?

— А теперь представь, что кто-то мог бы сделать с тобой с этой позиции, — тихо говорит он.

Хриплый тон его голоса, кажется, отдается эхом в моих костях. И когда я смотрю на

него сверху вниз, я представляю, как другая пара глаз смотрит на меня в ответ.

Его внимание перемещается вниз, к верхушке моих скрещенных ног. У меня пересыхает во рту, и я испытываю непреодолимое желание уйти.

— Что ты делаешь? — Раздается голос из дверного проема, и я подпрыгиваю примерно на три фута в воздух.

Эмерсон свирепо смотрит на нас, когда я вскакиваю со стула. Его руки скрещены на груди, кулаки сжаты, и эти волчьи глаза устремлены на меня с таким сарказмом, что мне кажется, я сейчас заплачу.

— Эмерсон, — заикаясь, бормочу я, вальсируя по комнате и стараясь вести себя как можно непринужденнее.

Гаррет меня не интересуется. Я имею в виду, он великолепен, но я только что встретила его и даже не знаю его... и почему я защищаюсь? Я не сделала ничего плохого.

— Твоей секретарше было любопытно, — отвечает Гарретт, как будто в комнате не царит напряженность.

— Знаешь, эта комната была моей идеей — добавляет он.

— Естественно, — отвечает Эмерсон сквозь стиснутые зубы.

Затем его взгляд останавливается на мне, и я сглатываю, стараясь не съеживаться в его присутствии.

— Окно можно настроить для зрителей или для уединения, а частокол будет уходить вправо.

— Частокол? — Спрашиваю я. Когда мой разум останавливается на деревянной доске с тремя отверстиями и замком, мои щеки пылают.

— Ой.

Гаррет усмехается. Улыбка, которая играет на его губах, лукавая, а в глазах озорной блеск.

Это заставляет меня задуматься, в чем его излом?

Действительно ли он есть у всех? Как астрологический знак, согласованный с их личностью и встроенный в их идентичность.

Тайный, грязный астрологический знак.

Я чувствую горячий взгляд Эмерсона на своем лице, и когда никто из нас не направляется к двери, Гарретт извиняется, оставляя меня наедине с моим разъяренным боссом.

Что у него за дело?

Шаги Гаррета затихают в коридоре, и Эмерсон наносит удар, захлопывая дверь и прижимая меня к темно-красной стене.

— Мне казалось, я сказал тебе, что не хочу, чтобы ты была вовлечена в это дело.

— Тогда зачем ты привел меня сюда? Зачем ты вообще меня наняли? — Спрашиваю я, пытаюсь скрыть дрожь в голосе.

Он возвышается надо мной, и я на мгновение ошеломлена его близостью. Эти твердые грудные мышцы у моего лица, этот пьянящий одеколон, глубокий рокот его голоса.

— На данный момент я не совсем уверен.

Холодное, суровое выражение его лица вызывает у меня желание упасть на колени. Я даже не уверена, что я сделала не так, но я устала чувствовать, что меня ругают.

— Я не думаю, что из этого что-то получится, — говорю я дрожащим шепотом, но когда я пытаюсь сбежать из этого места, он загоняет меня в угол, его теплая хватка на моей руке

останавливает меня.

— Нет, — рявкает он.

— Нет?

Он не может сказать мне, что я не могу уволиться. Не тогда, когда все, что я делаю, кажется, приводит его в бешенство.

Его грудь поднимается и опускается с тяжелым вздохом, прежде чем на его лице появляется более мягкое выражение.

— Нет, ты не можешь уволиться. Но когда мы будем в клубе, я не хочу, чтобы ты отходила от меня или разговаривала с кем-либо, кроме меня, поняла?

— Это нечестно!

— Я говорю это не как твой босс, Шарлотта.

Аргумент замирает у меня на губах, когда я смотрю на него снизу вверх.

— Тогда, что...

— Ты... друг моего сына, и моя работа — защищать тебя. Здесь никто не причинит тебе вреда, но мне неудобно бросать тебя в логово льва в твой первый день. Понимаешь?

Температура моего тела остывает примерно на сто градусов.

Вот я думаю о горячей груди и больших руках Эмерсона, в то время как он видит во мне ребенка, одного из друзей своего сына.

Я чувствую себя идиотом.

Почему отец Бо не мог быть уродливым?

— Пойдем навестим Мэгги, — говорит Эмерсон, отпуская мою руку и поворачиваясь ко мне спиной.

На мгновение я застываю на месте, и когда он подходит к двери, он ждет, что я последую за ним. Как только я подхожу к нему, его рука возвращается в то уютное местечко на моей пояснице. Я ненавижу себя за то, как сильно мне это нравится, но мне невыносима мысль о том, что он злится на меня.

Он мягко подталкивает меня к двери и ведет по коридору. На этот раз я просто смотрю вперед, вместо того чтобы позволить им скользить по различным открытым комнатам, мимо которых мы проходим по пути в офис.

ПРАВИЛО № 9: ОДЕВАТЬСЯ КАК ПРОСТИТУТКА ОЧЕНЬ УДОБНО

Шарли

— Я всего лишь пытался защитить тебя, — тихо бормочет он по дороге домой.

— Что?

Я не могу перестать ковырять облупившийся черный лак на своих ногтях после того инцидента в тронном зале.

Я ненавижу себя за то, какой наивной я себя чувствую. Я ненавижу, как Эмерсон контролирует меня и какой маленькой я кажусь в его присутствии, когда он говорит мне, что делать. И, черт возьми, я хочу, чтобы он признал это.

— Ты должна быть осторожна с этими парнями, особенно с Дрейком.

Его взгляд скользит по моему телу, и я понимаю, что он имеет в виду мой скандальный наряд.

— Он плохой? — Спрашиваю я, прекрасно зная, что он меня не интересуется.

Он был неописуемо красив, но мне казалось, что он просто не в моем вкусе.

Конечно, после Бо я не совсем уверена, что знаю, какой у меня типаж.

— Дрейк совсем не плох. Он хороший друг, но он трахает все, что движется, а ты слишком молода, Шарлотта.

Я стискиваю челюсти и отворачиваюсь.

— Если ты собираешься и дальше обращаться со мной как с ребенком, то тебе действительно не следовало меня нанимать.

Я замечаю, как мышцы его челюсти сжимаются в унисон с моими. Остальную часть поездки мы молчим.

Заехав в гараж, он вылезает и поворачивается ко мне.

— Ты в последнее время разговаривала с Бо?

Я ловлю выражение его лица поверх крыши машины и вижу намек на отчаяние на его лице.

— Я видела его вчера в торговом центре.

Его брови приподнимаются, а спина выпрямляется.

— Как он себя чувствовал?

Я на мгновение обдумываю свой ответ.

Должна ли я приукрасить это и сказать ему, что Бо уже взрослый, а не ребенок-переросток без направления, каким он является? Почувствует ли он себя от этого лучше?

Вместо этого я решаю сразу перейти к делу.

— Он хочет получить свою половину страхового взноса. Он был очень зол на меня за то, что я не достала это для него.

Бровь Эмерсона вздрагивает от моих слов.

— Зол на тебя?

— Да, в глазах Бо я всего лишь неудачница. Неудачница и идиотка.

Я не знаю, зачем я говорю ему эти, слова. Кажется, они просто слетают с моих губ.

Выражение его лица меняется от замешательства к гневу.

— Он так не думает.

— Да, это так.

Я обхожу машину и встречаюсь с ним возле багажника.

Он молчит, как будто раздумывает. И я уверена, он думает о том, как заманить Бо сюда, чтобы отдать его половину чека. Это действительно отличная приманка, если он хочет увидеть своего сына.

Я немного удивляюсь его следующими словами.

— Ты не являешься ни тем, ни другим, Шарлотта.

Я усмехаюсь.

— Ты едва меня знаешь.

Его рука нежно сжимает меня чуть выше локтя, привлекая мое внимание к его лицу.

— Прекрати это, — приказывает он мне, его голос глубокий и резкий, когда я чуть не отшатываюсь назад, его хватка на моей руке удерживает меня на ногах.

Каким-то образом я оказываюсь еще ближе к нему, почти прижимаюсь к его груди и смотрю на него снизу вверх. Он притянул меня ближе?

— Ты не неудачница и ты не идиотка, ты меня понимаешь?

Он кажется почти сердитым, и если бы его слова не были такими комплиментарными, я бы испугалась.

— Ладно, — бормочу я.

— Мне жаль, что он заставил тебя так себя чувствовать.

— Все в порядке, — отвечаю я.

Нейроны в моем мозгу перестают работать, когда я ошеломлена его близостью.

Его дыхание на моем лице, теплое и мужественное, и если бы я была любой другой женщиной, я бы хотела, чтобы он поцеловал меня. Я думаю, он бы так и сделал.

Но я не какая-то другая женщина, я Шарли. Слишком наивна. Слишком неуклюжа, незрела и незначительна.

— И я прошу прощения за то, что сделал тебе выговор сегодня в клубе. Гаррет и Дрейк перешли все границы дозволенного. Это была не твоя вина.

Что случилось с *Мистером Властным засранцем*? С ним было легче иметь дело, чем с *Мистером Комплименты и Извинения*. Я не уверена, как на это реагировать, поэтому отступаю, вырывая свою руку из его хватки.

— Я понимаю. Да. Спасибо, — бормочу я.

— Если Бо хочет получить свои деньги, он может прийти и забрать их сам, — добавляет Эмерсон, ударяя по каждому слогу, входя в дом.

Я следую за ним, чувствуя себя немного потрясенной.

Где-то между гаражом и кухней, где Эмерсон показывает мне кофеварку и воду и где я могу найти все, что мне нужно, я думаю о своем собственном отце.

Эмерсон, наверное, не разговаривал с Бо уже четыре месяца. Я не разговаривал с моими почти в пять раз дольше. Он не звонит, не пишет смс и не нанимает моих бывших, чтобы попытаться вернуть меня. Он никогда насильно не заставлял меня признавать, что я не была неудачницей.

А позже, когда я заполняю документы, я позволяю своему взгляду задержаться на Эмерсоне, пока он работает. И мне интересно, что он видит, когда смотрит на меня.

Действительно ли он видит девушку, достаточно молодую, чтобы годиться ему в дочери?

Затем я мысленно примеряю, каково было бы, если бы такой мужчина, как Эмерсон Грант, смотрел на меня как на женщину, достаточно хорошую для него. Тепло разливается

внизу моего живота, когда я думаю о нем таким образом, о том, чтобы быть его женщиной. Чувствовать его руки на моем теле, его губы на моей коже. Входить в здание под руку с ним и знать, что независимо от того, кто находится в этом здании, я для него самая важная.

И все в моем мозгу переключается с восприятия его как отца на восприятие его как мужчины.

После работы я подъезжаю к тротуару рядом с голубоволосой девушкой-подростком, которая так поглощена своей книгой, что даже не замечает моего приближения.

— Залезай, сопляк.

Моя сестра поворачивается, ее голубые волосы летят ей в лицо от резкого зимнего ветра, когда она идет.

Обычно я начинаю работать примерно в это время и никогда не могу заехать за ней, так что приятно иметь возможность удивить ее во время ее прогулки длиной в милю.

Забравшись внутрь, она смотрит на мой наряд и смеется.

— Ты выглядишь как проститутка.

— Спасибо. Ты выглядишь как Смурфик.

— Как прошел твой первый день на новой работе? — Спрашивает она, когда я отъезжаю от тротуара и направляюсь к торговой площади на противоположной стороне города.

— Это было... интересно.

На самом деле я не планирую делиться всеми подробностями своей новой работы со своей четырнадцатилетней сестрой. Может, она и мудра для своих лет, но она не готова ко всему этому. Я также решила не разглашать тот факт, что я работаю на отца Бо. Она никогда не была большой поклонницей Бо и была бы не в восторге от того, что я работаю со старшим.

— Подожди, куда мы идем? — Спрашивает она. Когда я пропускаю поворот к нашему дому.

— Разве сегодня не вышел тот новый аниме-комикс?

Ее глаза загораются.

— Это называется манга, и да, так оно и было... но они, вероятно, уже распроданы.

— Что ж, попробовать стоит.

Когда мы подъезжаем к торговому центру *strip mall* с любимым магазином комиксов Софи, я вдруг жалею, что сначала не заехала домой переодеться.

Снаружи толпится кучка мальчиков-подростков, все явно в период полового созревания. Это видно по прыщам, плохо сидящей одежде, сальным волосам и металлическим улыбкам.

Ну что ж. Это для Софи, думаю я, когда мы вылезаем из машины. Она искоса смотрит на меня, пока мы подходим к магазину, мои каблуки стучат по маслянистому, потрескавшемуся бетону парковки.

— Боже, — бормочет она себе под нос.

Я буквально чувствую их взгляды, когда мы проходим мимо.

Внутри магазина много разговоров, волнение от сегодняшнего нового релиза явно заполняет пустые места. Группа хихикающих девчонок в футболках *K-pop* и с рюкзаками *Hello Kitty* осматривает заднюю стену, пока Софи направляется к пустой полке, где должна быть новая книга.

— Видишь. — Ее плечи опускаются, и мое сердце разрывается.

— Они, вероятно, распродались несколько часов назад.

— Не сегодня, сатана, — отвечаю я, поворачиваясь к коренастому бородатому мужчине за прилавком.

— Прощу прощения.

Когда он поднимает взгляд от игровой приставки, которую в данный момент разбирает, он замирает.

Его глаза останавливаются, я имею в виду, на моей груди. Конечно, моя рубашка прозрачная, а лифчик черный. Это демонстрация... Я знаю это, но он смотрит на мои сиськи так, словно они ввели его в транс, и он не способен видеть что-либо еще в комнате.

— Привет, — рявкаю я, пытаюсь оторвать его внимание от моей груди.

И как раз в тот момент, когда я собираюсь прикрыть его скрещенными руками, я понимаю, что это может сработать мне на пользу. Поэтому вместо этого я наклоняюсь вперед, позволяя своему декольте раскрыться, когда мои локти опираются на стеклянную стойку.

— О Боже мой, — тихо бормочет Софи у меня за спиной.

— Могу... могу я вам помочь? — спрашивает мужчина.

— Да, мы с сестрой ищем новую книгу из серии *Wonder Boy Cosmo*. Я думаю, это вышло сегодня.

Я одариваю его зубастой улыбкой.

— О, сегодня в десять утра все было распродано.

На этот раз ему удастся посмотреть мне в глаза, но его взгляд танцует между моими губами и сиськами, как маленькие пинг-понги в его голове.

— Действительно? — спрашиваю я, надув губы.

Затем я глубоко вздыхаю, бросая взгляд в заднюю часть магазина позади него, замечая нераспечатанные коробки, сложенные вдоль стены. Прикусив нижнюю губу зубами, я смотрю на него сквозь ресницы и спрашиваю:

— Есть шанс, что у тебя найдется для нас еще одна? Я действительно, очень этого хотела.

Затем я замечаю его бейджик с именем и добавляю кокетливое:

— Трэвис — для пущей убедительности.

Он сплывает, затем натянуто улыбается мне. Поскольку он, кажется, на мгновение обдумывает свои варианты, я считаю, что этот парень на самом деле довольно красив. Если бы он подстриг эту непослушную бороду и расчесал волосы, это имело бы большое значение. К тому же у него приятная улыбка.

Должно быть, он заметил, что я как бы разглядываю его, потому что ухмыляется.

— Позволь мне пойти проверить, что там сзади.

Он уходит на некоторое время, и я поворачиваюсь к Софи, которая только качает головой с отсутствующим выражением на лице, разглядывая стену с *Fonko Pop*.

Через несколько минут Мистер Борода возвращается, заложив руки за спину. Перегнувшись через прилавок, он протягивает мне толстую книгу с яркой иллюстрированной обложкой и чем-то похожим на корги, одетого как космонавт.

— Ты получила это не от меня, — шепчет он.

— О Боже, ты лучший, Трэвис!

Наклоняясь вперед, я быстро целую его в щеку, оставляя на ней отпечаток красных губ, когда он краснеет. Пряча книгу от девушек в задней части магазина, я достаю свою кредитную карточку и незаметно протягиваю ему. Он все еще улыбается, отдавая мне

квитанцию и желая нам хорошего дня.

В машине Софи сияет, читая свою новую книгу, и мое сердце переполняется радостью.

— О Боже, ты проститутка, но я не жалеюсь!

— Я не такая!

— Ну, просто продолжай одеваться как подобает.

Мой смех затихает, когда я думаю о том, что Гаррет сказал сегодня в тронном зале.

Чего тут стыдиться? Все так делают. Всем это нравится. Какая пустая трата хорошей жизни — притворяться, что ты этого не делаешь.

Я никогда не считала себя сексуальным человеком, но не могу отрицать, что мне было приятно сидеть на этом троне, думать о том, что кто-то — определенный кто-то — находит способы доставить мне удовольствие, пока я была там, наверху. Меня взволновало, что мной так восхищаются в магазине, что я могу использовать свое тело так, чтобы это работало на меня. Чувствовать себя комфортно в своей собственной шкуре и выставлять это напоказ. Знать, что я, может, и не веточка и у меня не идеальная кожа, но это не значит, что я не могу быть сексуальной.

ПРАВИЛО № 10: КОГДА ТВОИ ДРУЗЬЯ НАЧИНАЮТ СОВАТЬ НОС НЕ В СВОЕ ДЕЛО, НИЧЕГО ИМ НЕ ГОВОРИ

Эмерсон

— Как дела с новой девушкой?

Мы с Гарретом сидим в баре, ждем остальных. Мы не говорили о сегодняшнем инциденте в клубе, но что касается нас с Гарретом, то нам действительно не о чем говорить. Для него Шарлотта просто еще одна сотрудница — потому что это именно то, чем она является, и для него не является чем-то неприличным разговаривать с ней или даже немного флиртовать с ней.

Обычно у меня нет секретов от своего лучшего друга, поэтому он не знает подробностей о том, как я нашел Шарлотту — секрет, который я не собираюсь хранить долго.

— Она идеальна, — отвечаю я, сделав глоток своего пива.

Гарретт делает вид, что сильно удивлен. Поднимая руки в воздух, он ведет себя так, словно только что увидел второе пришествие Христа или что-то в этом роде.

— Прекрати, — бормочу я.

— Может ли такое быть? Эмерсон Грант наконец-то кем-то доволен? Выпивка сегодня за мой счет.

— Очень забавно. Кроме того, она всего лишь секретарша, помнишь? Стандарты и ожидания значительно ниже.

— Это прекрасно. Я не могу смириться с тем фактом, что сам ее не нашел. Я просто счастлив, что у меня снова есть двадцать часов в неделю свободного времени, потому что именно столько я потратил, пытаюсь найти идеальную девушку для тебя. Не говоря уже обо всех документах, связанных с назначением и переназначением каждой девушки. Это было утомительно.

— Что ж, я рад, что ты доволен, — отвечаю я.

— Нет. Я рад, что ты доволен. — Он смеется, делая глоток.

Поставив его на стол, он бросает на меня любопытный взгляд.

— И все-таки, где ты ее нашел?

Я морщусь. Думаю, лучше всего покончить с этим.

— Что ж...

Как раз в этот момент Хантер и Дрейк врываются в дверь, и не остается ни слова, чтобы сказать.

Наш деловой партнер Хантер и его лучший друг — двое самых громких и сквернословящих тридцатилетних мужчин, которых я когда-либо встречал.

За ними следуют жена Хантера, Изабель, и Мэгги, всеобщая правая рука. Оба ведут себя подобающе, подходяще для публики, сдержанно — в отличие от двух мужчин перед ними.

Мы все приветствуем друг друга, прежде чем занять свои места за тем же столом, за которым сидим каждый четверг вечером в течение последних восьми лет.

Это действительно идеальное место для наших встреч, так как мы редко видимся в течение недели. Кроме того, это единственное место, где смогут разместиться все — от Дрейка в джинсах и ботинках, прямо со строительной площадки, до меня в моем деловом

костюме. И это не так уж плохо, что нам будет некомфортно, приводя сюда девушек.

— Что нового? — спрашивает Хантер, когда они возвращаются из бара со своими напитками.

— Ну, Эмерсон только что сказал нам, что его новая секретарша идеальна.

— Хм... — произносит Мэгги в ответ, поджимая губы.

— О, для чего это было? — спрашивает Изабель, явно уловив намек Мэгги.

— Она не та, кого я ожидала от Эмерсона, вот и все.

— Она всего лишь моя секретарша, — вставляю я, хотя, кажется, никто этого не слышит.

— Что с ней было не так? — спрашивает Хантер.

— С ней все в порядке, — быстро выпаливаю я.

— О, та девушка, которую ты привел сегодня? С ней определенно не было ничего плохого.

На этот раз Дрейк наклоняется, чтобы присоединиться к разговору, многозначительно поводя бровью, и я тихо рычу в свой бокал.

Дрейк — друг Хантера, и, за исключением того, что он был прорабом на строительстве нашего первого объекта, он не имеет никакого отношения к нашему бизнесу. Он по-настоящему не ценит этот образ жизни, если не считать того, что он самый большой развратник в *Брайар-Пойнт*. И я имел в виду то, что сказал сегодня Шарлотте... он трахнет любую, кому больше восемнадцати.

— Достаточно, — быстро отвечаю я.

— Что? Она твой тип, не так ли? — Игриво спрашивает он. — Молодая, горячая, ходит за тобой повсюду, как щенок

Гаррет отвечает за меня.

— Оставь его в покое, Дрейк.

Я могу справиться с шутками Дрейка. Это не его вина, что он любит ваниль.

Он улыбается мне через стол, и я качаю головой, допивая свой напиток. Он может смеяться сколько угодно, но он никогда не прикоснется к Шарлотте. Я позабочусь об этом.

Встав из-за стола, я подхожу к бару, чтобы заказать себе второй напиток. Жестом позвав бармена, я позволяю своим мыслям вернуться к сегодняшнему общению с Шарлоттой. Я не уверен, почему я так отреагировал. Мне не следовало так загонять ее в угол. Черт, я здесь не в своей тарелке. Что, черт возьми, я знаю о работе с двадцатиднолетней девушкой?

Шарлотта проявляет больше интереса к бизнесу, чем я ожидал, и я борюсь с тем, насколько это чертовски очаровательно и насколько сильно это дерьмо доставляет мне неприятности. Даже я должен признать, что беззастенчивое любопытство, особенно когда дело доходит до извращений и секса, чертовски сильно возбуждает. Нам обоим было бы гораздо лучше, если бы она была немного более тихой и напуганной, а не отправлялась на разведку и не попадала в неприятности.

Неужели образ ее на этом троне запечатлелся в моем мозгу? Конечно, так оно и было. Она великолепная девушка, и я провел большую часть своего дня, стараясь не пялиться на ее сиськи через эту полупрозрачную рубашку.

Но она девушка моего сына — прошлое, настоящее, будущее, не имеет значения.

Что, черт возьми, со мной не так?

Когда я возвращаюсь к столу, Гаррет наблюдает за мной.

— Ты все сидишь в своей голове, — говорит он.

Остальные о чем-то разговаривают на своей стороне стола, поэтому он тихо шепчет мне, чтобы это осталось между нами.

— Все в порядке?

Я провожу рукой по лицу.

— Все в порядке. Просто испытываю стресс. Мы открываемся через шесть недель, а это здание, похоже, и близко не готово.

Я искоса бросаю взгляд на Дрейка, чтобы убедиться, что он меня не услышал, но он слишком занят, рассказывая какую-то замысловатую историю о сексе втроем достаточно громко, чтобы слышал весь бар.

Гаррет хлопает меня по плечу.

— Расслабься. Все не так уж и плохо, как ты думаешь. Как только они вытащат оттуда оборудование, оно будет выглядеть в десять раз лучше, вот увидишь.

Я киваю, пытаюсь впустить его слова как утешения.

— Ты прав.

Его рука остается на моем плече, пока он наблюдает, как я делаю глоток своего напитка.

— Эй, у нас все хорошо, верно? Я не хотел сегодня переступить черту...

Быстро качая головой, я ободряюще смотрю на него.

— Да, у нас все хорошо. Она всего лишь моя секретарша. Я был серьезен.

Подняв руки в знак капитуляции, он кивает.

— Я верю тебе. Я просто немного повеселился. Я не хотел...

— Гаррет, все в порядке. Она просто... слишком молода для всего этого. На самом деле я не хотел, чтобы она вмешивалась.

Я знаю еще до того, как слова слетают с моих губ, что это лицемерие. У нас работает много женщин в возрасте двадцати одного года. Сабы, Доммы, танцовщицы, официантки, исполнители, кто угодно. Пока они совершеннолетние, возраст не имеет значения.

— Ты собирался рассказать мне, где ты ее нашел, — говорит он, насмешливо морща лоб.

Минуту назад я собиралась сказать ему, но вдруг поняла, что не готов. Как только я расскажу, что нанял бывшую девушку своего сына, все усложнится. Как будто я не хочу, чтобы они осуждали меня за то, чего я еще даже не сделал. Между мной и Шарлоттой не может быть ничего сексуального. Я нанял ее исключительно с целью попытаться вернуть моего сына — как, я до сих пор не совсем уверен, но это должно сработать.

Все, что имеет значение, — это то, что я не переступлю эту черту.

— В другой раз, — бормочу я поверх края своего бокала.

— Эй, — говорит Хантер, поднимая свой бокал, — ребята, вы можете поверить, что мы наконец-то делаем это? Нам нужно произнести тост.

— У нас еще шесть недель впереди, — напоминает ему Мэгги. — Не сглазь.

— Я ничего не сглазил. Табличка на двери, мероприятие по открытию запланировано. Мы наняли персонал и являемся полноправными членами клуба. Ребята... *мы открываем гребаный секс-клуб.*

— Выпьем за это, — говорит Гаррет, поднимая свой бокал.

Остальные из нас вторят ему, чокаясь бокалами, прежде чем опрокинуть их обратно, а затем мы замолкаем, пока слова оседают в памяти.

Мы открываем гребаный секс-клуб.

ПРАВИЛО № 11: НЕ СРАВНИВАЙ СВОЕГО ГОРЯЧЕГО БОССА СО СВОИМ ОТЦОМ ЗА МГНОВЕНИЕ ДО ТОГО, КАК ПРИКОСНЕШЬСЯ К ЛИНИИ ЕГО СЕРДЦА

Шарли

— О Боже, — бормочу я, открывая свою электронную почту, чтобы найти фотографию женщины, подвешенной к потолку, обнаженной и обмотанной черным шнуром. Она выглядит так, словно попала в рыболовную сеть, и хотя я не могу отчетливо разглядеть ее зад, готова поспорить, что это отличное место для... доступа.

Эмерсон хмурит брови, пристально глядя на меня.

— Все в порядке? — спрашивает он.

— Эти приложения...

Глубокий смешок эхом доносится из его угла комнаты, и я в шоке смотрю на него.

— Я имею в виду, что это вообще такое?

Он встает и подходит, чтобы посмотреть на экран моего компьютера. Положив руки на спинку моего стула, он наклоняется надо мной и смотрит на то же изображение, что и я.

— Это называется Шибари, — тихо говорит он, его глубокий голос отдается грохотом по всему моему телу.

— Это то, ради чего ты... нанимаешь людей? — спрашиваю я, судорожно переводя дыхание.

— Это была идея Гаррета провести презентацию веревочного бондажа, поэтому нам нужны несколько экспертов для демонстрации.

— Похоже, это больно, — морщусь я.

На это трудно смотреть, и еще более неудобно просматривать различные фотографии, присланные этой женщиной, с отцом Бо, стоящим у меня за плечом.

— Ты бы была удивлена, узнав, сколько людей хотят быть связанными и...

Я поворачиваю свое лицо и смотрю ему прямо в глаза. Когда он снова смотрит на меня сверху вниз, моей коже становится жарко.

— Это немного больше, чем просто связано, — отвечаю я тихим шепотом.

— Не выбивай это, пока не попробуешь, — говорит он.

Я делаю глубокий вдох, вдыхая кедрово-мускусный аромат его одеколона.

— А ты? — осторожно спрашиваю я.

— Был так связан? — Его тон пронизан юмором, когда он откидывается назад.

Я больше не чувствую запаха его одеколона, и это разочаровывает меня.

— Нет.

— Я имела в виду... не обращай внимания.

Это становится неудобным. Мнение, которого я придерживалась две недели назад о том, что можно быть секретаршей владельца секс-клуба, не разговаривая о сексе, по сути, вылетело из головы. Мы продолжаем загонять себя в угол разговорами, которые неизбежно заканчиваются неуместно. Не помогает и то, что я не знаю, когда нужно остановиться.

— Я задаю слишком много вопросов.

— Да, это так.

Не помогает и то, что за последние четырнадцать дней меня все больше и больше влекло к Эмерсону. Может быть, это любопытство, или проблемы с папой, или просто старая влюбленность, но тот факт, что ему сорок, стал привлекательным, а не вызывающим отвращение.

Большинство парней моего возраста — сплошная неразбериха. Эмерсон является воплощением совершенства. Все, что у него есть, дорого по высшему разряду, и даже его кожа чистая и совершенная. Я ловлю себя на том, что мне хочется запустить пальцы в его короткую бородку и поцарапать ногтями его волосы цвета соли с перцем.

И я держу пари, что мужчина его возраста более искусен в постели, чем парень, который занимается этим всего пару лет.

Прекрати это, прекрати это, прекрати это.

Оглядываясь на изображение на экране, я думаю о женщине на фотографии. Она красивая, с длинными черными волосами и телом, за которое большинство из нас отдало бы жизнь. Мне хотелось бы хоть на мгновение обрести уверенность, которая, должно быть, требовалась для того, чтобы жить той жизнью, которой живет она. И я не имею в виду быть связанной, но знать, чего она хочет, выходить на улицу и получать это.

Эмерсон не приводил меня обратно в клуб с первого дня, когда застукал меня в тронном зале с Гарретом.

Даже если он упоминает, что ему нужно повидаться с Хантером или Мэгги, он хмурится и добавляет: — *Я пойду позже.*

Как бы говоря, что он предпочел бы пойти один.

Я нахожу его чрезмерную заботу одновременно милой и раздражающей. Мой отец в основном защищал меня, но это никогда не казалось искренним. Он пытался сказать мне, с какими парнями я не могу встречаться, но только потому, что он был территориальным и упрямым.

Эмерсон защищает по-другому, хотя я не могу точно сказать, в чем это отличие.

Работа сама по себе — сущий пустяк. Я просматриваю его электронную почту, пересылаю заявки Гаррету, повседневные вопросы Мэгги, строительные вопросы Хантеру и финансовые вопросы Эмерсону. Затем я приношу ему кофе, забегая пообедать, заполняю документы и делаю заметки, пока он отвечает на звонки.

И я действительно начинаю чувствовать себя комфортно в своей новой одежде. Я нашла онлайн-бутик с быстрой доставкой и самой симпатичной одеждой в стиле секретарши, которую я когда-либо видела.

Мне нравится видеть выражение лица Эмерсона каждый день, когда я вхожу, сканируя свое тело его глазам.

Я поняла, что, когда он прикусывает нижнюю губу и отводит взгляд, ему это не нравится. Когда он делает мне комплимент простым *Ты хорошо выглядишь*, он просто думает, что это нормально. Но когда он смотрит слишком долго, сжимая кулаки и глубоко вздыхая, тогда ему это действительно, очень нравится.

Он расспрашивал меня о моей личной жизни гораздо больше, чем я от него ожидала, и я рассказала ему о Софи, не выдавая ничего личного и не вдаваясь в подробности. Рассказала ему о своей маме и о том, как ушел мой отец. Он хмурился, когда я упоминала своего отца, но почти ничего не сказал, вероятно, чувствуя, что отстаивать свое мнение — не его дело.

И он всегда спрашивает меня о Бо, но я могу сказать, что ему трудно говорить о нем. Он

больше не настаивает, чтобы я ему звонила, особенно после того, как я рассказала ему, как Бо ко мне относился. И иногда это заставляет меня задуматься, сохранит ли Эмерсон меня в качестве своей секретарши, когда поймет, что я не собираюсь заманивать Бо обратно домой. Если я не смогу вернуть его сына, я, по сути, буду для него бесполезна — по крайней мере, там, где замешан Бо.

— Мне нужно твое мнение, — говорит он из-за своего стола, когда я нажимаю *Отправить* на связанную девушку, отправляя ее Гаррету одним нажатием кнопки.

Он сидит за своим столом, уставившись в свой компьютер. Я придвигаю стул напротив него и устраиваюсь на коленях, наклоняясь над его огромным письменным столом из красного дерева.

— В чем дело? — Спрашиваю я.

— Вечеринка по случаю открытия клуба состоится в следующем месяце, и я не могу выбрать между этими двумя костюмами.

Я делаю паузу, бросая взгляд на его лицо, прежде чем повернуться к экрану.

Эмерсон Грант просит у меня совета по моде. Это было бы все равно, что попросить золотистого ретривера помочь мне с налогами.

На экране два мужчины-модели, каждый из которых одет в официальные смокинги, которые сидят на них так, словно были сшиты специально для них. Первый одет во все черное, даже галстук и майка, так что это слои соболиной фактуры, и я уверена, что на Эмерсоне он смотрелся бы чертовски эффектно. Но другой костюм, темно-синий из атласа с широкими лацканами и черным галстуком поверх белой рубашки.

Мои губы кривятся, когда я рассматриваю два варианта. Затем я смотрю на него, мое лицо находится всего в нескольких дюймах от его, когда я смотрю в его насыщенные зеленые глаза.

Черный был бы сексуален, но синий на его загорелой коже и с этими яркими зрачками был бы царственным.

— Синий, — шепчу я, отрывая от него взгляд и снова глядя на экран.

— Во что будет одета твоя пара? Я думаю, тебе стоит попытаться сравняться с ней.

На мой взгляд, его спутница — это какая-нибудь супермодель в дизайнерском платье сшитом специально для нее и этого единственного события.

— У меня ее нет.

Я снова смотрю на него.

— Почему нет?

Он пожимает плечами, откидываясь на спинку стула.

— Я не знаю. Имеет ли это значение?

— Я имею в виду... ты владелец секс-клуба. Если ты войдешь туда один, ты не собираешься уходить один, — поддразниваю я его, но эта мысль высасывает из меня немного юмора.

Какая-то счастливая сучка идет домой с самым важным, самым красивым, самым богатым мужчиной на вечеринке. Должно быть, это приятно.

Он выглядит в основном безразличным.

— Я не собираюсь встречаться со случайной девушкой на торжественной вечеринке по случаю открытия моей компании.

Ладно, думаю, босс не занимается сексом на одну ночь. Интересно...

— И у тебя нет девушки?

— Нет.

— Тогда, я думаю, тебе стоит пойти на свидание. — Я откидываюсь назад, устраиваясь поудобнее в кресле.

Мой взгляд на мгновение задерживается на его руках, лежащих на столе, и у меня появляется идея. Вероятно, это будет неловко, но я не кто иная, как упрямая и бесстрашная в общении.

— Могу я посмотреть на твою руку?

— Что? — спрашивает он, морща лоб.

— Я умею читать по ладоням, и мне просто нравится видеть линии людей.

На его лице остается растерянное выражение, когда он говорит:

— Ты очень странная, Шарлотта.

Я легко смеюсь, когда тянусь к его огромной руке. Положив его раскрытую ладонь перед собой, я позволяю своим прикосновениям мягко переместиться с его запястья на кончики пальцев.

Не нужно быть специалистом по хиромантии, чтобы понять, что Эмерсон Грант всегда был офисным человеком. На нем нет мозолей или шрамов, а ногти ухожены. На самом деле они такие мягкие, что я, кажется, не могу перестать гладить его кожу, и в комнате становится тихо.

Я чувствую его взгляд на себе, поэтому вместо того, чтобы позволять себе заикливаться на своей неуверенности, я наклоняюсь вперед и позволяю своим прикосновениям провести по линиям его ладони.

Его большая рука затмевает мою крошечную, когда я протягиваю ее перед собой.

— У тебя длинная линия сердца. Это хорошо, — добавляю я, заглядывая ему в глаза.

Однако он не смотрит на линии. Его взгляд прикован к моему лицу, и мне приходится подавить свои нервы.

Он твой босс, Шарли. И отец Бо. Вытащи свой разум из канавы.

— Что это значит? — спрашивает он.

— Люди с длинной, прямой линией сердца обычно хорошие любовники, — говорю я с игривой ухмылкой.

— Имеет смысл, — шутит он, и я ловлю себя на том, что хихикаю, а мои щеки горят.

— Это также означает, что ты экспрессивный, романтичный и ценишь настоящую любовь в своей жизни.

— Хм...

— Смотри, у меня тоже длинная.

Я раскрываю перед ним ладонь, показывая, где горизонтальная линия начинается у моего указательного пальца и тянется по всей руке, без каких-либо разрывов или изгибов.

— Разве не у каждого в жизни есть любовь? — Похоже, это его не впечатлило.

Сжимая его раскрытую ладонь в своей, я бросаю на него короткий взгляд.

— Не просто любовь, Эмерсон. Это означает, что у тебя будет настоящая, всепоглощающая, опьяняющая, изменяющая жизнь, разрушающая землю любовь. Любовь, за которую ты готов умереть. Без которого ты просто не смог бы жить. Любовь, от которой трудно дышать. Как будто ты можешь чувствовать это не только в своем сердце, но и в своих венах, костях и мышцах. Везде.

Моя рука движется к груди и я закрываю глаза делая глубокий вдох.

Я не хотела так увлекаться, но я буквально чувствую, как слезы застилают мне глаза, и

это унизительно, потому что он никак не может понять, о чем я говорю.

Но когда я открываю глаза, он смотрит на меня с выражением, которого я раньше на его лице не видела. Морщинка, которая обычно залегала у него между бровями, исчезла, а взгляд стал мягким. Он изучает меня так, словно видит впервые.

— Это то, чего ты хочешь, Шарлотта?

Я заставляю себя вдохнуть.

— Я не соглашусь ни на что меньшее.

— Хорошо. — Он смотрит на мою руку, все еще лежащую на столе, и берет ее, раскрывая мою ладонь так, как я держала его.

— А в твоих строчках говорится, что ты это получишь?

— Да.

Его пальцы пробегают по складкам моей ладони, и я забываю, как дышать. Его прикосновения такие нежные, несмотря на то, что он намного крупнее меня, и я ненавижу себя за то, что представляю это же прикосновение к своей груди, вниз по позвоночнику, между ног...

— В твоих тоже, — добавляю я, нарушая хрупкое молчание.

Его глаза встречаются с моими, момент, наполненный интимным прикосновением рук.

Я не хотела, чтобы все так получилось. Я действительно думала, что смогу доказать ему, что ему не обязательно вечно оставаться таким жалким холостяком, и он будет дразнить меня гаданиям по руке, но я этого не ожидала. И вот я здесь, глупо думая, что умопомрачительная любовь, которой я так сильно хочу, могла бы быть в другой вселенной с Эмерсоном.

— Я отведу тебя на открытие.

Сначала я думаю, что он говорит, что возьмет меня в качестве своей законной жены, и я чуть не смеюсь, потому что это было бы шуткой. Затем его слова перестраиваются в моей голове, и я понимаю, что он просит меня пойти с ним на открытие клуба в качестве его пары, и слово — Что? — срывается с моих губ.

— Ты думаешь, мне нужно свидание, а я не хочу рисковать, возвращаясь домой не с той девушкой, так что тебе стоит пойти со мной.

— Ты серьезно?

Глубокий смешок эхом вырывается из его груди.

— Да, я серьезно.

— Нет. Нет.

— Ой, — отвечает он, изображая обиду.

— Эмерсон. — Я поднимаю на него взгляд.

— Да ладно тебе. Я твоя секретарша. И девушка твоего сына.

— *Бывшая.*

Я делаю паузу. Я серьезно рассматриваю это? Он даже не хотел брать меня обратно в клуб после того, что случилось в прошлый раз, а теперь хочет пригласить меня на открытие в качестве своей пары.

— Будут ли люди...ты знаешь? — Боже, я чувствую себя ребенком.

— Заниматься сексом? Да, вероятно. Может быть, не в первую ночь и не под открытым небом. Тебе не обязательно видеть то, чего ты не хочешь видеть.

Мне кажется, я вспотела. Нет, я определенно вспотела.

Я хочу спросить его, почему я? Почему он хочет взять именно меня, когда у него есть

возможность выбрать, вероятно, любую девушку в *Брайан-Пойнт*?

Но я этого не делаю. Я позволю себе на мгновение представить, что он действительно хочет заполучить меня, а не любую из этих других девушек. Позволю себе на минутку погрузиться в фантазию.

— Я не могу позволить себе платье.

— Я куплю тебе платье.

Когда я открываю рот, чтобы поспорить, я останавливаюсь.

Почему я пытаюсь отговорить его от этого приглашения? Меня приглашают в ультра-эсклюзивный секс-клуб только для членов клуба с долбаным владельцем.

Почему первые слова, слетающие с моих губ, не *черт возьми, да*?

— Ладно. Отлично.

— Это, должно быть, самый лестный ответ на свидание, который я когда-либо получал, — саркастически отвечает он.

— Прости, я имею в виду, я взволнована и, конечно, хочу пойти с тобой, но это просто... не совсем моя сцена. Эмерсон. Я работаю на катке?!

— Нет, ты работаешь в Клубе непристойных игроков моей секретаршей, помнишь?

— Да, но по выходным я все еще жарю корн-доги и веду толпу в хоки-поки на роликовых коньках.

Восхитительно красивая улыбка растягивается на его щеках.

— Я бы заплатил, чтобы увидеть это.

— Тебе и не нужно этого делать. Каждую субботу вечером, в половине восьмого. Загораются черные лампочки. Мы даже продаем светящиеся палочки.

— О, правда? Я не совсем разбираюсь в культуре катания на роликовых коньках. Как ты думаешь, я готов к светящимся палочкам?

Он дразнит меня, и до этого момента я даже не осознаю, что он все еще держит мою руку в своей. Или, скорее, мы просто держимся за руки, так как он ослабил хватку.

Но я не позволяю этому отвлечь меня, когда наклоняюсь, поддразнивая его так же сильно, как он поддразнивает меня.

— Откуда тебе знать, если ты этого не пробывал? Я думаю, ты мог бы справиться со светящимися палочками. Это электрическая горка, на которую тебе, вероятно, стоит подняться.

— Ты сделаешь это со мной, чтобы я был не один, верно?

Я улыбаюсь, прикусывая уголок губы. И поскольку это кажется правильным, я наклоняюсь вперед и ухмыляюсь.

— О, малыш, ты не поймешь, что на тебя нашло, когда будешь скользить со мной на электрическом горке.

Это забавно. Мы смеемся, и это игриво, невинно и прекрасно... пока это не становится не так. Пока смех не стихнет, и мы не остаемся в пыли от того, что это было за кокетство. Его глаза устремлены на мое лицо, а мои — на его. Наши руки все еще сцеплены на столе.

Он сглатывает, и я сглатываю.

И я так сильно хочу поцеловать его. Просто чтобы посмотреть, понравится ли мне это вообще или это будет слишком странно. И посмотреть, действительно ли эти странные ощущения в моем теле — то, о чем я думаю. Действительно ли я привязываюсь к Эмерсону в сексуальном плане, или это просто мое воображение выходит сухим из воды.

Его пальцы сжимают мою руку, один палец нежно поглаживает мою ладонь, и это

похоже на крик. Это так незаметно, неприкрыто для глаз, но я чувствую это, и оно говорит мне наклониться вперед, что я и делаю.

Затем он наклоняется вперед.

И когда я чувствую его дыхание на своих губах, мое тело просит, чтобы я поцеловала его. Сократила дистанцию. В то время как в моем мозгу срабатывает сигнализация, сигналият красные флажки и ревут сирены.

Нет, нет, нет, нет! Это отец Бо — его долбаный отец, Шарли. Что ты делаешь? Ты не можешь целовать его! Потому что, что тогда? После того, как ты поцелуешь его, что, если он захочет большего? Ты собираешься позволить ему снять с тебя одежду? Заняться с ним сексом?

Ладно, это звучит одновременно ужасно и удивительно.

Но что потом? Ты не можешь оставаться на этой работе после того, как трахнешься с ним. Ты эмоционально привяжешься к нему и возможно, переспите еще пару раз, если вам это понравится, а потом он уйдет, и ты будешь опустошенной.

И мой рациональный разум в чем-то прав. Это ужасная идея, но его губы уже касаются моих, и отступать уже слишком поздно.

Это мягкое прикосновение, едва ли даже поцелуй, но в тот момент, когда наши губы касаются друг друга, мы проскальзываем в интимное пространство, где существуем только мы, и это так нежно, что я не смею пошевелиться.

Его рука скользит вверх по моей руке, и он наклоняется, чтобы углубить поцелуй, но прежде чем он успевает, звонит телефон.

По сравнению с тишиной, в которой мы находимся, это звучит так, словно прямо рядом с нами стреляет пулемет.

Я задыхаюсь, в порыве отстраняюсь. Я не останавливаюсь, вскакиваю со стула и быстро прохаживаюсь по комнате.

Звонок прекращается, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть, что он отключил звонок. Его глаза устремлены на меня, он наблюдает за мной с беспокойством.

— Шарлотта, — зовет он властным тоном.

— Что не так? Иди сюда, присаживайся.

— Это было глупо с моей стороны. Мне жаль. Я увлеклась. Наверное, это было просто сгоряча, я думаю. Я не знаю...

— Шарлотта, — рявкает он

— Мне нужно идти. Мне очень жаль.

— Не уходи, — зовет он, но я уже в прихожей, хватаю куртку из шкафа и сумочку со скамейки.

Когда я снова оборачиваюсь, он всего в футах от меня.

— Мне действительно жаль. Мне так стыдно. — Мои руки взлетают к лицу, и мои щеки становятся горячими от прикосновения ладоней.

И все это просто выплывает на первый план в моем сознании.

Я поцеловала отца Бо. Своего босса. Отца Бо. Сорокалетнего мужчину.

Его прикосновение к моим запястьям мягкое, когда он убирает мои руки от лица.

— Ты в порядке?

— Нет! — Вскрикиваю я.

— Почему?

— Потому что... — Мои глаза расширяются.

— Потому что мы поцеловались.

— О Боже мой, — вскрикиваю я, снова пытаюсь закрыть лицо.

— Шарлотта, успокойся.

— Мне жаль.

— Перестань извиняться. Ты не сделала ничего плохого. Не уходи. Садитесь.

Он ведет меня в официальную гостиную к передней части дома с большими эркерными окнами, выходящими на тихий район. Его успокаивающая рука снова лежит на моей поясице, и я расслабляюсь, чувствуя себя в безопасности.

Так долго стоит тишина, прежде чем он, наконец, говорит.

— Я думаю, ты была права. Мы просто увлеклись в тот момент, в чем не было твоей вины, но...

В конце его предложения стоит *но*, и я немного боюсь этого. Как бы мне ни была ненавистна мысль о том, чтобы снова поцеловать его, я также вроде как...мне нравится идея снова поцеловать его. Что так, так неправильно. И больше всего я не хочу, чтобы он мне отказал.

Об этом больно даже думать.

Но физически связывать друг с другом — очень плохая идея.

— Я согласна, — заикаюсь я, не в силах встретиться с ним взглядом.

— Я не хочу, чтобы ты уходила вот так. Мне жаль, что так получилось, но если тебе нужно уйти, я пойму.

— Я не хочу уходить. — Внезапно я обнаруживаю, что приклеена к его присутствию, снова жажду этого успокаивающего прикосновения. Одно легкое прикосновение наших губ, и я уже привязана к нему.

Глупая, глупая Шарли.

— Я останусь.

В моей голове звучит хор самоуничужения, бьющего по моему эго.

В любом случае, зачем ты ему понадобилась? Глупая девчонка. Ты действительно пыталась поцеловать Эмерсона Гранта. Красивый миллионер, который мог заполучить кого угодно. Зачем ты ему понадобилась?

Мои глаза устремлены в пол, мои руки беспокойно работают, пока я позволяю словам идти своим чередом, прокручивая в голове, пока я не оказываюсь на грани слез.

И вдруг он касается моего подбородка. И я удивленно поднимаю взгляд, когда он поднимает мой взгляд вверх, пока мы не посмотрим друг на друга.

— Это не потому, что я не хочу тебя. Понимаешь?

Удивительно, как хорошо он читает мои мысли. Хотя он просто старается быть милым. Я торжественно киваю.

Затем его пальцы на мгновение нежно поглаживают мой подбородок, и он, кажется, теряет, уставившись сначала в мои глаза, а затем на губы.

— *Ты такая хорошая девочка, Шарлотта.*

Мои плечи расслабляются, кажется, они тают по бокам, когда я смотрю на него снизу вверх, эти прекрасные слова омывают меня, как теплая вода. Внезапно я становлюсь липкой и уступчивой, как будто одна эта маленькая фраза ввела меня в транс. В таком состоянии он мог буквально сделать со мной все, что угодно.

И я вроде как хочу, чтобы он это сделал.

К сожалению, он отпускает мою хватку и встает.

— Тогда ладно. Давай вернемся к работе и притворимся, что этого никогда не было.
И поскольку я готова на все ради его похвалы, это именно то, что я делаю.

ПРАВИЛО № 12: РАСТИРАНИЕ НОГ — ЭТО СЕКСУАЛЬНО

Эмерсон

Моя ладонь чешется уже несколько дней. При каждом удобном случае я смотрю на линии, которые тянутся от моего запястья к пальцам и обратно, напряженно думая о том, что сказала Шарлотта.

Мне суждена какая-то великая любовь.

Первый день или два я смеялся над этим. Затем эта идея начала оседать у меня в голове. После Мари, матери Бо, я отбросил идею любви. По правде говоря, задолго до этого. У нас были веселые, яркие дни секса и молодости, когда казалось, что вечность возможна, пока у нас не случилась неожиданная беременность и нам не пришлось столкнуться с реальностью и взрослой жизни.

Трудно поверить, что прошло двадцать лет с тех пор как я как следует старался любить. Это было давным-давно, и идея отношений стала казаться скорее хлопотной, чем того стоила.

Итак, что-то в маленьком гадании Шарлотты по ладони изменило ход моих мыслей. И я не могу перестать думать о том, как она выглядела, с приоткрытыми губами и расширенными глазами. Надежда, страх, возбуждение на ее лице. Может быть, и намек на волнение тоже, если быть честным.

Шарлотта оказала на меня впечатление с тех пор, как начала здесь работать. И не в хорошем смысле этого слова. По крайней мере, если я хочу вернуть своего сына и не лезть к ней в штаны. Хотя этот план с каждым днем разваливается все больше и больше. Как она может быть мне полезна, если больше с ним не разговаривает?

Пока она уходит на обед, я достаю свой телефон и снова набираю его номер. Неудивительно, что сообщение переходит на голосовую почту всего после полутора гудков, что означает, что он снова отклонил мой звонок.

И на этот раз я делаю то, чего еще не делал.

— Привет, сынок. Я только что разговаривал с Шарлоттой, э-э... Я имею в виду, Шарли. Я уверен, ты уже знаешь, что она работает на меня. Из нее получается отличная секретарша, и она так много говорит о тебе. Это заставляет меня скучать по тебе. Я надеюсь, с тобой все в порядке. Пожалуйста, позвони мне.

Когда я нажимаю на красную кнопку, я сижу в тишине. В моем голосе звучит такое гребаное отчаяние. Это то, чего он хочет? Чтобы я умолял? Выставить себя перед ним дураком, или это заставит его потерять ко мне уважение?

Мгновение спустя открывается входная дверь, и Шарлотта вносит пакет из гастронома, расположенного дальше по улице.

— На улице было так красиво, что я решила прогуляться. Надеюсь, я не опоздала.

— Ты в порядке, — бормочу я, не поднимая глаз.

Когда я, наконец, поднимаю глаза, то замечаю, что ее щеки ярко-красные, покрасневшие от прохладного ветра.

Она зашла в гастроном пешком? Это почти в полутора милях отсюда. И на улице не очень-то приятно. Сейчас февраль, и всего сорок пять градусов.

— Шарлотта, — холодно рявкаю я, вставая.

— Почему ты не села за руль?

Бросаясь к ней, я беру пакеты и касаюсь ее ледяных рук. Мои коренные зубы скрипят.

Потом я провожу большими пальцами по ее холодным щекам, и она дрожит.

— Я в порядке! — Она отстраняется, но когда я выглядываю в окно, то мельком вижу ее машину, припаркованную рядом с моей, и тяжело вздыхаю.

— С твоей машиной все в порядке?

Она сплывает, пытаясь обойти меня и пройти на кухню, но я преграждаю ей путь. Схватив ее за подбородок, я приподнимаю ее голову, чтобы она посмотрела на меня.

Когда ее плечи опускаются, она сдается.

— Я думаю, это из-за батареи. Я могу вызвать механика, чтобы он подогнал его, так что он не застрянет у тебя на подъездной дорожке, обещаю. Мне жаль.

Все во мне напрягается, когда я думаю о ней, закутанной в пальто от ветра, когда она шла больше сорока пяти минут по холоду, потому что не хотела говорить мне, что ее машина не заводится.

— Почему ты просто не сказала мне?

— Все в порядке, — отвечает она с вымученной улыбкой.

— Шарлотта. — Я беру ее за руку, напоминая себе быть более нежным, чем того требуют мои инстинкты.

Мой внутренний зверь хочет наказать ее за ложь. Мне бы хотелось встряхнуть ее, сжать до боли, возможно, даже посадить к себе на колени.

Нет, ей всего двадцать один, и у нее отец — придурок, который так и не научил ее заводить собственную машину.

Я ослабляю хватку на ее руке, но прижимаю ее к себе.

— Больше так не делай. Если твоя машина не заводится, я хочу, чтобы ты сказала мне, и тогда ты сможешь взять мою машину, понятно?

— Прости, — бормочет она, и разочарование на ее лице причиняет мне боль.

Я не утруждаю себя тем, чтобы говорить ей, что она не сделала ничего, заслуживающего извинений. Вместо этого я грею ее крошечные, холодные ручки в своих больших, теплых ладонях. Она снова дрожит, когда я подношу их ко рту, обдувая ее кожу горячим воздухом.

Она избегает моего взгляда, и я понимаю, что атмосфера между нами снова становится слишком интимной. После ее реакции на один поцелуй на прошлой неделе я должен быть более осторожным. Тот поцелуй был ошибкой, но я поймал себя на том, что увлекся ею.

Слишком легко быть рядом с ней и чувствовать себя так комфортно, но если я позволю себе пойти на это, я пожалею об этом. Она прекрасна, и если бы на ее месте был кто-то другой, я бы без колебаний привел ее в свою спальню, чтобы она почувствовала себя великолепно. Но она не просто кто-то. Она буквально была с моим сыном, и я принесу больше вреда, чем пользы, если переступлю эту черту. Это просто неправильно.

— Давай поедим, — говорю я, отпуская ее руки и ведя в столовую.

Обычно я ем за своим столом во время работы, а она ест здесь одна, но сегодня я чувствую необходимость составить ей компанию.

— Сегодня после работы я могу помочь тебе с машиной.

— Тебе действительно не обязательно это делать, — возражает она, откладывая свой бутерброд.

— Это просто, Шарлотта. На самом деле, нет необходимости вызывать механика.

Она все еще выглядит встревоженной, когда ковыряет свой бутерброд, больше жуя

нижнюю губу, чем еду. И мне приходит в голову, что ей некомфортно, когда кто-то другой делает что-то за нее.

— У тебя, должно быть, болят ноги.

Откусив кусочек бутерброда, она опускает взгляд на свои каблуки.

— Хочешь верь, хочешь нет, но я начинаю к ним привыкать. На самом деле они довольно удобные.

Я снова смотрю на ее ноги, и они кажутся красными и опухшими в ее черных туфлях на шпильках.

Отодвигая остатки своего сэндвича в сторону, я поворачиваюсь к ней.

— Дай мне свои ноги.

— Что? — заикаясь, произносит она с набитым ртом, вытирая губы салфеткой.

— Ты прошла в них три мили, чтобы купить мне ланч. Это меньше, что я могу сделать.

Отодвигая стул, я похлопываю себя по коленям. Не слишком ли это сексуально? Я даже не уверен. Это просто растирание ног, и мне нужно что-то сделать. Я все еще разрываюсь между желанием наказать ее за ложь и заботой о ней за то, что она прошла через это ради меня. Учтывая, что я хочу сделать гораздо больше, чем просто помассировать ей ступни, я думаю, что это довольно банально.

— Серьезно? — спрашивает она, прежде чем завернуть свой бутерброд в пищевую бумагу.

— Серьезно.

Нервно сглотнув, она наблюдает за моим лицом, когда поднимает ко мне правую ногу. Я осторожно снимаю каждый из ее черных каблучков и морщусь от болезненного вида ее прищемленных пальцев.

На ногах у нее прозрачные черные чулки, поэтому я похлопываю ее по ноге и говорю:

— Сними это.

Ее дыхание сбивается когда я поднимаю юбку на пару дюймов. Она расстегивает подвязку на своих чулках, и я мысленно произношу *трахни меня*. Я не знаю, чего я ожидал, но это было не то.

Я должен бы отвести взгляд, когда она расстегивает другую сторону, но эти маленькие бретельки, спрятанные под ее одеждой, сексуальны как грех, а я, в конце концов, всего лишь мужчина.

Мой член твердеет у меня в штанах, и то, что начиналось как невинное растирание ног, чтобы облегчить ее боль и мою совесть, превратилось в чувственное шоу и то, что позже станет для меня тяжелым испытанием с синими яйцами.

Я помогаю ей стянуть колготки с ног и повесить их на спинку стула. Она молчит, закусив губу и наблюдает за моим лицом, когда я начинаю растирать ее бедные избитые ступни.

Она издает стон, пока я массирую, и мне приходится отодвинуть свой растущий член подальше от ее лодыжки, лежащей у меня на коленях.

— Тебе это нравится? — спрашиваю я, вздрагивая, когда слышу, как эти слова срываются с моих губ.

Знаю ли я вообще, как быть несексуальным? По-видимому, нет.

— Да, — тихо отвечает она.

Я наблюдаю, как она расслабленно откидывается на спинку стула. Когда я нежно провожу большими пальцами по ее изгибам, ее голова откидывается назад, и я знаю, что

победил. Это было именно то удовольствие, которое я хотел увидеть, и ничего не получив взамен для себя.

— Отныне снимай обувь, когда приходишь на работу. Не носи это весь день. Хорошо?

— Хорошо, — отвечает она со вздохом.

Переходя на другую ногу, я делаю то же самое, и все в порядке... пока ее правая нога не оказывается слишком близко и не задевает твердую длину моих штанов.

Она напрягается, ее глаза встречаются с моими, и в этот момент я чувствую себя самым большим мерзавцем в мире. Я делал это не для того, чтобы возбудиться. Я делал это, потому что хотел, чтобы ей было хорошо, но даже сейчас это звучит хищно в моем голове.

Я — кадровый кошмар, жаждущего своего часа.

Момент между нами затягивается, пока я держу ее ногу в своей руке, ожидая, что она вскочит со стула и закричит на меня, или уйдет, или даст мне пощечину... потому что, если бы кто-нибудь другой прикоснулся к ней так, как я прикасаюсь к ней сейчас, я бы насадил их гребаную голову на палку.

Но она не делает ничего из этого. Вместо этого, не сводя с меня пристального взгляда, она снова задевает ногой мой член. Или мне это показалось? Нет, она определенно делает это снова, на этот раз с чуть большей силой, и это так чертовски приятно. Я продолжаю массировать ее ногу, в то время как другая упирается в мою ноющую эрекцию, и это определенно уже не так невинно.

— Шарлотта, — шепчу я, но даже я не знаю, что собираюсь сказать.

Я должен сказать ей, чтобы она остановилась и убрала свою ногу.

— Да? — Ее голос хриплый и манящий.

Момент заряжен, сексуален и чертовски опасен.

Прежде чем я успеваю сказать еще хоть слово, на столике рядом с ней звонит ее телефон. Я почти отвожу взгляд, но мои глаза возвращаются к экрану, когда я узнаю имя. Бо.

Она отрывает от меня свои ноги и замирает, держа руку на телефоне. Потом она смотрит на меня.

— Ответь, — приказываю я ей немного чересчур восторженно.

Когда она хватает его и нажимает на зеленую кнопку, я замираю на своем месте. Это из-за сообщения, которое я ему оставил. Я знал, что он свяжется с ней, когда узнает, что она работает на меня. Итак, что теперь?

— Привет, — бормочет она в трубку, проходя через комнату, но не слишком далеко. Я не слышу, что он говорит на другом конце провода, но наблюдаю за языком ее тела. Ее плечи подтягиваются ближе к ушам, а другая рука обхватывает живот, когда она говорит.

— Что?

Она оглядывается на меня в тот самый момент, когда, я уверен, она понимает, что я сказал ему.

— Да, это так. Почему? — Она прикусывает губу и еще больше замыкается в себе.

— Потому что мне нужна была работа, а тут платят лучше, чем на катке.

Напряженная пауза, пока я слышу, как его приглушенный голос продолжает дребезжать.

— Дело не в тебе, — говорит она теперь немного громче. — Нет! Я не... Бо!

Я застываю на своем месте. Она выглядит заметно взволнованной и с каждой секундой становится все более напряженной.

— Нет, я не уйду. Мне нужна эта работа, и как это вообще касается тебя?

Затем она ахает, прежде чем повернуться ко мне.

— Ты ошибаешься, — тихо бормочет она, не сводя глаз с моего лица.

Я не могу больше ждать ни минуты и срываюсь со своего места. Я даже не понимаю, что делаю, когда выхватываю у нее телефон и прижимаю его к уху.

— Бо?

Он замолкает в ту же секунду, как слышит мой голос. Затем он отвечает всего двумя словами.

— Пошел ты.

И линия обрывается.

ПРАВИЛО № 13: ПРИНИМАЙТЕ ИЗМЕНЕНИЯ. ПЕРЕМЕНЫ — ЭТО ХОРОШО

Шарли

Он методично расстегивает рубашку, пока я неловко жду у своей машины. Я не могу оторвать глаз от его толстых, мужественных пальцев, которые продевают каждую крошечную пуговицу в дырочку. Под рубашкой у него белая хлопчатобумажная футболка, которая сидит на нем так плотно, что я могу разглядеть контур его грудных мышц и выступающие соски.

Господи, Шарли. Его соски? Ты смотришь на мужчину...

— Открой для меня капот, — говорит он, и у меня пересыхает во рту.

— Хм?

— Капот, Шарлотта. Мне нужно добраться до батареи.

— О, — запинаясь я, бросаюсь к водительскому сидению, чтобы найти защелку, которую Софи показала мне в прошлый раз, когда нам приходилось это делать.

Он хлопает, и когда я смотрю в окно, то вижу, что Эмерсон полностью снял свою рубашку с длинными рукавами и повесил ее на крышу своей машины. Я ловлю себя на том, что смотрю на его плечи, поражаясь тому, насколько мускулистее он выглядит без рабочей одежды, пока он не откидывает капот, загораживая мне обзор.

Он такой... простите за клише... мужчина. Не совсем папа, но все же настолько старше меня, что мне странно даже смотреть на него в таком состоянии. И подумать только, я поцеловала его.

А пару часов назад я терлась ногой о его впечатляющую эрекцию, пока он массировал мои ступни.

Боже, что происходит?

Все это выходит из-под контроля, но я почти не хочу, чтобы это прекращалось.

Мне приходится встать, чтобы снова увидеть его, и я знаю, что он чувствует, что я наблюдаю. Мое любопытство становится моей самой большой ошибкой, заставляя меня хотеть делать вещи, которые, я знаю, я не должна делать этого, но как я могу устоять?

И он просто заряжает мой аккумулятор, не то что это очень сложно, но наблюдение за тем, как он подсоединяет эти соединительные кабели, что-то делает с моим сердцебиением. Тепло разливается внизу моего живота, когда я представляю, как провожу руками по его груди и прессу.

— Ладно, заводи, — рывкает он из передней части машины.

Когда я поворачиваю ключ в замке зажигания, он заикается еще на мгновение, что намного больше, чем сегодня утром. И через мгновение оно оживает.

— Успех! — кричу я, подняв руки.

Он с любопытством приподнимает брови, прежде чем отсоединить кабели от аккумулятора и закрыть капот.

Когда я подхожу, чтобы поблагодарить его, он преграждает мне путь, протягивая черную кредитную карточку.

— Тебе нужна новая батарейка. И тебе нужно будет подобрать платье для открытия на следующей неделе. Что-нибудь подходящее к моему синему смокингу.

Я смотрю с открытым ртом на кредитную карточку.

— Я не могу это взять.

— Ты можешь, — отвечает он так обыденно, как будто у меня нет выбора.

— Зачем тебе покупать мне новую батарейку?

— Меня так и подмывает купить тебе новую машину.

— Эмерсон, — говорю я, свирепо глядя на него.

— Мне нужно иметь возможность рассчитывать на то, что ты придешь на работу, а это значит, что тебе нужен надежный автомобиль для твоей работы. И это платье тоже для корпоративного мероприятия, так что просто возьми его. Никаких ограничений по расходам.

— Эмерсон!

Я смотрю на него снизу вверх, когда он опирается на дверцу моей машины. Выражение его лица говорит о том, что он хотел бы поставить меня на место за то, что я наорала на него, и я позволяю своим грязным мыслям блуждать, гадая, как именно это будет выглядеть.

Есть что-то в кредитной карте, что заставляет меня чувствовать, что это как-то связано со звонком Бо. Как будто это его способ извиниться или загладить свою вину передо мной, поскольку я знаю, что он, должно быть, рассказал Бо о том, что я здесь работаю.

Мне не следовало бы это принимать. Я до сих пор понятия не имею, почему его сын с ним не разговаривает. Это лишь в минимальной степени похоже на мое дело, и у меня не хватает смелости спросить, боясь расстроить Эмерсона еще больше. И, честно говоря, услышав, как Бо ругает меня за то, что я устроилась на работу к его отцу, и буквально обвинял меня в том, что я с ним сплю, я действительно испортила себе настроение после обеда. Не говоря уже о том, чтобы прекратить этот чертовски горячий массаж ног, который я как раз собирался получить.

Ты что, трахаешься с ним? Он трахает своих секретарш, Шарли. Ты думаешь, что знаешь его, но понятия не имеешь кто он. Он болен.

Я должна была убедиться, что Эмерсон не услышал последнюю часть, чего, я думаю, он и не слышал. Я хотела сказать Бо, что знаю все о компании и об истории его отца с секретаршами, но было слишком странно пытаться обсуждать это в присутствии Эмерсона.

Я медленно смыкаю пальцы вокруг карточки.

— Ты уверен? Я могу позволить себе починить это сама.

— Я тоже могу.

Я поджимаю губы, глядя на него, но все равно беру карточку.

Опустив взгляд на свои колени, мы некоторое время стоим в тишине, прежде чем я тихо бормочу:

— Мне жаль, что сегодня позвонил Бо. Я не ожидала, что он будет так зол.

— Все в порядке. Очевидно, что он заботится о тебе. Если тебе неудобно работать...

Я вскидываю голову и в шоке смотрю на него.

— Мне совершенно комфортно. Я не уйду из-за Бо.

Ладно, может быть, мне и не нужно было так говорить, но думать о том, чтобы отказаться от такой хорошо оплачиваемой работы в среде, которая мне нравится, нелепо. Меня злит одна мысль об этом.

— Хорошо. — Его глаза расфокусированы, он смотрит вдаль, явно о многом размышляя.

— Тебе не некомфортно, что я здесь, не так ли?

Он колеблется, и мое сердце замирает.

Его глаза слегка прищуриваются, и я могу сказать, что он не очень быстро отвечает по какой-то причине. Ему здесь со мной неудобно.

Блять.

— Не из-за Бо, нет.

Что это значит? Это значит, что я действительно причиняю ему какой-то дискомфорт, но не по отношению к его сыну.

— Ты чувствуешь себя некомфортно, когда я здесь? — спрашивает он, повторяя мой вопрос.

И вдруг это трение ног, о котором мы не говорили, встает между нами, как гигантский, неизбежный слон. Я думаю, Эмерсон спрашивает, не переступает ли черту его возбуждение вокруг меня или влечение его ко мне.

— Нет, — отвечаю я без колебаний. Что и есть правда. И это заставляет меня хотеть узнать гораздо больше, например, хотел ли он, чтобы массаж ног стал таким сексуальным, или действительно ли он хочет меня так же, как я хочу его.

Прежде чем я успеваю задать еще один вопрос, он говорит:

— Веди машину осторожно, Шарлотта.

Затем я смотрю, как он уходит, его белая футболка натянута на мускулистой спине, и мне кажется, что без него рядом со мной становится немного холоднее.

— Что мы опять будем покупать? — Софи скулит, когда мы входим в универмаг торгового центра.

— Мне нужно платье для открытия клуба на следующей неделе.

— Что это за клуб? — спрашивает она.

— Э-э... как танцевальный клуб, — неловко отвечаю я, когда мы направляемся в официальную секцию.

Я уже обескуражила выбор, ничего, кроме расшитых блестками выпускных платьев и платьев в стиле матери невесты. Совсем не то, чего я хочу.

— Как танцевальный клуб или настоящий танцевальный клуб?

— Перестань задавать вопросы.

Она плетется за мной в своих рваных джинсах и черно-желтой футболке *Nirvana*. Обычно пятничные вечера мы проводим на катке, и я не хочу упускать шанс пообщаться с ней, поэтому я решила, что она будет хорошей подругой по магазинам.

— Но у меня их так много! Например, где ты нашла эту новую работу? Почему это требует от тебя одеваться как дорогой эскорт? И с каких это пор ты ходишь в танцевальные клубы?

— С тех пор, как мне начали платить. И я нашла работу через Бо, и это не требует, чтобы я одевалась так, как я это делаю. Я сам этого хочу.

— Ну, ты никогда раньше этого не делала, так что мне стало любопытно... — Она не смотрит мне в глаза, и я чувствую, что от нее волнами исходит нечто большее, чем осуждение.

Я думаю, это беспокойство.

Я почти потеряла надежду найти здесь что-нибудь, поэтому поворачиваюсь к Софи и спрашиваю то, что мне до смерти хотелось узнать за последние три недели.

— Я кажусь счастливой?

Она спросила меня о том же самом два года назад, когда открылась мне, раскрыв свой единственный секрет и всю свою неуверенность. В то время она казалась совсем не счастливой, и я поняла, что что-то происходит, что побудило меня вынудить от нее

информацию. Я до смерти испугалась за нее, поэтому мы заключили договор. Всякий раз, когда нам нужно поболтать, мы спрашиваем, *Я кажусь счастливой?*

И мы друг с другом должны быть честны.

Когда ей прокололи уши, она спросила меня.

Когда я начала встречаться с Бо, я спросила ее.

И когда она перекрасила волосы в голубой цвет и впервые нарядилась, она спросила снова.

Она, кажется, немного удивлена моим вопросом, и, возможно, она думает, что я спрашиваю из-за Бо, а не из-за новой работы, но она мгновение оглядывает меня с ног до головы, как будто изучает в поисках признаков.

— Да... но.

— Что но?

Ее лицо немного вытягивается, и она отводит глаза.

— Ты меняешься, вот и все.

Неужели? Я не чувствую, что изменилась, и, кроме одежды, нет ничего, что действительно ощущалось бы по-другому.

Потом я снова думаю о тронном зале. И что Эмерсон сказал о желаниях и о том, насколько они нормальны. И поцелуй, и поглаживание ног, и я понимаю, что то, как я думала всю свою жизнь, изменилось.

О некоторых вещах, о которых мне не очень удобно говорить со своей младшей сестрой, я думаю, что нахожусь в эпицентре серьезных перемен. Превращаюсь в то, чего я всегда хотела, но никогда не чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы попросить об этом.

Сексуальной. Сексуальной.

Как будто я стою у руля своего собственного опыта. Как будто я могу дотянуться до всего, что заставляет меня чувствовать себя хорошо, без стыда или смущения. Бо никогда не заставлял меня чувствовать себя так. Секс с ним был хорош, но всегда на его условиях. С тех пор я даже не прикасалась ни к одному мужчине, не считая того поцелуя, и я чувствую, что все изменилось.

Я просто не понимала, что это проявляется и снаружи.

— Эй, перемены — это хорошо, — говорю я, с улыбкой наклоняя к ней голову.

— Перемены пугают, — отвечает она, уставившись на свои туфли.

Мое сердце замирает.

— О, маленький смурфик.

Я обнимаю ее, целуя в макушку. Я знаю, о чем она думает, что наш отец ушел, потому что не смог справиться с переменами. Что вся ее жизнь меняется каждый день, и последний человек, которого она хочет потерять, — это я.

Но эта перемена во мне не пугает, по крайней мере, меня. Это захватывающе. Потому что я чувствую, что нахожусь на пороге чего-то огромного, и мне не терпится увидеть, что это такое.

ПРАВИЛО № 14: КОГДА СОМНЕВАЕШЬСЯ, ТАНЦУЙ

Шарли

Эмерсон: Я заеду за тобой в восемь.

Шарли: Звучит заманчиво. Спасибо.

Я собралась слишком рано. Может быть, я была просто взволнована, или нетерпелива, или что-то в этом роде, но я стою перед домом своей матери в мерцающем сапфирово-золотом платье до пола с семи сорока пяти.

Мы с мамой вместе сделали маникюр, и Софи помогла мне завить волосы. Я не помню, когда в последний раз так наряжалась, и я не понимаю, почему в моем животе порхают бабочки.

Но когда подъезжает его машина, окна слишком тонированные, чтобы разглядеть его лицо. Я немного удивлена, что он за рулем. Я думала, что владельцев бизнеса-миллионеров возят лысые, накачанные водители в черных костюмах, или, может быть, я прочитала слишком много книг Софи.

Когда дверь открывается, и он выходит, обходя машину, чтобы открыть мне дверцу, у меня чуть не перехватывает дыхание. Эмерсон всегда выглядит красивым, но в этом атласном синем костюме он выглядит так хорошо, что у меня болят глаза. Его темно-каштановые волосы зачесаны назад, а борода подстрижена до совершенства.

Я все время забываю, что он достаточно взрослый, чтобы годиться мне в отцы, особенно когда он так хорошо выглядит.

Его взгляд, кажется, задерживается на мне так же долго, как мой — на нем.

— Шарлотта, — тихо говорит он, приближаясь ко мне.

— Привет, — неловко бормочу я.

— Ты выглядишь... восхитительно.

Есть что-то в его тоне, в том, как он спотыкается о свои слова и добавляет так, как будто говоря, что я просто выгляжу восхитительно, недостаточно. Это говорит мне о том, что он расточает комплименты не просто из вежливости. Он выглядит почти потрясенным, когда его взгляд скользит по моему телу.

— Спасибо, — бормочу я.

Затем его взгляд поднимается к моему дому и обратно возвращается ко мне.

— Моя мама сегодня работает в ночную смену, а Софи на вечеринке с ночевкой, иначе я бы познакомила тебя со своей семьей.

— У тебя хороший дом, — отвечает он, и я хихикаю над ним.

Это двухэтажный дом тридцатилетней давности. Траву нужно подстричь, и отсюда я вижу запотевшие окна. Тем не менее, приятно слышать, что он называет это прекрасным, потому что это прекрасно для меня. Хотя это и близко не так модно, как у него.

— Вообще-то, я живу в гостевом домике сзади.

Я указываю на боковые ворота, которыми пользуюсь, чтобы попасть в дом рядом с бассейном. Это было большое дело, когда мы купили дом, и я почти уверена, что мой отец считал себя крутым парнем, потому что в его доме был бассейн.

— Готова? — Он открывает передо мной пассажирскую дверь и приглашает внутрь.

Как только мы остаемся одни в машине, я чувствую запах его одеколona, более сильный,

чем его обычный аромат.

Он кажется напряженным, пока мы едем, костяшки его пальцев на руле побелели.

— Нервничаешь? — Спрашиваю я.

Эмерсон на удивление хорошо справляется со стрессом. Последние несколько недель он был занят, но не выказал ни капли беспокойства по поводу открытия клуба.

— По поводу открытия?

— Не совсем. У меня отличная команда. Они хорошо со всем справились.

— Ты хорошо умеешь делегировать, — отвечаю я, и этот комплимент, кажется, немного успокаивает его нервы.

Но если он не беспокоится об открытии, то в чем его проблема?

Мы болтаем о пустяках всю оставшуюся дорогу, и когда мы подъезжаем к входу, снаружи нет ни души, кроме двух парковщиков, ожидающих нас.

Один из них открывает мне дверь, и я жду, пока Эмерсон обойдет машину и встанет рядом со мной. Он выставляет локоть, и я нервно смотрю на него, прежде чем взять его под руку.

— Не волнуйся, я тебя защищу, — говорю я.

— Защитишь меня? — Морщинка между его бровями вернулась, но и улыбка тоже.

— О, да. Это то, для чего я здесь, помнишь?

— О, это верно. Я забыл. — Затем он наклоняется, пока его губы не касаются мочки моего уха.

— Я думал, ты здесь как моя пара.

Мои губы приоткрываются, и я снова смотрю на него.

С тех пор, как пару недель назад мы растерли ноги, между нами больше не было никаких инцидентов, и я признаю, это было мучительно. Каждый день я прихожу на работу в надежде, что он коснется рукой моей поясницы или наклонится достаточно близко, читая через мое плечо, чтобы я могла почувствовать его дыхание на своей шее. Мое легкое любопытство и едва уловимая влюбленность превратились в полномасштабное увлечение, и я с нетерпением ждала сегодняшнего вечера в течение нескольких недель.

Я сжимаю его руку, когда мы направляемся к двери. Как раз перед тем, как протянуть руку, чтобы открыть его, он добавляет с лукавой улыбкой:

— Кроме того, в этом платье ты будешь той, кого нужно защищать.

На моих щеках появляется румянец, и я крепче сжимаю его руку.

Снаружи так тихо, но в ту секунду, когда мы проходим через парадные двери, все меняется.

В вестибюле темно, над стойкой регистрации горят тусклые красные лампочки, а громкая музыка эхом разносится по всему зданию. Люди толпятся по краям зала, все одеты в вечерние платья и смокинги. Участники вечеринки замолкают, узнав Эмерсона, и я прижимаюсь к нему еще теснее, как будто действительно могу защитить его от любого, кто может захотеть его украсть.

Он кивает женщине за стойкой, и она тепло приветствует его:

— Добрый вечер, мистер Грант.

Я улыбаюсь ей, когда мы проходим мимо.

Тяжелая черная занавеска отделяет вестибюль от главной комнаты, и Эмерсон придерживает ее для меня. Здесь не так многолюдно, как я ожидала, но, думаю, это то, чего мне следовало ожидать в таком эксклюзивном клубе.

— О Боже мой, Эмерсон... Это потрясающе, — говорю я, поднося руку к губам.

Вокруг бара толпа людей, а в передней части зала на сцене играет ди-джей. Танцоры кружатся вокруг шестов, и довольно много людей танцуют в центре танцпола. Все отдельные комнаты открыты, и это заставляет меня задуматься, действительно ли люди будут заниматься там сексом сегодня вечером. Это вообще законно?

Я имею в виду... это ничем не отличается от гостиничного номера, верно?

В задней части находится коридор, где я нашла тронный зал, но у двери стоит вышибал, а красная веревка не пускает людей. Это зловеще, без вывески, сообщающей людям, что находится дальше по коридору, хотя я знаю: комнаты с окнами и множеством возможностей воплотить в жизнь свои самые смелые фантазии.

— Эмерсон! — раздается голос из бара.

Мы оба оборачиваемся и видим Гаррета, направляющегося в нашу сторону. Когда его взгляд падает на меня, он делает двойной дубль. Даже пожимая руку Эмерсону, он продолжает смотреть на меня. Затем, он указывая на меня и говорит:

— Шарлотта?

— Неужели я настолько неузнаваема в платье?

— Ты прекрасно выглядишь, — говорит он, беря мою руку в свою и поднося к губам.

— Хватит, — рявкает Эмерсон, отстраняя меня. Мы с Гарретом смеемся в унисон.

— Хочешь выпить? — спрашивает Гаррет, когда мимо проходит официант с бокалами шампанского.

Он хватается за три и вручает по одному каждому из нас. Пока я потягиваю шампанское, мужчины болтают об открытии. Я отключаюсь от них, позволяя своим глазам просканировать темную комнату. Сначала все выглядело нормально, но по мере того, как мои глаза привыкают, я замечаю определенные вещи.

Как женщина, держащая поводок, который привязан к шее мужчины без рубашки рядом с ней.

Люди просматривают открытые залы так, как будто выбирают свои любимые.

И группа очень богатых на вид мужчин, сидящих за одним из столов, пока кто-то раздает карты.

Мой взгляд также зацепляется за девушку, стоящую на коленях рядом с одним из мужчин, играющих в азартные игры. Он гладит ее по волосам, глядя на карты в своей руке. Она выглядит такой довольной, на ее лице застыла ленивая улыбка, когда она прижимается щекой к его ноге.

Я не могу оторвать от нее глаз, думая о том дне в кабинете Эмерсона, когда он сказал мне встать на колени.

Это то, что он делает со своими девушками? Гладит ли он их по головам, как собак?

Почему это вызывает у меня отвращение в теории? Но, видя, как он с любовью гладит ее по голове... это кажется почти романтичным.

Мой взгляд натывается на пару темных, зловещих глаз, наблюдающих за мной с другого конца комнаты, отвлекая мои мысли от женщины, стоящей на коленях. Это пожилой мужчина, вероятно, ему под пятьдесят, и в нем есть что-то странно знакомое, но не в том смысле, в каком моя память может его припомнить.

Легкий страх охватывает меня при мысли, что он может быть кем-то из моей обычной жизни...

— Можно мне пригласить тебя на этот танец? — Шепчет Эмерсон, обнимая меня за

талию и крадя мои мысли.

Я едва заметила, что музыка сменилась из знойного, на медленный танцевальный ритм. Пары, разбросанные по полу, прижимаются друг к другу, и я сглатываю, глядя на Эмерсона. Должно быть, он чувствует мое беспокойство, потому что наклоняется и добавляет:

— Это не электрическая горка, но я думаю, ты справишься с этим.

С моих губ срывается смешок. Черт, шампанское уже подействовало. Я такая легковесная.

Следующее, что я запоминаю, это то, что я наэлектризованно, просовываю свою руку в его и позволяю ему затащить меня на танцпол. На мгновение я задумываюсь, не смотрят ли люди на нас и не думают ли, что он слишком стар для меня.

Затем я понимаю, что в этом месте на самом деле нет ничего слишком запретного или неприемлемого. Неудивительно, что люди чувствуют себя здесь комфортно. Это освобождает.

— Расслабься, Шарлотта, — бормочет он, его глубокий голос проникает в мою кровь и заставляет меня мгновенно растаять в его объятиях.

Его широкие руки обхватывают меня, когда его рука скользит по моей заднице, притягивая меня так близко, что я чувствую биение его сердца в груди. Такое чувство, что Эмерсон оберегает меня, прижимая к своему телу, и хотя меня не от чего защищаться, мне нравится, что я при этом чувствую.

Наши тела двигаются вместе в такт музыке. Каждый раз, когда я поднимаю на него глаза, наши лица так близко, что мы почти целуемся, но как бы мне ни хотелось ощутить губы Эмерсона на своих, я не уверена, что это действительно то, что он хочет со мной сделать, поэтому я продолжаю смотреть в разные места в комнате, где я снова ловлю себя на том, что смотрю на женщину, стоящую на коленях.

— На что ты смотришь? — Шепчет он мне на ухо, и я прикусываю губу и отворачиваюсь.

— Ничего, — бормочу я.

— Лгунья, — поддразнивает он.

— Хорошо. — Я поднимаю на него глаза.

— Это то, что ты делаешь с другими своими секретаршами? Гладишь их, пока они стоят на коленях у твоих ног?

Мой взгляд скользит по коленопреклоненной женщине, и я вижу, как Эмерсон бросает взгляд в ее сторону. Нежная улыбка приподнимает уголки его губ.

Он не колеблется.

— Иногда.

Дрожь возбуждения пробегает по моим венам.

Так странно представлять Эмерсона в этой роли. Мне невыносимо представлять другую женщину у его ног, поэтому я представляю, каково это — вот так смотреть на него снизу вверх. Чувствовать, как он касается моей головы таким любящим жестом.

Думать о нем таким образом, играющим такую доминирующую, командирскую роль... которая, как он утверждает, не является сексуальной по своей сути — это все еще возбуждает меня.

Мгновение мы пристально смотрим друг на друга, пока я обдумываю, как сформулировать следующий вопрос.

— Ты бы хотел, чтобы у тебя сейчас была такая секретарша?

Я не могу прямо спросить: — *Ты хочешь, чтобы я была такой для тебя?* Потому что мы уже установили, что это неуместно и не может быть и речи — каким бы любопытной я ни была.

Но я немного беспокоюсь, что он предпочел бы мне такую девушку. *Что я... недостаточна для него.*

Эта мысль действительно причиняет мне боль.

Он наклоняется, и мне приходится закрыть глаза, потому что я ошеломлена тем, насколько он близок к тому, чтобы поцеловать меня.

Он действительно пытается убить меня?

— Ты же знаешь, что на самом деле они не были моими секретаршами, верно? Или, по крайней мере, они были не очень хорошими. *Не так хороши, как ты.*

Я выдавливаю из себя тихий смешок, пытаюсь сохранить самообладание из-за его близости.

— Жаль, что нельзя получить лучшее из обоих миров. — Я смеряю его взглядом, который говорит о многом. — Хорошая секретарша, которая является и хорошей сабай.

Его улыбка исчезает, когда он смотрит в ответ, его взгляд скользит вниз от моих глаз к моему рту. Когда его рука скользит по моей пояснице, он притягивает меня к своему твердому телу еще ближе.

— Да...очень жаль.

ПРАВИЛО № 15: В СЕКС-КЛУБЕ ПЯЛИТЬСЯ — ЭТО НОРМАЛЬНО

Шарли

Следующий час или около того я провожу рядом с Эмерсоном. Куда бы я ни попыталась двинуться, он всегда рядом, ободряюще кладет руку мне на поясницу и никогда не упускает шанса представить меня. Он представляет меня как свою спутницу, а не как секретаршу, с выражением гордости на лице.

И после двух бокалов шампанского я сияю. Каждые несколько мгновений он проверяет меня, позволяя своим глазам задержаться на моем лице, позволяя им задержаться на мгновение, прежде чем притянуть меня ближе.

Это нормально? Чтобы он относился ко мне больше чем к рабочему свиданию, как настоящему свиданию? Я больше не знаю, что нормально, а что нет.

Я снова замечаю строителя, того самого, который приставал ко мне на глазах у Эмерсона и так вывел его из себя.

Я едва узнаю его в смокинге, но эта улыбка выдает его с головой. Он флиртует с женщиной в баре, и, судя по всему, эти двое снимут номер в любой момент.

Эмерсон знакомит меня с остальными владельцами. Хантер и его красивая жена Изабель. Я снова вижу Мэгги, но она, кажется, не может расслабиться и беспокоится обо всем на свете, пока Гаррет и Эмерсон практически насильно не запихивают шампанское ей в глотку.

Пока они все разговаривают, я остаюсь рядом с Эмерсоном, но мой взгляд продолжает блуждать по комнате. Я не раз замечала людей, идущих по темному коридору. Вышибал поднимает для них веревку, прежде чем они исчезают в темноте. Есть еще один черный занавес, скрывающий то, что находится за ним.

Мое любопытство практически убивает меня. Поэтому, когда Эмерсон начинает разговаривать с богачом за покерным столом, больше не в сопровождении коленопреклоненной женщины, я извиняюсь и иду в туалет. Я растворяюсь в толпе и небрежно направляюсь к коридору. Быть свободным от Эмерсона — это одновременно и освобождение, и ужас. Я чувствую себя самозванкой в мире, куда я не вписываюсь. Мне здесь не место, и это написано у меня на лице.

Взгляды задерживаются на мне, когда я прохожу мимо. Они могут сказать, что я мошенница.

Когда я добираюсь до красной веревки и черного занавеса запретного коридора, вышибал молча смотрит на меня.

— Эм... — Здесь так громко, что он, наверное, даже не слышит меня.

— Уборная? — Спрашиваю я.

Я достаточно хорошо знаю, что уборная находится не здесь, а внизу. Он хмурит брови, глядя на меня, и я чуть не умираю от смущения.

Я собираюсь заползти обратно в толпу и попытаться убедить свой мозг, что это произошло не просто так, когда вышибал на секунду поднимает взгляд и кивает кому-то в другом конце зала. У меня едва хватает мгновения, чтобы обернуться и посмотреть, когда он поднимает красную веревку, и предвкушение заставляет кровь полностью отхлынуть от моего тела.

Мне кажется, что я стою там больше часа и удивленно таращусь на него. Хотя, вероятно, это всего лишь миллисекунда. Прежде чем он успевает передумать, я выхожу за занавеску и вхожу в темный, зловещий коридор.

Он кажется длиннее, чем я помню, но, вероятно, это иллюзия из-за недостатка света. Здесь нет толпы, но несколько человек задерживаются вдоль стен, и, в отличие от главного зала, никто на меня не смотрит. Они держатся друг от друга, и ни одна голова не поворачивается в мою сторону. Мягкий свет льется из больших окон по обе стороны, и моему мозгу требуется несколько мгновений, чтобы осознать, что люди, собравшиеся в коридоре, не смотрят на меня, потому что они заняты... друг другом.

Я не смотрю достаточно долго, чтобы по-настоящему увидеть, что они делают. Один мужчина прижимает женщину лицом к стеклу, в то время как он медленно прижимается к ней сзади.

Стараясь сделать себя как можно незаметнее, я крадусь в темные углы, пытаюсь не выглядеть как сталкер. Медленно двигаясь по коридору, мое сердце буквально колотится в груди так сильно, что я чувствую его в ушах.

Что я здесь делаю? Это безумие.

Но мое любопытство слишком упрямо, и я зашла так далеко.

Медленными шагами я продвигаюсь дальше по коридору. Первое окно открыто в комнату, в которой слишком темно, чтобы что-либо увидеть. Это тусклый синий свет, и с другой стороны есть движение — быстрое, бьющееся движение кого-то...

Мое горло сжимается, когда я отвожу взгляд, а затем снова возвращаю.

Мои бедра начинают пылать.

Но я не останавливаюсь, поворачивая голову в другую сторону, где женщину втискивает в окно. Я слышу нежный гул мужского голоса, когда он шепчет ей на ухо. Я могу только представить, что он говорит... и от этих грязных мыслей мне становится только жарче.

За окном находится что-то похожее на красную комнату, внутри которой никого нет. На стене висит много вещей, многим вещам я даже не могу дать названия; *Думаю, кнуты, весла, наручники...* все в этом роде.

Не в моем вкусе, поэтому я продолжаю идти.

Я прохожу мимо пары, стоящей посреди комнаты и хихикающей друг с другом, наслаждаясь видом. Женщина улыбается мне, а мужчина здоровается так, что я иду немного быстрее.

Я вежливо киваю и иду дальше.

Комната на противоположной стороне закрыта черной занавеской, сквозь которую пробиваются клочки света. Так что люди, которые хотят пользоваться комнатами, не будучи эксгибиционистами, могут это сделать. На самом деле, это немного разочаровывает.

Серьезно, кто я такая?

Когда я дохожу до тронного зала, где я когда-то сидела до того, как он был закончен, я останавливаюсь. В нем есть люди.

Три человека, если только я не упускаю одного. Изнутри он тускло освещен, этого достаточно, чтобы разглядеть расплывчатые фигуры и движение, но недостаточно, чтобы распознать лица. Затем я понимаю, что это означает, что мы можем видеть их, но на самом деле они не могут видеть нас.

Мой взгляд все еще перебегает с темного коридора на людей в комнате, потому что, хотя я знаю, что она создана для наблюдения, мне кажется странным и неправильным

просто продолжать пялиться.

Кроме того, возникает неловкое ощущение возбуждения... на публике.

Мои тонкие хлопчатобумажные стринги сейчас промокли, и от каждого трения при ходьбе у меня по спине пробегают искры. Такое сильное желание прикоснуться к себе, чего я, очевидно, не собираюсь делать.

Не потому, что это было бы здесь неуместно, я имею в виду... оглянитесь вокруг.

Но я просто не могу. Я не мог. Нет. Это слишком странно.

И все же я останавливаюсь у тронного зала и заставляю себя посмотреть. Я не знаю, что делать со своими руками, пока стою здесь и смотрю, поэтому сцепляю руки на талии.

На гигантском троне сидит женщина, а другая стоит перед ней на коленях — точно так, как Гаррет проиллюстрировал для меня. Она определенно делает то, что я думаю, уткнувшись лицом между ног другой женщины.

У меня пересыхает во рту. Мне кажется таким неправильным наблюдать за этим, но я не могу отвести взгляд.

Рядом с тронном кто-то стоит, но я не могу толком разобрать, женщина это или мужчина. Они просто глядят женщину в кресле по плечам и голове. Каждые несколько мгновений женщина закрывает лицо руками и хихикает так громко, что я могу разобрать это сквозь звуки музыки в главном зале. Она выглядит почти в эйфории, полна улыбок и стонов, мечущаяся взад-вперед между смущением и удовольствием.

Напряжение между моими ногами стало болезненным, и я чувствую, что начинаю потеть.

Я сжимаю бедра вместе, на мгновение задумываясь, смогу ли я заставить себя кончить, вообще не прикасаясь к себе. Мои бедра слегка трутся друг о друга, и это все равно что пытаться почесать зудящую кожу через три слоя шерсти.

— Развлекаешься?

Я выдыхаю и двигаюсь, чтобы отпрыгнуть, но сильная рука обхватывает меня за талию, притягивая к своему телу, его губы рядом с моим ухом.

— Расслабься, Шарлотта.

— Ты напугал меня.

— Ты кажешься немного нервной, — отвечает Эмерсон с дразнящей ухмылкой.

Я чувствую себя так, словно меня застучали за мастурбацией или просмотром порно. Стыд захлестывает меня, как будто меня окатили ледяной водой.

— Я не думаю, что мне следует вновь возвращаться сюда, — шепчу я, не поворачиваясь к нему.

Он удерживает меня на месте, так что мы оба наблюдаем за сексом втроем в тронном зале.

— Тебя бы здесь не было, если бы тебе не разрешили. Я надеялся, что ты найдете эту комнату.

Поэтому он дал знак вышибалу, чтобы тот впустил меня. Я так и думала, но мне любопытно, почему? В прошлый раз, когда мы были здесь, Эмерсон не хотел, чтобы я вела такой образ жизни, но теперь мне кажется, что он подталкивает меня к этому.

— На это так странно смотреть, — шепчу я.

— Они хотят, чтобы ты посмотрела. — Его глубокий, бархатный голос снова согревает меня.

Мгновение мы стоим в тишине, наблюдая за представлением в тронном зале, мое тело

все еще гудит от возбуждения.

— Здесь тебя никто не увидит, Шарлотта. Разве это не освобождает? Знать, что ты можешь делать все, что захочешь.

Мои губы приоткрываются, и я пытаюсь сделать вдох, хотя мне кажется, что моя грудь весит тонну. Мое тело превратилось в бомбу замедленного действия, готовую взорваться, и я хочу кричать от этой потребности, которую чувствую.

Тело Эмерсона крепко прижимается к моему, и он все еще держит меня за талию. В темной комнате мужчина переместился к передней части трона вместе с дамами. Он наклоняется и целует коленопреклоненную женщину. Затем он продолжает двигаться, пока не оказывается у нее за спиной.

Едва слышный вздох срывается с моих губ, когда я понимаю, что он делает: Задирает ее платье и расстегивает свои брюки. И затем даже в темноте можно безошибочно различить движение его бедер, когда он входит в нее.

Я отворачиваю голову, пытаюсь отвести взгляд. Но сильная рука мягко берет меня за подбородок, поворачивая мою голову обратно к окну.

— Наблюдай за ними. Ты же знаешь, что хочешь этого.

Я действительно этого хочу. Но боль у меня между ног почти невыносима. Мои колени начинают подгибаться, и Эмерсон прижимает меня крепче.

— Что не так? — Шепчет он мне на ухо.

— Ничего, — бормочу я, заставляя свой голос оставаться ровным.

— Ты можешь потрогать себя здесь, Шарлотта. Тебя никто не увидит.

— Нет, — огрызаюсь я. — Я не могу.

Мои бедра двигаются, и я чувствую что-то твердое у поясницы. Когда я провожу пальцами по всей его длине, он стонет и сжимает меня сильнее, вдавливая бедра в меня.

Я делаю резкий вдох, мое зрение становится расплывчатым. Он твердый.

Эмерсон возбужден, и он трется об меня своей эрекцией.

— Ты чувствуешь это? — Шепчет он.

— Вот что ты со мной делаешь.

Я? Не демонстрация секса повсюду вокруг нас? Крики оргазма и звуки соприкасающихся тел?

Знание того, какой эффект я оказываю на него, заставляет меня слегка отодвинуть бедра назад, и он отвечает рычанием мне на ухо.

Может быть, потому, что здесь темно, или потому, что так уж устроен его бизнес, но в этом нет ничего плохого. Это кажется... правильным. Мы не переходим черту... просто делимся опытом. Это естественно и нормальное явление, и мне не стыдно.

Его рука скользит вниз по моей руке, пока он не ловит мои пальцы в своей ладони, и я сбита с толку тем, что он делает, пока другая рука не поднимает мое платье, задирая его, пока я не обнажаюсь. Я едва могу дышать или думать, когда он ведет мою руку к трусикам.

— Потрогай себя, Шарлотта.

С моих губ срывается всхлип. Я сопротивляюсь, пытаюсь отдернуть руку, но он не отпускает меня. Когда мои пальцы дотрагиваются до клитора, даже через хлопчатобумажные стринги, удовольствие пронизывает меня насквозь. В этот момент я не смогла бы оторвать их, даже если бы попыталась.

— Все в порядке. Тебе не должно быть стыдно.

Его губы касаются моего уха, и я расслабляюсь рядом с ним, позволяя своей голове

откинуться ему на плечо, когда он сдвигает мои трусики в сторону и прижимает мои пальцы к клитору. Я даже больше не утруждаю себя борьбой.

Мужчина в тронном зале набрал скорость, врезаясь в коленопреклоненную женщину в устойчивом ритме. Теперь слышны их стоны и крики, и это только подталкивает меня все глубже и глубже в этом постоянном потоке к моей кульминации.

— Вот и все, Шарлотта. Хорошая девочка.

Его слова подстегивают меня, посылая молнии по моему телу. Мои собственные пальцы потирают мой клитор быстрыми круговыми движениями, и это так приятно, это облегчение. Рука Эмерсона лежит поверх моей, но он не прикасается ко мне. Вместо этого он сжимает мое бедро одной рукой и прижимается своей эрекцией к моему заду.

Любые мысли о том, что это неуместно, находятся далеко отсюда — за пределами этого момента и этого темного коридора. Потому что прямо сейчас я хочу только одного, и это должно произойти. Меня даже не волнует, что это публично.

— Ты такая чертовски красивая. Заставь себя кончить, детка.

И его слова не умолкают, подобно реке похвал, я несусь вниз, направляясь прямо к обрыву. Мои глаза ни на секунду не отрываются от тронного зала, и когда на меня обрушивается оргазм, я чуть не падаю на пол. Моя свободная рука сжимает ткань костюма Эмерсона, когда он обнимает меня.

— *Так совершенна.*

Его губы касаются моего уха, затем щеки и спускаются к шее. Я даже больше ничего не слышу — у меня звенит в ушах, а кожа гудит.

Оргазм просто продолжает сбивать меня с ног, волна за волной. Его рука снова находит мою, и я чувствую, как его пальцы осторожно касаются моей нежной кожи. Но он не останавливается, глубже проникая пальцами в мои трусики, и я напрягаюсь в его объятиях, когда он достигает свидетельств моего оргазма.

Он мрачно стонет мне в ухо. Затем он вытаскивает свои мокрые пальцы и подносит их ко рту. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, как раз в тот момент, когда он проводит ими по губам, слизывая мое возбуждение со своего пальца.

— Эмерсон, — шепчу я, и наши глаза встречаются.

Это долгий, тяжелый момент, когда мы позволяем всему, что только что произошло, раствориться в напряжении между нами. Чувствует ли он себя виноватым из-за того, что переступил эту черту? Правда ли это?

Нет, я не знаю. Я продолжаю ждать, что меня охватит стыд или сожаление, но этого не происходит. Вместо этого я... взволнована. Я чувствую, что нахожусь на пороге чего-то большого, и я не хочу сейчас поворачивать назад.

Секс втроем в тронном зале подошел к концу, и когда я снова смотрю на окно, одна из женщин стоит по другую сторону стекла. Ее взгляд на мгновение встречается с моим, и я смотрю на нее с открытым ртом. В ней есть что-то странно знакомое, как будто я где-то видела ее раньше. Затем она слегка подмигивает мне и лукаво улыбается, прежде чем задернуть занавеску.

Как только Эмерсон выводит меня из темного коридора греха, я убегаю в ванную. Внезапно эта тускло освещенная главная комната становится просто чертовски яркой. Я чувствую, что все могут видеть, что я только что сделала. Они знают, что я только что мастурбировала на публике, когда смотрела живое порно.

Ванная комната также слабо освещена, что является благословением. Я боялась, что здесь будут яркие флуоресцентные лампы. Я мою руки в раковине. Даже ванная комната необычна с богато украшенными золотыми зеркалами и блестящими столешницами из черного камня.

Ополаскивая руки, я поднимаю взгляд и смотрю на свое отражение в зеркале. Я кажусь счастливой?

Конечно, счастливее, чем я была с Бо. Но чего-то не хватает. Что именно, я не знаю.

В этот момент из кабинки выходит женщина и занимает свое место у раковины рядом со мной. Когда я поднимаю взгляд, я застываю на месте, понимая, что это та же самая женщина из тронного зала, и я внезапно понимаю, почему она показалась мне такой знакомой. Это мадам Кинк.

Я почти не узнала ее без черной кожи и хлыста, но это определенно та самая госпожа с волосами цвета соболя, которая рассказала мне все, что мне нужно было знать об Эмерсоне Гранте и *SPC*. На самом деле, она все еще учит меня всему, что мне нужно знать. Ее веб-сайт получил больше кликов из моего браузера, чем, вероятно, любой другой пользователь.

На данный момент она с таким же успехом могла бы быть знаменитостью для меня, и я только что наблюдала, как ее публично трахнули, когда она целовалась с другой женщиной.

Когда она замечает меня, ее взгляд скользит по моему телу, она поднимает глаза на мое лицо и улыбается.

— Ты сногсшибательна, — говорит она, и у меня отвисает челюсть.

Я? Эта женщина, эта... богиня, говорит мне, что я сногсшибательна.

— Спасибо, — бормочу я, чувствуя себя ошеломленной.

Вытирая руки, она не сводит с меня глаз. И я знаю, что мне следует уйти, но, кажется, я не могу пошевелиться. Затем она смотрит на меня с лучезарной улыбкой.

— Разве это место не потрясающее?

Я киваю, не совсем зная, как ответить. И она продолжает.

— Я имею в виду, иметь место, где мы можем просто быть самим собой, наслаждаться тем, чем хотим наслаждаться, не испытывая по этому поводу угрызений совести и не подвергаясь осуждению.

— Да. — Я чувствую себя такой неубедительной, потому что буквально не могу придумать ни одной умной вещи, которую можно было бы сказать.

Она делает шаг ко мне, позволяя своим пальцам скользнуть вниз по моей руке к запястью, где она берет мою руку в свою.

— Эмерсон Грант — гребаный бог, и он провел всю ночь, одержимый тобой. А ты выглядишь такой взволнованной.

От того, что его имя слетает с ее губ, у меня по спине пробегает ледяной холодок. Она говорила о нем так, как будто знает его или как будто хочет его. *Моего Эмерсона*.

— Я не нервничаю, — вру я.

Хотела бы я, чтобы это было правдой. Хотела бы я быть такой сексуальной, уверенной в себе женщиной, как она. Такой, какой нужен Эмерсону.

— Хорошо. Не нервничай. Просто будь собой. В этом вся прелесть этого места. Эмерсон дал нам место, где мы наконец-то будем свободны.

— Мы? — Спрашиваю я.

— Да... Ты же не думаешь, что это место только для мужчин, не так ли?

Я не отвечаю, позволяя своим мыслям вернуться ко всему, что я видела и пережила

сегодня вечером. И я понимаю... что она права.

В машине по дороге домой Эмерсон молчит, что сейчас неловко, учитывая все, что произошло сегодня вечером. Пока он ведет машину, я на мгновение смотрю на него, замечая, как сильно он изменился в моем восприятии с тех пор, как мы встретились. Я больше не вижу мужчину, который был бы вне моей досягаемости. Я вижу мужчину, который заставляет меня чувствовать себя достойной, чего я не знала в чем нуждалась.

И я думаю о том, что сказала женщина в ванной. Действительно ли Эмерсона считают богом? И действительно ли он был одержим мной всю ночь?

Месяц назад я могла бы сказать, что она ошибается, что она спутала меня с другими типами женщин, с теми, кто может понравиться такому мужчине, как Эмерсон.

Но я изменилась, и больше не чувствую себя такой.

Он ловит мой пристальный взгляд. Глядя в мою сторону, он спрашивает:

— Тебе понравился сегодняшней вечер?

— Да, — отвечаю я.

Я не уверена, имеет ли он в виду в целом или конкретно то время, которое мы провели в коридоре. Ответ относится к обоим.

— Если ты хочешь вернуться, твои членские взносы не взимаются. Однако тебе придется пройти через процесс ввода. Предоставить чистые результаты тестов, подписать несколько отказов...

— *Я не хочу возвращаться без тебя.*

Наши глаза на мгновение встречаются, и мне жаль, что я не знаю, о чем он думает. Не слишком ли я навязчива? Надеюсь ли я на слишком многое? Чувствует ли он то же самое? Мне нужны отношения с Эмерсоном, которых я не понимаю. То, чего я не ожидала. И это не секс, хотя я бы не стала от этого отказываться.

Больше всего на свете я хочу его внимания. Я хочу жить в этом мире с ним, и я хочу, чтобы он был моим проводником — не только на одну ночь.

Я хочу быть единственной женщиной для него...

Я обрекаю себя на разбитое сердце, я это знаю.

Мы с Эмерсоном находимся в этом странном подвешенном состоянии, где мы не пересекаем границ, но и не отказываем себе в поблажках. Я не знаю, кто мы такие, и я все еще не совсем уверена, чего я хочу. Все, что я знаю, это то, что когда он смотрит на меня так, как сейчас, я хочу получить все, что смогу.

Когда мы подъезжаем к моему дому, он выходит, чтобы открыть мне дверь.

— Спасибо, что взял меня, — говорю я ему и, прежде чем уйти, наклоняюсь ближе и прижимаюсь губами к его щеке.

Я хотела бы поблагодарить его за этот момент в коридоре, но мне не совсем удобно говорить: — *Спасибо, что заставил меня прикоснуться к себе*, но я хотела бы, чтобы он знал, каким важным моментом это было для меня. Сегодняшний вечер стал поворотным сюжетом, и он, возможно, никогда об этом не узнает.

Прежде чем я успеваю отстраниться, его рука хватается меня сзади за шею, удерживая мое лицо всего в нескольких дюймах от своего.

— Только на эту ночь, — выдыхает он, прикасаясь своими губами к моим, и только после этих трех слов я понимаю, что это такое.

Сегодняшний вечер кажется особенным, как будто он существует за пределами нашей

обычной реальности с понедельника по пятницу, с девяти до пяти. Что только сегодня вечером он может прикоснуться ко мне, заставить меня кончить и поцеловать меня, и это никак не повлияет на правила и границы, которые мы установили.

Я хочу, чтобы он поцеловал меня глубже, но его губы только касаются моих, так что я чувствую его бороду на своем лице, и я хотела бы, чтобы этого было достаточно для меня, но это не так.

Я хочу большего.

Но, как для Золушки наступила полночь, моя маленькая мечта тоже должна закончиться.

Слишком быстро он отпускает меня, и я отступаю назад, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Увидимся в понедельник, Шарлотта.

— Да, *сэр*, — отвечаю я, и он на мгновение замирает, наши взгляды встречаются, пока мои слова эхом отдаются между нами.

На самом деле я не хотела этого говорить, но это просто вырвалось, и, очевидно, это произвело на него впечатление. Это написано у него на лице. Интересно, думает ли он о том первом дне? В тот день, когда он принял меня за своего нового саба, когда он сказал мне встать на колени и обращаться к нему *сэр*, потому что это именно то, о чем я думаю.

Я быстро отстраняюсь и иду к воротам, которые ведут в мой маленький гостевой домик на заднем дворе. Даже когда он отъезжает, я размышляю о выражении его лица и о том, что я почувствовала в тот маленький, ничтожно малый момент. Называя его *сэром*, как раньше делали его *секретарши*. Как, когда я спросила его, хочет ли он, чтобы я была такой для него, он точно не сказал *нет*.

Я не могу перестать думать об этом всю ночь, мое тело все еще гудит от возбуждения.

На следующее утро я просыпаюсь с новым чувством целеустремленности.

Потому что я знаю, что наступит утро понедельника, и все будет по-другому. Потому что я хочу, чтобы все было по-другому. Поэтому я весь день почти не выхожу из своей комнаты, исследую, читаю и пытаюсь полностью понять, чего же хочет Эмерсон.

Нет, то, чего хочу я.

ПРАВИЛО № 16: ВСЕГДА ПРИХОДИ ПОДГОТОВЛЕННОЙ

Шарлотта

Где-то в воскресенье я получаю сообщение от Эмерсона.

Завтра в 8:00 утра я встречаюсь кое с кем в клубе. Заходи в дом, а я вернусь около 10:00.

Я набираю и удаляю, набираю и удаляю свой ответ примерно десять раз, прежде чем, наконец, нажимаю Отправить.

Да, сэр.

Он не отвечает. А Эмерсону всегда нужно, чтобы последнее слово оставалось за ним, а это значит, что я лишила его дара речи. Что также означает, что я получаю то, что хочу.

В понедельник я прихожу пораньше, использую код, который он мне дал, чтобы отпереть входную дверь, и сразу приступаю к работе. Я выбрала ту же юбку-карандаш и прозрачную блузку, что была на мне в первый день. Я едва могу сосредоточиться на своих утренних делах, пока жду его, и когда наступает 10:15, я слышу, как открывается дверь гаража. Я быстро убираю со своего стола и спешу в центр комнаты.

Я могу это сделать. Я могу это сделать. Я могу это сделать.

Внутренняя ободряющая речь — единственное, что удерживает меня от отступления, потому что чем больше я думаю об этом, тем больше понимаю, что это безумие. И я понятия не имею, как он отреагирует. Если он разозлится, я буду унижена. Если он удивится, я буду довольна. И если ему это понравится... Боже, я не знаю, что я буду чувствовать.

Я слышу, как закрывается дверь гаража, и делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Затем я бросаю подушку на пол *спасибо за подсказку, Интернет* и падаю на колени. Повернувшись лицом к двери, в которую он собирается войти, я склоняю голову и деликатно кладу руки на колени.

Пока я жду его, нервная дрожь пробирает меня до самых костей. Его ботинки стучат по мраморному полу, когда он проходит через кухню — все ближе и ближе, — и мне хочется отступить.

Это глупо. Он точно уволит меня.

Но уже слишком поздно. Его шаги доносятся до двери кабинета и останавливаются. Тишина становится тяжелой, пока он стоит там и смотрит на меня, а я не смею пошевелиться. Не отрывая глаз от своих коленей, я жду.

— Что... ты делаешь? — спрашивает он.

Я ожидала этого вопроса, так что я готова.

— *Быть хорошей девочкой,* — отвечаю я, — *сэр.*

Я слышу, как он тяжело вздыхает. Он собирается сказать что-нибудь резкое, или велеть мне встать, или остановиться. По крайней мере, я пыталась.

Вместо этого он делает пять оглушительных шагов ко мне.

Когда он оказывается достаточно близко, чтобы прикоснуться ко мне, я чувствую, как его пальцы берут меня за подбородок и наклоняют мою голову вверх. В его глазах светится нежность, когда он смотрит на меня сверху вниз, тепло разливается по мне. То, что этот взгляд заставляет меня чувствовать себя подобно золоту.

Если бы я могла разлить это по бутылкам и продать, я была бы богата.

— *Ты такая хорошая девочка,* — говорит он, и я чуть не растекаюсь по полу.

— Ты хочешь научиться быть хорошей *сабай*?

— Да, *сэр*, — отвечаю я.

Его челюсти напрягаются, пока он обдумывает свой ответ.

— Отлично. Но не каждый день, понятно?

Я пытаюсь сдержать улыбку, но она все равно проскальзывает.

— Да, *сэр*.

— Я хочу, чтобы были дни, когда ты будешь просто Шарлоттой, хорошо?

Мои плечи расслабляются, когда я позволяю его словам осмыслиться. Затем я киваю.

— И если тебе это не нравится, ты не обязана этого делать. Нам еще многое нужно обсудить, ограничения, безопасность и тому подобное, хорошо?

Я снова киваю, зная из своего исследования в эти выходные, что он сказал бы что-то подобное.

Я узнала, что общение — это самое важное и что границы должны быть установлены, потому что есть много вещей, которые могут пойти не так.

Вот почему я пришла подготовленная.

— Я записала свои ограничения, — отвечаю я, пристально глядя на него.

Он выглядит на мгновение удивленным, поглаживая мой подбородок.

— Ты это сделала? Могу я их увидеть?

Я киваю, собираясь встать, но он мягко надавливает на мое плечо, чтобы удержать меня на месте.

— Ползи туда ради меня.

Мои губы приоткрываются, и мое тело заливают жар.

— Да, *сэр*, — отвечаю я.

Он отодвигается в сторону, чтобы я могла доползти до своего стола, где рядом с моим ноутбуком лежит распечатанная бумага. Схватив его со стола, я на мгновение колеблюсь, не уверенная, как ползти и нести его одновременно.

— В зубы, — отвечает он, заметив мою неуверенность.

И я делаю, как он говорит, кусаю бумагу и снова встаю на четвереньки, поднося ее к нему. Теперь он облокачивается на свой стол, скрестив руки на груди, и наблюдает за мной. Как только я подхожу к нему, я сажусь обратно на колени.

Он нежно гладит меня по голове и вынимает бумагу у меня из зубов. Затем я жду, пока он просматривает то, что я написала.

Это самая нервирующая часть, потому что в этом списке было много вещей, которые заставляли меня немного нервничать.

— Где ты это взяла? — спрашивает он.

— Это был список для печати, которое я нашла в Интернете. Все в порядке?

Он ждет мгновение, прежде чем ответить.

— Это превосходно, Шарлотта. Я горжусь тобой.

Я улыбаюсь про себя. В списке более двухсот пунктов, и мне пришлось ранжировать каждый из них от нуля, что является абсолютно жестким ограничением, до пяти, поскольку я очень заинтересована. Большая часть списка оказалась на третьем месте, что означает любопытно. Естественно.

Я знаю, что мне полагается не высовываться, но я не могу устоять перед желанием посмотреть на его лицо, когда он читает список.

Честно говоря, большинство пунктов было трудно ранжировать, потому что они

касались секса, а у нас с Эмерсоном пока нет таких отношений. Все, что я знаю, это то, что чем больше я с ним и чем больше он выводит меня за пределы моих возможностей, тем больше я хочу.

Просматривая, он не произносит ни слова, и его бесстрастное лицо мало что выдает. Все, что я знаю, это то, что он читает такие вещи, как...

Гребля, три.

Удар палкой... два.

Порция — пять.

Бондаж... три.

Лизание ног — ноль.

Секс. Нет ответа.

На самом деле, все в категории *секс* пусто, от *дрочки* до *фистинга* — ноль в последней категории, если бы мне пришлось ее ранжировать.

Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как он читает список, и меня тошнит от предвкушения. Я все жду, что меня отругают, как ребенка. И я сожалею, что не поставила хотя бы тройку или четверку под категориями секса, но как я могла?

Если я чему-то и научилась за последние полтора месяца, так это тому, что я должна просить о том, чего я хочу, и что секс не обязательно должен быть таким серьезным. Это должно быть весело и доставлять приятные ощущения, и это то, что я хочу... так почему я не попросила об этом?

Он мой босс.

Отец Бо.

Боже, о чем я только думаю?

— Интересно, — говорит он, не глядя на меня. Затем он просто кладет список на стол и переводит взгляд на меня.

— Меня не интересуют физические наказания, так что тебе не нужно беспокоиться о побоях палками. Но ты оставила несколько из них незаполненными, Шарлотта.

Я прочищаю горло.

— Я не знаю...

— Секс не обязателен, ты же понимаешь это, верно?

— Да.

— На самом деле, — добавляет он. — Я готов научить тебя тому, что тебе нужно знать, чтобы быть настоящей сабай, но мы должны поддерживать соответствующие отношения. Ты все еще моя секретарша и... друг Бо.

Разочарование захлестывает меня.

— Ладно.

— А сейчас я хочу, чтобы ты вернулась к своему столу и выполнила свои задания на день. Ты будешь молчать и обращаться ко мне *сэр* только в том случае, если у тебя возникнут вопросы. В противном случае ты останешься за своим столом, и когда ты мне понадобишься, я позову тебя, и ты сделаешь то, что я скажу. Это ясно?

На меня накатывает очередная волна разочарования.

Просто молчать за столом? И это все?

— Да, *сэр*, — послушно отвечаю я.

— *Хорошая девочка.* Тогда поднимайся на ноги.

Он протягивает руку вниз, и я вкладываю свои пальцы в его, когда он поднимает меня в

вертикальное положение. Как только я выпрямляюсь, его взгляд скользит вниз от моего лица к блузке, снова замечая мой черный лифчик, как и первый день.

— Тогда продолжай. Принимайся за работу, — говорит он, и его голос звучит немного напряженно, как будто это не совсем то, что он хотел сказать.

Как будто он что-то сдерживает.

Я беспокоюсь ерзаю на своем стуле, пока работаю в течение следующего часа. Он просит меня приготовить ему кофе и оформить заказ на доставку обеда, но по большей части это обычный рабочий день. Но, в отличие от любого другого рабочего дня, я молчалива и скучаю по разговорам с ним.

После обеда у него запланирована видеоконференция с Гарретом, Хантером и Мэгги. Очевидно, им нужно что-то обсудить со своим адвокатом, и я немного нервничаю из-за того, чего он ожидает от меня, пока он на связи.

— Шарлотта, иди сюда.

Встав из-за стола, я подхожу к нему, и он жестом приглашает меня подойти к нему. Как только я оказываюсь рядом, он берет меня за руку.

— Я хочу, чтобы ты встала на колени рядом со мной, пока я разговариваю по телефону, хорошо? Никто тебя не увидит.

— Ладно, — бормочу я, и он бросает на меня любопытный взгляд.

— Я имею в виду, да... сэр.

— Очень хорошо. Иди принеси свою подушку.

Вернувшись с подушкой для колен, я падаю на пол. Я отдыхаю в пространстве рядом с его креслом, но спрятана за его столом... и я ненавижу это.

Пока я жду, он немного поработал на своем компьютере, и я, честно говоря, начинаю сомневаться во всем, что я решила делать до этого момента. Это совсем не то, чего я ожидала. Я ожидала, что он обратит на меня внимание. Я ожидала, что это будет сексуально, и в какой-то момент я ожидала, что что-то, что угодно, доставит мне удовольствие.

Где находится это любимое подпространство, о котором все бредят в Интернете?

Начинается его встреча, и он и его совладельцы начинают болтать, но я ничего не могу сделать. По крайней мере, раньше я делала заметки и была полезна. Это просто смешно. Я просто смотрю на его стол, спрятанный, как грязный секрет. Но я собираюсь довести это дело до конца. Позже я скажу ему, что мне просто не нравится, когда меня игнорируют. Он поймет.

Когда звонит адвокат, большую часть говорит Мэгги, и я замечая, что Эмерсон начинает напрягаться. Он смотрит на меня сверху вниз, нахмутив брови, и я смотрю на него снизу вверх. Все в этом кажется неправильным. Разве я не должна что-то делать?

В этот момент он наклоняется и убирает волосы с моего лица. Не сводя с меня жадного взгляда, он снова и снова гладит меня по волосам.

Я хотела бы сопротивляться.

Я хотела бы выразить, насколько это унижительно и насколько глупо я себя чувствую, но есть кое-что, чего я не ожидала от каждой унции его внимания.

Между нами существует какая-то внутренняя связь, и она сильнее, чем любая, которую я чувствовала раньше с другими парнями. Он прикасается ко мне с обожанием, и я вижу, как при этом расслабляются его плечи, напряжение исчезает с его лица.

На заднем плане Мэгги и адвокат просто продолжают разговаривать, но Эмерсон не слушает их, и я тоже.

Прямо сейчас мы существуем в нашем собственном отдельном мире.

Он мягко отодвигает свой стул и поворачивается ко мне, подставляя свою ногу, и я инстинктивно прижимаюсь щекой к его бедру.

— *Идеальна*, — почти беззвучно шепчет он. И я купаюсь в его похвале.

Он не берет ничего из того, что я не даю добровольно. Эти отношения являются симбиотическими и абсолютно мощными. Почти опьяняющий.

Его большая рука проводит по моим волосам, и я закрываю глаза, пытаюсь впитать то, как его уверенность и спокойствие омывают меня. Интересно, чувствует ли он тоже самое; у меня такое чувство, что он чувствует, и я почти уверена, что эта связь взаимна.

— Эмерсон, — зовет Мэгги с компьютера, и он замирает, глядя на нее снизу вверх. Это нарушает тишину, и я почти ненавижу ее за это.

— Не мог бы ты передать Шарлотте эти файлы после нашей встречи? Я собираюсь просмотреть их сегодня вечером.

— Да, могу, — отвечает он, и я поднимаю на него взгляд.

Они не могут видеть меня, и, в отличие от пятнадцати минут назад, мне вдруг нравится чувствовать себя его маленьким грязным секретом. Потому что теперь это кажется преднамеренным. Его внимание намеренно. И это то, чего я действительно хочу, больше, чем мне хочется признавать.

Это заставляет меня задуматься, подозревают ли остальные, что я здесь, внизу, делаю это для него каждый день. Они знают, что нравится Эмерсону. Они знают, что он нанимает для этого девушек, и хотя он сказал им, что я всего лишь его секретарша, они могут заподозрить, что я тоже этим занимаюсь.

По какой-то причине я действительно хочу, чтобы они знали. Внезапно мне захотелось, чтобы узнали все.

У меня никогда раньше не было желания быть востребованной, но внезапно мне как будто нужно, чтобы весь мир знал, что *я принадлежу Эмерсону Гранту*. Что просто смешно.

Встреча подходит к концу, и наш рабочий день возобновляется так же как и начался. Впервые за долгое время я испытываю облегчение, когда пробивает пять часов. Не потому, что мне не понравились определенные моменты этого очень странного дня, а потому, что я готова снова стать Шарлоттой для Эмерсона.

Только его.

Поднимая взгляд от своего стола в пять, я понимаю, что не совсем понимаю, что делать в данный момент. Должна ли я назвать финальную сцену и попрощаться, как будто сегодня здесь не произошло ничего странного?

Словно прочитав мои мысли, он поднимает на меня взгляд.

— На сегодня достаточно, Шарлотта.

— Да, *сэр*, — отвечаю я по привычке.

Нерешительно встаю и начинаю собирать свои вещи. Я чувствую на себе его взгляд.

— Твое мнение? — Говорит он.

Я поворачиваюсь к нему с сумочкой на плече. Пожав плечами, я говорю:

— Это было по-другому. Но мне это понравилось.

— Какие роли тебе понравились? — Он откидывается на спинку своего большого кресла, устремив на меня свои волчьи зеленые глаза.

— Ммм... — Я немного затрудняюсь с ответом, потому что мне кажется, что он

проверяет меня.

— Дело не в том, что мне нравится, не так ли? Как твоя подчиненная, моя работа — доставлять тебе удовольствие.

Он выглядит впечатленным, когда кривая, лукавая улыбка, которую я полюбила за последние шесть недель, расплзается по его лицу.

— Ты провела свое исследование.

— Я ничего не делаю наполовину, Эмерсон. Ты уже должен был знать это обо мне.

Его ухмылка становится шире, достигая глаз и оставляя ямочки на щеках.

— Да, я знаю.

Затем он встает и идет ко мне. Держась на расстоянии пары футов между нами, он говорит:

— Но мне все равно искренне любопытно. Какие моменты сегодняшнего дня тебе понравились?

Я выдыхаю, стараясь оставаться непринужденной, как будто мы говорим об обеде, а не о БДСМ.

— Мне понравилось быть полезной, успокаивать твои нервы во время встречи. Мне нравится что-то делать для тебя.

— Мне тоже нравится, что ты что-то делаешь для меня.

Это липкое, теплое чувство возвращается, когда я смотрю на него снизу вверх.

— Как я справилась? — Спрашиваю я, задыхаясь.

Я жду комплиментов, и это очевидно для нас обоих, но он любит их раздавать, так что я собираюсь их принять.

Протянув руку, он касается моего подбородка.

— Ты так хорошо справилась, — отвечает он хрипловатым тоном, который я чувствую от макушки до кончиков пальцев ног.

— Тебе нравится, что я тебе это говорю, не так ли?

— Мм-хм.

Его большой палец нежно поглаживает мой подбородок.

— Именно так я и думал.

Когда его пальцы покидают мое лицо, я позволяю знакомому разочарованию захлестнуть меня, как это происходит каждый день. Каждый раз, когда мне приходится отворачиваться от Эмерсона, не прикасаясь к нему больше, я чувствую это. Легче от этого не становится, но на самом деле ничего не поделаешь.

Покидая его дом, я говорю себе то же самое, что говорю каждый день: *У меня никогда не будет Эмерсона таким, каким я его хочу, так что мне лучше привыкнуть к этому.*

ПРАВИЛО № 17: ВЫБРОСЬ ЕЕ ИЗ СВОЕЙ ЖИЗНИ

Эмерсон

Мое отражение смотрит на меня в ванной, но мои глаза не фокусируются на мужчине передо мной. Все, что я вижу, — это ее, стоящую на коленях посреди моего кабинета. Этот образ снова и снова прокручивается в моем сознании.

Как это произошло? Не слишком ли это далеко? Неужели я уже все по-королевски испортил?

Но в моем сознании нет места сожалениям, когда оно так чертовски переполнено желанием. То, что я хотел с ней сделать. Боже, мне хотелось снять с нее одежду, прикоснуться к ее лицу, посадить ее к себе на колени и гладить ее идеальное тело, пока я работал. С любой другой девушкой я бы так и поступил, но я никогда не хотел этого так, как хочу сейчас.

В течение многих лет я признавал, что эти доминирующие пристрастия были всего лишь частью того, кто я есть. Я был доволен этим, но никогда не был полностью удовлетворен кем-либо, кто появлялся рядом. Сейчас это желание сильнее, чем когда-либо, и у меня ужасающая мысль, что Шарлотта на самом деле могла бы идеально подойти мне, и это настоящая проблема.

Она девушка Бо. Я просто не могу продолжать это делать.

Черт, мой мозг все еще не может переварить *нет*, поэтому я раздеваюсь и принимаю душ. Этот день запудрил мне мозги, и мне нужно смыть все это с себя, чтобы я мог сосредоточиться на возвращении своего сына.

Очевидно, мой член тоже не может воспринять *нет*, потому что он напряжен до предела, все еще думая о том, как она стонала от удовольствия, пока я гладил ее по голове во время разговора.

Не говоря уже о том, что он все еще думает о том, что произошло субботним вечером в зале для вуайеристов. Вот с чего все это началось. Мне не следовало брать ее с собой на открытие клуба, и мне определенно не следовало идти за ней в тот зал. И мне действительно не следовало, черт возьми, прикасаться к ней так, как я это сделал.

Но это было безлично. Я прикасался к ней, пробовал на вкус, но это то, чем мы занимаемся в клубе. Мы избавляемся от личных уз и заикленностей в нашей повседневной жизни и свободно испытываем то, чего жаждет наше тело. Если бы я не последовал туда к ней, у нее никогда бы не хватило смелости прикоснуться к себе и заставить себя кончить так, как она это сделала.

Мой член подергивается при этом воспоминании. То, как она терлась, звуки, которые она издавала, вкус ее возбуждения и то, как хорошо ей было в моих объятиях. Как будто ей там самое место.

Я легонько поглаживаю свой член, но он не отпускает меня. И это не позволяет мне думать ни о чем, кроме Шарлотты, вызывая в своей голове ее образы. Эти идеальные губы обхватывающий мой член.

В моем воображении она у меня между ног за столом, поглощает меня, пока я работаю. *Моя идеальная маленькая секретарша.*

Блять. Моя рука ударяется о кафельную стену, в то время как другая набирает скорость.

Это так неправильно, но, возможно, это поможет мне выкинуть ее из головы. Это единственный способ когда-либо заполучить ее такой в моем воображении. Если бы люди только знали, что я дрочу на девушку своего сына...

Но я уже слишком отдался фантазиям. То, как она гладит мой член. То, как она называет меня *сэр*. Эта улыбка, когда я изливаю теплые струи спермы ей на лицо, и она слизывает их, как хорошая девочка, какой она и является.

Недозволенный стон вырывается из моей груди, когда я кончаю на свою руку. Мое сердце бешено колотится в груди, а мой член просто не хочет останавливаться. Мне явно нужно потрахаться или что-то в этом роде, потому что это чертовски нелепо.

Завтра я должен сказать Шарлотте, что не могу быть тем *Домом*, которого она хочет. Это неуместно, и мне нужно сосредоточиться на работе и возвращении сына. Но когда я вытираюсь полотенцем после душа, я нахожу на своем телефоне сообщение от нее. Мои глаза чуть не вылезают из орбит, когда я вижу появившуюся фотографию.

Это изображение Андреевского креста, гигантской деревянной рамы в форме буквы X с ограничителями на концах каждого столба.

Она сопровождает картинку текстом.

Я провожу кое-какое исследование. Ты когда-нибудь пользовался одним из них?

Я провожу рукой по лицу и заставляю себя сделать глубокий вдох, прежде чем ответить...

Тебе следовало бы лечь спать.

И нет, я этого не делал. Я не увлекаюсь импактной игрой.

Текстовые пузырьки всплывают перед моим ответом.

Я гуглю Impact play.

У меня вырвался стон. Это должно казаться неправильным, вести ее к такому образу жизни. Но она взрослая. Все происходит по обоюдному согласию. Я не принуждаю ее ни к чему, что ей неинтересно.

Качая головой, я беру телефон с собой в постель и забираюсь под простыни, пытаюсь уговорить свой член дать ему отдохнуть ночью, когда получаю еще одно предупреждение.

Я не думаю, что мне бы это тоже понравилось.

У меня есть вопрос...

Что это?

Все действительно... сексуально. Возможно ли вообще сделать это без секса?

Я примерно в двух секундах от того, чтобы в отчаянии швырнуть свой телефон через кровать. Мой член, кажется, думает, что его на что-то пригласили, потому что он ноет в моих боксерах, вздрагивая при звуке каждого нового сообщения, которое приходит, как щенок, ожидающий лакомства.

Я долго обдумываю свой ответ. Проблема в том, что я не совсем уверен, спрашивает ли Шарлотта об этом, потому что она хочет секса и надеется, что это произойдет, или она действительно боится вовлечения в секс и хочет узнать об образе жизни, несмотря ни на что. Она так прямолинейна и открыта в своих вопросах, но так сдержанна в своих эмоциях.

Наконец, я решаю быть честным... и осторожным.

Возможно. Это просто означает, что наши возможности ограничены. Да, действия Дом/сабы в основном носят сексуальный характер, но динамика — нет. И динамика — это то, что мне нравится больше всего.

Она почти сразу же печатает свой ответ.

Значит, у тебя не было секса со своими последними секретаршами?

Я снова стону. Она вообще понимает, что со мной делает?

Понимает ли она на самом деле, как сильно я хочу ее и как трудно мне отказывать ей, когда она просит меня о подобных вещах?

Отвечать на этот вопрос больно, и я ненавижу, что мне приходится быть честным.

У меня был секс с большинством из них.

Ее ответ занимает на мгновение больше времени.

Ой.

Пока я жду очередное сообщение, на линии повисло напряжение. Я хотел бы просто сказать ей, как сильно я ее хочу, но я не могу.

Наконец, когда она все-таки отвечает, это сообщение почти ломает меня.

Я не могу поверить, что я вообще это говорю, но мне нравится быть покорной. Я просто хочу быть достаточной для тебя. Я хочу, чтобы ты гордился мной.

Даже если мы не сможем...:(

Слова на экране стекают по моему позвоночнику, как медленные капли лавы, и мой член более чем готов ко второму раунду. Возможно, на самом деле это эмодзи с грустным лицом, который меня доконает. Едва заметная хмурость на моем экране вызывает у меня желание сказать *к черту все* и прямо сейчас поехать к ее домику у бассейна, чтобы я мог заставить ее опуститься на колени, просунуть свой член между ее идеальных, широко расставленных губ и заставить ее умолять меня трахнуть ее.

Я быстро печатаю свой ответ, прежде чем успеваю его обдумать, решив вообще проигнорировать последнее сообщение, которое она отправила.

Я очень горжусь тобой сегодня.

И тебя более чем достаточно.

Ты само совершенство.

П пульсирующий орган в моей груди набухает, когда я нажимаю *Отправить*. Это больше, чем возбуждение. Больше, чем желание трахнуть ее или услышать, как она называет меня *сэр*. Если бы я был на двадцать лет моложе, она именно такая девушка, какую я бы хотел. Почему Бо позволил ей уйти, я понятия не имею. Но с каждым днем я становлюсь все более и более зависимым от этой девушки.

И когда мой телефон снова звонит с очередным сообщением, я почти боюсь его читать, потому что почти уверена, что уже знаю, что в нем будет сказано.

Спасибо, сэр.

Боже, я в таком дерьме.

ПРАВИЛО № 18: НОСИТЕ ВИБРАТОР С ДИСТАНЦИОННЫМ УПРАВЛЕНИЕМ НА СВОЙ СТРАХ И РИСК

Шарлотта

Сегодня невеселый день. Именно так я привыкла называть те дни, когда мне приходится быть просто Шарлоттой, а он — Эмерсоном, а не *сэром*. Хороших девочек не бывает. Нет, да, господа. Просто обычная секретарша. Чепуха.

Мы делаем это через день, и в такие дни, как этот, я все больше и больше разочаровываюсь.

К счастью, сегодня мы в клубе.

У Эмерсона встреча с несколькими поставщиками секс-игрушек, чтобы пополнить магазин, так что, думаю, мне действительно не на что жаловаться на сегодняшний день.

Когда мы приходим в клуб, я иду за ним направо, где собрались все — Гаррет, Мэгги, Хантер и даже рабочий-строитель Дрейк, который больше не в своей пыльной одежде и каске, а красиво одет в обтягивающие джинсы и футболку с V-образным вырезом, демонстрируя клоч темных волос на груди. Мой взгляд на мгновение задерживается на нем, и он ловит мой пристальный взгляд, подмигивая мне, отчего я краснею и отвожу взгляд.

Мой взгляд скользит по Эмерсону, который тоже наблюдает за мной, но он не выглядит таким счастливым, как Дрейк. На самом деле, он пристально смотрит на меня, нахмутив брови.

Черт... что это за взгляд? Что я сделала не так?

Прежде чем я успеваю спросить, в парадную дверь входит незнакомая мне женщина. Она высокая рыжеволосая девушка, одетая во все черное, и с черной сумкой в руках. На ее плечах и талии обернут ремень безопасности. Я ловлю себя на том, что смотрю на него. Это больше похоже на дань моде, чем на то, что она использует, и мне нравится, как это смотрится на ней. Сильный, доминирующий и сексуальный. С сияющей улыбкой на лице она представляется всем.

Затем, когда ее взгляд падает на лицо Эмерсона, она останавливается.

— Привет, Эмерсон, — говорит она с яркой, кокетливой улыбкой.

Мгновенно волосы на моей шее встревоженно встают дыбом.

— Моника, — отвечает он, сдерживая собственную улыбку. — Как у тебя дела?

Они явно знают друг друга.

— У меня все отлично. Ты?

— Хорошо, спасибо. Сейчас ведешь свой собственный бизнес?

— Да, — говорит она, крепче сжимая свою сумку. — И бизнес идет отлично.

— Я горжусь тобой, — отвечает он, и фальшивая улыбка, которую я пыталась сдержать, превращается в хмурый взгляд. Когда я слышу, как он хвалит кого-то другого, мне хочется кричать.

— Это твоя новая секретарша? — спрашивает она, взглянув на меня.

— Да. Это Шарлотта. Шарлотта, пожалуйста, поприветствуй Моника Тейлор. Мой старый сотрудник.

Я бросаю взгляд в его сторону, но он не подает мне никаких знаков. Просто пустое

выражение лица.

Когда ее взгляд скользит по моему телу, оценивая меня, я неловко переминаюсь с ноги на ногу.

— Приятно познакомиться с тобой, Шарлотта.

Он слегка кивает головой, как бы напоминая мне о своем приказе. Он сказал мне поприветствовать ее.

Приказал мне это сделать. Он не делает этого, если только это не... день *дома/сабы*. Он что, пытается выставить меня напоказ? Потому что он хочет, чтобы она увидела, насколько хороша его новая секретарша?

Что ж, очень жаль, потому что я уже чувствую себя упрямой.

Я не хочу встречаться с его бывшей секретаршей. Особенно сейчас, когда мое воображение посылает мне образы ее, стоящей перед ним на коленях. Его похвала звучала в ее ушах, а не в моих.

Внезапно я понимаю, что меня можно заменить. Правда обрушивается на меня, как поезд, и это мучительно, почти сбивает меня с ног. Я имею в виду, что я не дура. Я знаю, что до меня у него были другие девушки, но я, черт возьми, не хочу с ними встречаться. Жестокое напоминание о том, что она, вероятно, переспала с ним, а я нет, тоже ранит. И я ненавижу то, как он приказал мне поприветствовать ее, даже несмотря на то, что мы оба знаем, что сегодня не один из таких дней. Я не собираюсь играть эту роль за нее.

Итак, я стискиваю зубы, одариваю ее чертовски фальшивой улыбкой и говорю:

— Привет.

Краем глаза я вижу, как вытягивается его лицо. Его челюсть подрагивает, когда он пристально смотрит на меня. Такое ощущение, что я стою под проливным дождем, а его разочарование сфокусировано на мне лазером. Глаза Моники расширяются, но она ничего не говорит, приветствуя остальных членов группы.

Я отказываюсь оглядываться на Эмерсона как из упрямства, так и из страха.

Моника выставляет все, что она принесла, на стеклянную витрину и приступает к своей презентации. Она привезла множество игрушек, которые могли бы пригодиться клиентам здесь, в клубе. *Фаллоимитаторы, вибраторы, наручники, кремы, лосьоны, смазки*. Как ни крути, она это принесла. И я хочу обратить на это внимание, но я не могу заставить свой разум сосредоточиться ни на чем, кроме разочарования Эмерсона во мне, настолько сильного, что это превосходит мое разочарование в нем. И то, что внимание Моники почти полностью сосредоточено на Эмерсоне, не помогает.

Как только она заканчивает, Мэгги предлагает Монике провести экскурсию по заведению, и я на мгновение испытываю облегчение оттого, что мы вот-вот избавимся от этой сучки, которая только что устроила засаду на мой идеальный день.

Затем она поворачивается с лучезарной улыбкой к мужчине рядом со мной и говорит:

— Эмерсон, я бы с удовольствием провела с тобой экскурсию.

Моя кожа гудит от жгучей ненависти, когда я смотрю, как она касается его руки. Я так сильно презираю эту женщину, что готова была бы ударить ее. Я быстро делаю шаг, чтобы последовать за ним, но он поворачивается в мою сторону, хватая меня за руку шепча мрачным, низким голосом:

— Оставайся здесь.

У меня отвисает челюсть. Он серьезно?

Что он собирается с ней делать? Отведет ее в одну из отдельных комнат и...

— Хорошо, — бормочу я, отворачиваясь.

Если он думает, что сейчас добьется от меня ответа *Да, сэр*, то он сумасшедший.

Когда я смотрю, как они уходят, слезы застилают мне глаза, и я начинаю чертить круги на полу от своих расхаживаний, пытаюсь убедить себя не быть такой злой, какой я себя чувствую прямо сейчас.

Какое мне дело? Он не мой парень. У нас нет никаких претензий друг к другу, и он, конечно же, никогда не прикоснется ко мне подобным образом, так что мне действительно следует просто забыть об этой заминке. Это глупо. Глупая влюбленность, но я никогда не буду чем-то большим, чем его, иногда, извращенной секретаршей.

Задержавшись у стены большой комнаты, я держусь на расстоянии от Дрейка и Хантера, которые единственные, кто остались, смотреть на витрину с игрушками, оставленными Моникой. Они тихо разговаривают друг с другом, но я не прислушиваюсь. Я слишком занята, переживая из-за Эмерсона наедине с Моникой где-то в пустом клубе.

Через несколько минут я слышу, как кто-то зовет меня по имени.

— Шарли, иди сюда.

Когда я поднимаю глаза, Дрейк улыбается мне и машет рукой в их сторону. В отличие от Эмерсона, он на самом деле называет меня моим любимым именем. Когда я подхожу к ним, все еще чувствуя себя немного раздраженной, он трогает меня за руку.

— Помоги Хантеру сделать выбор.

Хантер тут же качает головой.

— Оставь ее в покое. Она не хочет мне помогать.

В отличие от Дрейка, Хантер немного более сдержан и едва ли даже смотрит мне в глаза. Он единственный из нашей группы женат, а его жена — потрясающе красивая владелица студии йоги, так что я не могу сказать, что действительно виню его. Я бы тоже не стала рисковать этим.

— В чем дело? — спрашиваю я.

Дрейк наклоняется вперед.

— Та леди сказала, что это для нас, чтобы мы попробовали...

Он держит в руках U-образное устройство. Это ярко-розовый силикон, и мои брови приподнимаются, когда я смотрю на него.

— Что ж, Дрейк, попробуй.

Хантер смеется, поскольку игрушка явно предназначена для вагины.

Это вибратор с дистанционным управлением и маленьким черным пультом.

— Это не для меня, — говорит он, глядя на меня из-под густых темных ресниц.

— Но он хочет купить один для Изабель.

— Итак, возьми это. Я уверена, ей это понравится.

— Я думаю, она могла бы надеть это на публике, пока они будут ужинать или что-то в этом роде. Но Хантер думает, что для нее было бы невозможно скрыть это.

Он вкладывает розовый вибратор мне в руку, позволяя своим пальцам задержаться на мгновение дольше положенного на моей коже, пока он пристально смотрит на меня.

Навыки флирта Дрейка настолько хороши, что это должно быть преступлением, как какое-то нечестное колдовство. Клянусь, с этими глазами и этой улыбкой я бы совершила поджог ради него и, вероятно, ничего бы не вспомнила.

При нажатии кнопки в его руке маленький вибратор оживает. Это едва уловимое жужжание, но оно все равно вызывает у меня прилив возбуждения.

— Я думаю, это зависит от того, какую вибрацию ты включаешь, — отвечаю я, у меня пересыхает во рту, когда он пристально смотрит на меня, увеличивая интенсивность. Он громко жужжит у меня на ладони.

— Насколько это сексуально? — спрашивает он. — Сидеть в общественном месте, чувствовать это у себя между ног и не иметь возможности отреагировать.

— Невозможно, — отвечаю я хриплым шепотом.

— Так попробуй это. Я хочу знать наверняка. — Он все еще смотрит на меня этими, чертовыми, глазами, и мне приходится заставлять себя дышать.

— Ты не можешь быть серьезным, — отвечаю я, наклоняя голову.

— Я осмелюсь, — говорит Дрейк, и кажется, что он знает меня. Я не из тех девушек, которые отказываются от вызова.

Может быть, это потому, что я зла на Эмерсона или потому, что я уже облажалась сегодня, и я делаю то, что, я знаю, разозлит его еще больше.

Я сжимаю вибратор в руке и смотрю Дрейку прямо в глаза, наклоняясь к нему так близко, что кажется, мы могли бы поцеловаться.

— Хорошо.

Он выключает вибрацию и улыбается, когда я беру одну из дезинфицирующих салфеток и вытираю игрушку. Затем я направляюсь в ванную комнату рядом с нами.

Краем глаза я вижу, как Хантер качает головой, глядя на своего друга. У меня действительно нет намерения что-либо делать с Дрейком. Как бы сильно я ни была уверена, что мне бы это понравилось, это было бы так неправильно. Это не только окончательно свело бы Эмерсона с ума, но и поставило бы под угрозу мою работу, которую я так люблю.

В ванной у меня начинают дрожать руки, когда я беру вибратор с собой в кабинку. В очередной раз я оказалась в другой ситуации, какого хрена я делаю? Но я сказала, что сделаю это, так что я это делаю.

Игрушка имеет толстую выпуклую сторону, она мягкая. Согласно инструкциям Моники, выпуклая сторона входит внутрь, чтобы вибрировать в точке G. Я не могу сказать, что у меня был какой-либо опыт общения с парнями, которые когда-либо находили намекающую точку G, поэтому я настроена скептически.

Сделав глубокий вдох, я задираю юбку, стягиваю трусики и вставляю толстую сторону туда, где ей самое место.

Ой. Он как бы фиксируется на месте, плотно прижимаясь к моему клитору. И как только я снова натягиваю трусики, это похоже на маленький секрет, спрятанный у меня под юбкой. Это странно.

Когда я выхожу из кабинки, что-то внутри меня сжимается. С каждым шагом он прижимается к моему клитору, и мне приходится остановиться у двери ванной. Он даже не включен, а я уже волнуюсь, что не смогу сохранить невозмутимое выражение лица.

Расправив плечи и пряча улыбку, я с важным видом выхожу из ванной туда, где меня ждут Дрейк и Хантер. Они оба наблюдают за мной, и я сдерживаю улыбку. Затем я вижу движение в правой руке Дрейка.

Внезапно игрушка жужжит у меня в трусиках, и мои глаза расширяются.

О, черт.

Это так приятно, ощущения жужжат внутри и снаружи, и я чувствую, что уже становлюсь влажной.

— Подожди, подожди, подожди, — зову я.

Дрейк смеется.

— Да ладно, это самая низкая настройка.

Блять. Я собираюсь развернуться и побежать в ванную, чтобы вытащить его, потому что нет никакой возможности вынести это. Затем его рука снова двигается, и чертова штука оживает, еще сильнее прижимаясь к моему клитору.

— Дрейк! — Я вскрикиваю, кланяясь до пола и мысленно заставляя себя не кончать.

Нет, нет, нет, нет.

Когда это прекращается, я бросаюсь к нему.

— Отдай мне эту чертову штуку! — Кричу я, но он вырывает его у меня из рук.

Я прижимаюсь к его телу, тянусь к пульту дистанционного управления, когда игрушка снова заводится.

Против моей воли с моих губ срывается самый пронзительный, самый унижительный звук. Это как если бы на секунду заиграл саундтрек к порнофильму, и Дрейк хохочет.

— Ты такой придурок! — Кричу я, прикрывая рот рукой.

Я не могу поверить, что только что издала этот звук. Бедняга Хантер закрывает лицо рукой, выглядит красным как свекла, и пытается не смотреть, как я борюсь с Дрейком за пульт, в то же время пытаюсь не испытать публичный оргазм против своей воли.

— Ты знаешь, что тебе это нравится, — мрачно отвечает Дрейк, и мои глаза на секунду встречаются с его.

О, черт. Судя по тому, как он смотрит на меня, и по тому, что чувствует мое тело в данный момент, мы определенно движемся прямо к чему-то, чего я не хочу, и я боюсь, что если я не остановлю это прямо сейчас, я пожалею об этом.

Есть только один человек, с которым я хочу переступить эту черту, и извини, Дрейк, но это не ты.

— Что происходит? — Раздается мрачный голос с другого конца комнаты, и мое тело превращается в лед.

Жужжание резко прекращается, и я отрываюсь от стены мышц Дрейка. Быстро обернувшись, я вижу Эмерсона, идущего ко мне с выражением ужаса на лице.

О Боже, он собирается узнать о вибраторе. Я имею в виду, я хотела, чтобы он узнал, потому что это разозлило бы его, а я хотела разозлить его. Разве это делает меня слабачкой?

Но теперь, когда он так смотрит на меня, как будто я предала его и каким-то образом причинила ему боль, я отчаянно надеюсь, что он не узнает. Я не вынесу еще ни секунды его разочарования.

— Расслабься. Мы с Шарлоттой просто проводили эксперимент, — говорит Дрейк, и я перевожу взгляд на него.

О Боже, он собирается просто сказать ему, не так ли?

— Ничего особенного, — быстро отвечаю я, подходя к Эмерсону.

— Какой эксперимент? — Спрашивает Эмерсон.

Дрейк поднимает пульт дистанционного управления.

— Мы хотели посмотреть, сможет ли она вести себя естественно с этим вибратором на дистанционном управлении.

Голова Эмерсона медленно поворачивается в мою сторону, и я превращаюсь в крошечную пылинку рядом с ним.

— Ты носишь его сейчас?

Я заставляю себя нервно сглотнуть. Дрейк смеется.

— Да. И на случай, если тебе интересно, она не может. Не может даже ходить при самой низкой настройке.

Я ненавижу Дрейка. Я чертовски сильно его ненавижу. Больше, чем я ненавижу Монику.

Ладно, может быть, не больше, чем я ненавижу Монику. Но я его очень ненавижу.

— Ха, ха, ха, — язвительно отвечаю я, прищурившись, глядя на Дрейка. Он подмигивает мне в ответ, и это заставляет меня ненавидеть его еще больше. Глупое колдовство горячего парня.

Я иду в ванную, чтобы вынуть игрушку, но Эмерсон останавливает меня.

— Не так быстро. — Я в ужасе наблюдаю, как он подходит к Дрейку, протягивая руку за пультом дистанционного управления.

Когда Дрейк кладет его ему на ладонь, я смотрю на него, словно ожидая, что произойдет что-то катастрофическое.

Он бы не стал... не так ли?

Он кладет пульт в карман.

— Пойдем, Шарлотта.

Выражение его лица не выглядит игривым или добрым. Его челюсть все еще щелкает, когда он стискивает зубы. Он все еще пристально смотрит на меня, прежде чем поворачивается и направляется к входной двери.

Я быстро оглядываюсь на Дрейка, который даже не утруждает себя извиняющимся видом. Он хихикает про себя.

Да, я ненавижу его.

С вибратором на месте, но неподвижным и тихим — слава Богу, — я убегаю вслед за Эмерсоном.

— Куда мы направляемся? — Спрашиваю я.

Он бросает на меня быстрый нетерпеливый взгляд, прежде чем ответить:

— Идем обедать.

ПРАВИЛО № 19: НЕ ВСЕ НАКАЗАНИЯ ПЛОХИЕ

Шарлотта

Я в так облажалась. Эмерсон молчит в машине рядом со мной, пока мы едем, и я все еще не могу толком сказать, злится ли он на меня за то, как я обошлась с Моникой, или за флирт с Дрейком, или за то, что я всунула вибратор без его разрешения. Или за все.

Дело в том, что... я больше не совсем понимаю, что правильно, а что нет, и это кажется несправедливым. Если бы это была обычная работа секретарши, нормальная ситуация Дом и сабом или нормальные романтические отношения, я бы, по крайней мере, знала, чего от меня ожидают. Но мы не такие. У нас всего понемногу, и это чертовски сбивает с толку.

А еще есть ноющий страх, что Эмерсон занимался бог знает чем с Моникой в клубе.

Расстроилась бы я, если бы узнала, что у них был секс?

Да.

Имею ли я на это какое-то право?

Нет.

У меня в голове снова и снова прокручиваются сценарии, что на самом деле меня бы больше беспокоило, если бы я узнала, что он обращался с ней как с подчиненной, заставлял ее кланяться ему, был с ней сэром, хвалил ее, а не трахал. Не поймите меня неправильно, думать о них обоих физически больно, но мысль о том, что она была его хорошей девочкой, вызывает у меня желание взбеситься. Этого нельзя допустить. Он наверняка знал бы, насколько это уничтожит меня, и он ни за что бы этого не сделал. Верно?

Мы подъезжаем к шикарному ресторану с услугой парковки. Это поле для гольфа, и кто-то открывает мне дверь, когда Эмерсон подъезжает к парадному входу. Он называет им свое имя у стойки администратора, и через несколько минут она ведет нас к нашему столику.

Планировал ли он это заранее? Мы никогда не выходили куда-нибудь поесть.

Он отодвигает для меня стул, и я стараюсь вести себя естественно, когда сажусь, позволяя ему подтолкнуть меня к столу. Прежде чем вернуться к своему креслу, он наклоняется и прижимается губами к моему уху. Я немедленно напрягаюсь.

— *Веди себя прилично*, — шепчет он, и холодок пробегает у меня по спине.

Вести себя прилично? Что это должно означать?

Все, казалось бы, нормально, поскольку официант принимает наш заказ на напитки. Я прошу воды, потому что, честно говоря, у меня пересохло во рту. Все это заставляет меня чувствовать себя такой неуверенной и нервной. Как будто у меня к груди привязана бомба замедленного действия — или, скорее, засунута во влагалище, а Эмерсон держит детонатор в кармане.

Мы не говорим друг другу ни слова, просматривая меню, но я не могу думать. Я едва могу читать, и, клянусь, я вспотела.

— Ты сделаешь заказ для меня? — Спрашиваю я, откладывая меню.

Он пристально смотрит на меня поверх своего.

— Что не так? Нервничаешь?

Я поднимаю на него глаза.

— Да. Конечно.

— Почему?

Мой лоб хмурится.

— Ты знаешь почему.

— Мы на публике, Шарлотта. Ты же не можешь ожидать, что я устрою здесь сцену, не так ли?

Я тяжело вздыхаю, но не отвечаю. Он дразнит меня, и мне хочется накричать на него. В ресторане так тихо. Играет нежная фортепианная музыка, и комнату наполняет нежная болтовня. Но я все еще сижу здесь с вибратором внутри себя, и я знаю, что в любой момент он может ожить, и я не знаю, как я смогу сохранить хладнокровие, когда это произойдет.

Я просто знаю, что не могу подвести Эмерсона.

После возвращения официанта Эмерсон заказывает нам обоим фирменное блюдо на сегодня — курицу в ореховой корочке и салат орзо. Тем временем я глотаю воду со льдом так, словно только что пробежала милью.

Между нами снова воцаряется тишина, и я пристально смотрю на него, ожидая, что он пошевелится или что-нибудь скажет.

Наконец, я решаю быть той, кто начнет.

— Она была одной из твоих специальных секретарш? — Тихо спрашиваю я, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что никто не подслушивает.

— Да, — прямо отвечает он. — Так вот почему ты была так груба с ней?

— Я не была груба. Ты приказал мне поприветствовать ее, что я и сделала.

— Я не приказывал, Шарлотта.

Он откидывается на спинку стула, выглядя самодовольным и красивым, что еще больше злит меня на него.

— Нет. Ты приказал мне, и ты всегда так делаешь.

— Тебе нравится, когда я тебе приказываю?

Я вздыхаю, не уверенная, как он хочет, чтобы я ответила на это.

— Иногда.

— Не все время?

— Я не знаю. Я просто... — Я даже не знаю, что я пытаюсь сказать. Я взволнована, чувствую слишком много вещей, которые, кажется, не могу выразить словами.

— Ты знаешь, почему я приказал тебе, Шарлотта?

— Потому что ты знал, что она мне не нравилась.

Уголки его губ слегка приподнимаются.

— Потому что я хотел, чтобы она знала, что ты больше, чем просто обычная секретарша. Я хотел дать понять, что *ты моя*.

Ой. Мои губы приоткрываются, чтобы ответить, но с них не слетает ни слова. Он... заявлял на меня права? Показывал ей, что я его новая девушка.

Почему я раньше этого не заметила?

Как я вообще к этому отношусь?

— Почему? — спрашиваю я, когда мой рот наконец решает издавать звук.

— Потому что это то, кто ты есть, не так ли? Если только ты не хочешь вернуться к тому, как все было раньше...

— Нет, — выпаливаю я.

— Я просто не... Я не знаю, почему я не хотела повиноваться тебе. Я просто... не хотела.

Он снова одаривает меня едва заметной ухмылкой.

— Интересно.

— Я думаю, что я ревновала.

— С чего бы тебе ревновать? Она была прошлым. Ты — настоящее.

Потому что в глубине души я хочу быть всем. Прошлой, настоящей... будущей. Но я не могу этого сказать. Это уже слишком.

— Ты... спал с ней? — Спрашиваю я практически шепотом.

Наступает момент колебания, прежде чем он отвечает:

— Да.

Ревность сильно колит меня, но я не могу ответить, потому что возвращается официант, ставя наши тарелки на стол. Пахнет так вкусно, что я почти забываю о теме разговора. И я не могу перестать думать о нем и Монике, о том, что она его саба, и они занимаются сексом.

— Ешь, — говорит он, и на этот раз я слушаю.

Потому что это действительно, очень вкусно. И я не отказываюсь от того, чтобы съесть филе целиком и салат орзо.

Он выглядит почти довольным мной, когда я кладу вилку в конце трапезы. Это так хорошо, что я почти забываю о вибраторе, все еще дремлющем в моих трусиках.

После того, как официант забирает наши тарелки, я снова смотрю на Эмерсона. С набитым животом и немного расслабившись, я набираюсь смелости наконец спросить то, что я действительно хочу знать.

— Ты спал с ней сегодня?

Он выглядит потрясенным.

— Сегодня?

— Да. Пока ты проводил для нее экскурсию.

— Ты действительно думаешь, что я бы сделал это?

— Я не знаю, — отвечаю я.

Мы еще не установили, эксклюзивность. Я имею в виду, мы даже не занимались сексом, так почему бы мне так не думать? Но он прав... кажется неправильным предполагать, что он это сделал.

Он улыбается.

— Нет, я не занимался с ней сексом сегодня.

Я тяжело вздыхаю. Почему я испытываю такое облегчение?

Эмерсон наклоняется вперед, изучая меня, и говорит:

— Ты бы разозлилась на меня, если бы я это сделал?

Я сглатываю.

— Да, — честно отвечаю я.

— Даже если у меня нет на это права, я бы это сделала.

— Хорошо. — Он, кажется, доволен. — А что насчет тебя?

— А что насчет меня?

— Флирт с Дрейком.

— Я не... — Дыхание вырывается из моих легких, когда мягкое жужжание в трусиках наполняет мое тело наслаждением.

Он удивительно тихий, когда дрожит внутри меня. Мой клитор внезапно пробуждается, раскаляется докрасна и наполняется кровью.

— Веди себя прилично, — шепчет он себе под нос, наблюдая за мной.

Он говорит мне не устраивать сцен, и мне требуется все мое мужество, чтобы не ерзать на своем месте. Вместо этого я стискиваю салфетку на коленях, костяшки моих пальцев

белеют, когда я сжимаю бедра вместе. Вибрация не прекращается.

— Тогда выключи это, — шепчу я.

— Я думаю, это подходящее наказание, не так ли?

— Наказание? Я не флиртвала, — отвечаю я, выдавливая слова из запыхавшихся губ.

— И что с того, что я была такой? Я не твоя...

Он увеличивает интенсивность, и я вздрагиваю, ударяя ногой по столу, звук звона стекла эхом разносится по комнате. Взгляды перемещаются в нашу сторону, и я заставляю себя оставаться неподвижной, хотя все, чего я хочу, — это приподнять бедра со стула, втянуть воздух и закричать от оргазма. Но даже при постоянной вибрации, не двигая своим телом, я, кажется, не могу кончить. Вместо этого я заставляю себя не делать этого, и, как ни странно, это причиняет боль.

— Та пресловутая точка G, о которой я слышал... Ну, думаю, я только что нашел ее.

— Это странная форма наказания, — выдавливаю я сквозь сжатые губы.

— Так ли это?

Внезапно вибрация прекращается, и я должна была бы расслабиться, но я чувствую, что земля ушла у меня из-под ног, оставив меня болтаться здесь в мучительной нужде. Я перевожу дыхание, не выглядя заметно обеспокоенной. Схватив стакан с водой, я делаю большой глоток, испытывая жажду.

Какими бы приятными ни были ощущения от вибрации, на самом деле я не хочу продолжать бороться с желанием опозорится на публике, поэтому я молча молюсь, чтобы он перестал меня мучить.

— Если я и флиртвала с Дрейком, то не осознавала этого. Ты должен знать, что твой генеральный подрядчик — прирожденно флиртует, и я почти уверена, что он флиртует со всеми, с кем разговаривает, так что на самом деле это не моя вина.

— Но ты же всунула игрушку, не так ли? У тебя было на это разрешение?

— Мне нужно было разрешение?

Атака возобновляется, на этот раз более мощная, чем раньше.

— Эмерсон! — Я ахаю.

На его лице написано предупреждение, когда я заставляю себя расслабиться, но игрушка становится невыносимой.

— Прекрати это, пожалуйста.

Но это не проходит, и я замечаю, как Эмерсон наблюдает за мной. Его зрачки слегка расширены, и его взгляд задерживается на моем лице, как будто он очарован мной. Затем он снова наклоняется вперед, протягивая руку, чтобы провести пальцами по моей руке. Я замираю, от этого контакта возбуждение, пробегающее по моему телу, становится еще более интенсивным, подобно приливной волне... желания.

— Ты можешь взять это, — бормочет он.

Мои губы приоткрываются, и наши глаза встречаются. И я понимаю, что это такое. Он наказывает меня, напоминая, кому я на самом деле принадлежу.

Вибратор поднимается еще на одну ступеньку, и я хватаю Эмерсона за руку. Мои бедра сжаты вместе так сильно, что все мое тело словно сковано. Горячие огненные ощущения взрываются внутри меня, и я изо всех сил стараюсь сохранять спокойствие. Я уверена, что если бы кто-нибудь наблюдал за нами, то подумал бы, что это выглядит довольно странно: я смотрю на него и едва дышу, в то время как наши руки сцеплены, но мне все равно. Потому что прямо сейчас вне этого стола ничего не существует. Его глаза, его руки и неистовые

волны удовольствия, прокатывающиеся по мне.

Мои губы приоткрываются, и я задыхаюсь, когда кончаю. Мне приходится закрывать глаза, когда мой оргазм достигает своего пика.

— Молодец, хорошая девочка, — шепчет он.

Мое тело дрожит, и оргазм просто не прекращается. Волна за волной сбивают меня с ног, и я незаметно вжимаюсь в подушку сиденья, чтобы усилить трение.

— Эмерсон, пожалуйста, — выдыхаю я, моля об облегчении.

Мое бедное чувствительное местечко саднит, вибрация теперь больше похожа на боль, чем на удовольствие.

— Мне нравится, как ты умоляешь, — шепчет он. — Скажи мне, что ты сделаешь, чтобы это прекратилось.

С легким вздохом я оглядываюсь по сторонам, чтобы посмотреть, не смотрит ли кто-нибудь на нас.

— Смотри на меня, — тихо командует он, и я снова перевожу взгляд на него.

— Я сделаю все, что ты захочешь, — отвечаю я.

— Я выслушаю тебя, когда ты прикажешь мне что-то сделать. Я никогда больше не буду флиртовать с Дрейком.

— Хорошо. Ты собираешься обвинять меня в том, что я с кем-то другим, пока я с тобой?

Мой взгляд становится пристальнее, и я качаю головой.

— Нет...

— Ты мне доверяешь?

Я киваю.

— Я принадлежу тебе так же сильно, как и ты принадлежишь мне, Шарлотта. Если я твой Дом, то больше ничей. Никогда не думай, что я мог бы так поступить с тобой. Понятно?

Почему его слова, кажется, оказывают на меня такой эффект, пронзая меня жаром, возбуждением и таким сильным желанием, что это причиняет боль?

— Да, сэр.

— А теперь скажи мне. Что еще ты собираешься делать?

Наши взгляды встречаются в напряженный момент.

— Я буду...

— Скажи это, — мрачно шепчет он.

— Я буду вести себя хорошо.

На его лице расплывается злая улыбка. Наконец, вибрация прекращаются. Звон в моих ушах стихает. Хруст в моих костях и жужжание в венах прекращаются, и это похоже на возвращение к реальности. Я чувствую себя совершенно незащищенной, хотя никто даже не смотрит в нашу сторону.

Он оплачивает счет, и мы уходим, не сказав больше ни слова. Эта штука все еще внутри меня, но я верю, что он больше не будет мучить меня этим.

Кажется, он удовлетворен моими ответами, и на самом деле я не сделала ничего, что заслуживало бы большего наказания. Теперь я вижу, как много можно давать и брать в этих отношениях. И доверять.

Когда мы возвращаемся к нему домой, я достаю игрушку, вытираю ее и прячу в свою сумочку. В какой-то момент мне придется вернуть его, но это не совсем то, что я хочу просто отдать перед уходом.

Пока я сижу за своим столом, мои глаза продолжают следить за Эмерсоном. Наблюдая

за его работой, думая о Монике и о том, как он ей улыбался.

Я что, расходный материал?

Устанет ли он от меня однажды и заменит ли меня кем-нибудь другим?

Почему об этом так больно думать? Потому что теперь это больше, чем просто работа, не так ли?

Мое глупое, невежественное сердце пошло и привязалось, и я ничего не могу поделать с тем, что я чувствую к Эмерсону Гранту. Кто-то, к кому у меня действительно не должно быть никаких чувств.

— Увидимся завтра, — кричу я от двери, собираясь уходить.

Он отрывает взгляд от своего компьютера, его мягкие, волчьи глаза останавливаются на моем лице с новым, почти любящим выражением.

— Вот, — говорит он, роясь в кармане.

Когда он достает гладкий черный пульт дистанционного управления, мои губы приоткрываются, и я думаю о том, что произошло сегодня в ресторане. Каким бы мучительным это ни было, мне это понравилось.

— Оставь это себе, — отвечаю я, зная последствия своего ответа. — А второй кусочек я оставлю себе.

Он на мгновение напрягается, и мне кажется, что время остановилось, пока я жду его ответа.

Наконец, он кивает и позволяет своим глазам прищуриться в нежной улыбке.

Выйдя за дверь, я сажусь в свою машину и утыкаюсь лицом в руль. Мы с Эмерсоном на цыпочках вступаем на опасную территорию. Сначала, работа. Затем — особый порядок. Тот момент в коридоре клуба. Сегодня, в ресторане.

Мы просто играем с этой идеей секса, мы оба в основном выражаем, что хотим этого, но сдерживаемся ради Бо. С которым я могу справиться.

Я никогда не видела этого желания, но я полагаю, что оно пройдет, и я смогу сопротивляться.

Но то, что Эмерсон заставляет меня чувствовать. То, что я к нему чувствую. Как мое сердце, кажется, почти расширяется в его присутствии, как я нравлюсь себе больше, когда нахожусь рядом с ним. Как я хочу быть единственной девушкой в мире, на которую он когда-нибудь снова обратит внимание.

Я по уши влюблена в Эмерсона Гранта.

Я в таком дерьме.

ПРАВИЛО № 20: УСТАНОВЛИВАЙТЕ СВОИ ГРАНИЦЫ... И ЖЕЛАНИЯ

Шарлотта

Список лежит у меня на столе, когда я прихожу на следующее утро — список.

Он открыт на четвертой странице, вопросы без ответов.

Такие слова, как *анальный секс, стимуляция сосков, секс втроем, отрицание оргазма*, врезаются мне в память, а я еще даже не выпила свой кофе.

— Что это? — Спрашиваю я, бросая взгляд на Эмерсона, когда он входит.

Он безупречно одет в обтягивающие синие брюки, коричневые кожаные туфли и белую рубашку на пуговицах, которая выглядит на пару размеров меньше.

Он всегда так хорошо выглядел, или это мой влюбленный мозг начинает искажать реальность?

Сделав глоток черного кофе, он ставит чашку на стол и подходит. Стоя всего в футе от меня, он смотрит на бумагу в моих руках. Мои щеки начинают гореть, это невысказанное между нами становится все более напряженным с каждой секундой.

— Я понял, что то, что мы сделали вчера, было неправильно с моей стороны. Мне никогда не следовало использовать эту... игрушку против тебя в качестве наказания, потому что это был вопрос без ответа в этой форме. Обычно я не совершаю подобных ошибок.

— Я была в порядке, — быстро отвечаю я.

Он действительно беспокоится, что сделал что-то со мной против моей воли?

— Но мне нужно знать, что ты не против. Мне нужно заранее получить твое согласие на все, Шарлотта. Не только некоторые вещи...

Его пронзительные зеленые глаза поднимаются от бумаги к моему лицу, и я мгновенно таю от соприкосновения.

Он хочет знать все о сексе. Могу ли я действительно ответить на эти вопросы?

— Но ты сказал...

Боже, я не могу этого сказать. Я не могу снова так небрежно заговаривать о сексе. Без намек на романтику между нами, рассматривая это как галочку в списке дел, как будто это ничего не значит.

— Я знаю, что я сказал, и только потому, что ты говоришь, что это нормально, что такие вещи случаются, это не значит, что они будут происходить.

Мой взгляд опускается вниз, надеясь, передать разочарование, которое я испытываю от этого заявления.

Я не хотела, чтобы все это происходило именно так. Когда я нахожусь в положении, когда могу сказать: *Да, я хочу, чтобы ты трахнул меня*, только для того, чтобы он сказал мне, что не сделает этого. Я чувствую себя идиоткой.

Должна ли я просто сохранить свою гордость и написать ноль рядом со всем этим? Что бы он при этом почувствовал?

— Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть, — мягко говорит он, как будто пытается пощадить мои чувства.

— Ладно.

Весь этот разговор с утра первым делом приводит меня в скверное настроение. Я чувствую себя уязвимой и смущенной, как глупая молодая девушка, тоскующая по своему

боссу, который не намерен когда-либо отвечать взаимностью на эти чувства. Я просто еще одна Моника.

Глупо, глупо, Шарли.

Я откладываю пакет в сторону, приступая к выполнению своих задач на день, в основном отвечая на электронные письма и помогая составлять формы поставщиков для нового магазина, входящего в клуб.

Я так отвлеклась на все это, что почти до обеда не осознаю, что сегодня должно быть то, что я люблю называть нашими *особенными днями*. Интересно, помнил ли он вообще. Его вообще волнует, что я не стою на коленях рядом с ним?

Должно быть, мне нравится беспокойство, когда одна параноидальная мысль превращается в сотню. Например, я вдруг задаюсь вопросом, хотел ли Эмерсон вообще видеть меня покорной секретаршей, или я была просто тупицей, которая бросилась ему на шею, а он был слишком вежлив, чтобы сказать *нет*.

Во время обеденного перерыва я ем в одиночестве на кухне. Надев наушники, я собираю остатки еды, которые упаковала. Я чувствую его присутствие позади себя еще до того, как слышу его. Вытаскивая один из своих наушника, я поворачиваюсь к нему.

— В чем дело? — Спрашиваю я с таким видом, что у него дергается бровь.

— Почему ты дуешься? — Он кажется странно растерянным.

— Я не дуюсь.

— Да, это так. С самого утра у тебя было такое настроение. Я должен прояснить, что мне на самом деле не нравится эти истории с нытьем, Шарлотта.

Мой рот приоткрывается.

— Нытьем?

— Да. Где ты намеренно плохо себя ведешь и заслуживаешь наказания за мое внимание.

На этот раз я громко ахаю и поворачиваюсь на стуле.

— Ты не можешь быть серьезным.

Он скрещивает руки на груди, стоя передо мной, как разъяренная статуя.

— Я серьезно. Ты провернула это вчера в клубе, флиртуя с Дрейком просто назло мне.

По какой-то причине я встаю. Он по-прежнему возвышается надо мной, но, по крайней мере, на этот раз я не кажусь такой съезжившейся.

— Я могу флиртовать с кем захочу. Это не имело к тебе никакого отношения. Знаешь что... может быть, тебе тоже стоит заполнить анкету, чтобы я точно знала, чего ты хочешь, и мы могли бы уладить всю эту путаницу прямо сейчас.

— Так вот в чем дело, — отвечает он, кивая головой.

— Ты не хочешь заполнять анкету. Шарлотта, я не заставляю тебя делать то, чего ты не хочешь. Форма предназначена для твоей защиты.

Я с усмешкой вскидываю руки вверх.

— Да, я понимаю. Ты хочешь, чтобы я выложила перед тобой все свои карты на стол, но как насчет тебя, *сэр*? — Я делаю такой саркастический акцент на его титуле, что у него сжимается челюсть.

— Где твой бланк? Почему ты не обязан признаваться во всем, чего хочешь, даже если это означает сделать себя уязвимым? Давай, Эмерсон.

Я топаю в кабинет и беру блокнот со стола и ручку из ящика. Прижимая их оба к его груди, я рявкаю:

— Вот. Запиши все, что ты хочешь со мной сделать, просто чтобы между нами все было

ясно.

Мой тон дразнящий, полный сарказма, и я ожидаю, что он накричит на меня в ответ или швырнет бумагу на пол.

Чего я не ожидала, так это того, что его тело внезапно прижимается ко мне, пока моя задница не оказывается прижатой к столу. Он прижимается к моим ногам и откидывает меня назад, так что я оказываюсь беззащитной, издавая вскрик, когда его лицо оказывается всего в нескольких дюймах от моего.

— Ты думаешь, я хочу сделать это именно так? — Мрачно бормочет он.

— Ты думаешь, я не умираю от желания узнать, как бы ты оценила эти вещи в этом списке, хотя я знаю, что был бы худшим отцом в мире, если бы когда-нибудь сделал что-нибудь из этого?

Его рука обхватывает мою поясницу, когда он наклоняется ко мне так близко, что я чувствую его между своих ног.

Когда я смотрю ему в глаза, мой пульс учащается.

Он хочет меня. По сути, он говорит это сейчас.

Прежде чем я успеваю придумать ответ, он продолжает:

— Я заполню эту анкету за тебя, если хочешь, но мне это не нужно. Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что хочу попробовать тебя на вкус, Шарлотта? Потому что я этого хочу. Я хочу прикасаться к тебе, дразнить тебя, трахать тебя, перекинуть тебя через свое колено и сделать эту хорошенькую попку красной. В этом списке нет ничего такого, чего бы я не хотел с тобой сделать, так что можешь отложить бумагу и ручку, малышка. Каждая вещь получила бы от меня пять.

Тихий звук срывается с моих губ.

— Ты не представляешь, как это тяжело для меня, Шарлотта. Чтобы ты была моей, но не так, как я хочу.

— Я... Я не знаю, что сказать... — Вздыхаю я в ответ.

— Просто заполни эту гребаную анкету, — рычит он, его рот всего в нескольких дюймах от моего.

И вот так просто он отступает и позволяет мне снова дышать. Я набираю полные легкие воздуха, наблюдая, как он выходит из комнаты, оставляя меня стоять здесь одну, размышляя о том, что он только что сказал.

Все это время я так боялась признаться, что хочу с ним большего, и он, по сути, просто признал, что тоже хочет этого... но также и то, что он никогда не уступит этому желанию.

В течение следующего часа от него не было никаких признаков, так как я беру список с собой на кухню, нависая над каждым пунктом. Рой бабочек порхает у меня в животе при одной мысли о том, чтобы испытать это с Эмерсоном.

Эксгибиционизм... пять.

Оральный... пять.

Секс-игрушки... пять.

Анал... глубокий вдох, Шарли... пять.

Не перегибаю ли я палку? Проставление пятерки, по сути, говорит о том, что я не только хочу этих вещей, но и практически требую их. И это не значит, что я говорю *пять за все*. В этом списке есть несколько вещей, которые попадают глубоко в отрицательный диапазон — *жесткая передача фистинга и золотой дождь*. Но как я могу передать ему эту бумагу с этими пятерками повсюду?

Я специально искушаю его, и, конечно, может быть, я веду себя немного по-дурачки.

Это так же плохо, как если бы я использовала свои сиськи и красную помаду, чтобы купить сестре экземпляр ее книги в магазине. Я целенаправленно манипулирую Эмерсоном, чтобы получить то, что я хочу... и это жестоко, но я не чувствую себя виноватой из-за этого.

Есть так много забавных вещей, которые он мог бы сделать со мной, как с его покорной служанкой, если бы речь шла о сексе, и я не хочу быть PG-версией Моника. Я хочу всего этого.

После обеда я кладу список на стол Эмерсона и возвращаюсь к работе. Что ж, я стараюсь. Не могу точно сосредоточиться на чем-либо, имея письменное подтверждение, в котором, по сути, говорится, *что я буду твоей игрушкой для траха*. Бонус: с аналом!

И я должна быть здесь, когда он это прочтет. Это совсем не должно быть неловко.

Уже почти два, а Эмерсон все еще отсутствует. Я ничего не успела сделать, и я чувствую, что нам нужно поговорить, поскольку он только что оставил меня с той бомбой правды, что была у него ранее.

Итак, поставив кофейник, чтобы сварить ему послеобеденную порцию кофеина, я набираюсь смелости и отправляюсь на разведку.

Дом Эмерсона огромен, но по-настоящему я видела только нижний уровень, где расположены офис, кухня, ванная комната и гостиная. На второй этаж ведет большая деревянная лестница. По одному тихому шагу за раз я пробираюсь наверх. Левая сторона ведет в другую зону отдыха, и на ней есть явные признаки того, что он действительно пользуется этой зоной. На кожаном диване видны следы износа; есть огромный телевизор с плоским экраном и пара книг на прикроватной тумбочке.

Его здесь нет, поэтому я бесшумно крадусь на цыпочках направо, где есть дверь, приоткрытая чуть-чуть. Это похоже на массовое вторжение в частную жизнь, но я ничего не могу с собой поделаться.

Подойдя к щели между дверью и косяком, я замечаю его спину, когда он сидит на тренировочной скамье, опустив ноги на пол. Так вот как он поддерживает свое идеальное тело. Похоже, он превратил свободную спальню в свой личный тренажерный зал. Там есть гантели, беговая дорожка, огромное хитроумное приспособление, предназначенное для тех, кто знает.

И Эмерсон без рубашки.

Загорелая кожа, натянутая на мускулистые плечи, привлекает мое внимание и не отпускает. Судя по тому, как его локти опираются на колени, а голова низко опущена, Эмерсон глубоко задумался, и что-то в этом меня беспокоит. Как и в тот день, когда я опустилась на колени рядом с ним и сняла его стресс, я хочу снять его сейчас.

— Тук-тук, — говорю я, стуча в дверь.

Он поворачивается и смотрит на меня с настороженным выражением беспокойства, написанным на его лице.

— Ты исчез, — шепчу я, заходя в комнату. — Я даже не знала, что у тебя здесь есть это.

Он хватается за полотенце и вытирает им вспотевший лоб. Все еще сидя подальше от меня, он отвечает:

— Мне пришлось выработать некоторую... *агрессию*.

После нашей встречи за стойкой ему пришлось пойти потренироваться, чтобы выпустить пар?

Подойдя к тому месту, где он сидит, я прислоняюсь к зеркалу на стене и смотрю на

него.

— Знаешь... — говорю я с дразнящей улыбкой. — Ты всегда мог бы выплеснуть часть своей агрессии на меня.

Его голова опускается, когда я издаю смешок.

— Господи, Шарлотта.

— Да ладно, это шутка, — отвечаю я, делая шаг к нему.

Затем его рука обхватывает мое бедро, и он прижимает меня к себе. На мгновение я затаиваю дыхание, кладя руки ему на плечи.

— Ты все превращаешь в шутку, не так ли?

Я пожимаю плечами.

— Я считаю, что так все становится проще.

— Мне от этого ничуть не проще, — тихо ворчит он.

Его рука гладит меня по задней части ноги, когда я стою между его коленями. Его прикосновения подобны огню, посылающему трепет по моему телу. Этот запрещенный контакт не просто пересекает черту — мы притворяемся, что этой черты не существует. И я склоняюсь к его прикосновениям, я хочу — нет, я нуждаюсь — большего.

— Я заполнила анкету, — шепчу я.

— Хорошо, — отвечает он.

— Тебе следует знать, что я пометила несколько нулей.

Он издает глубокий смешок.

— Несколько?

— Да. Не стыдно тем, кому нравится золотой дождь... но не мне.

Я сохраняю легкое настроение, потому что все остальное в этот момент напряженное.

— Рад это знать, — бормочет он.

Он все еще прижимает меня к себе, и когда мои руки скользят по его плечам, я понимаю, что мы с Эмерсоном сблизились с тех пор, как я начала с ним работать. Но это первый раз, когда мы по-настоящему прикасаемся друг к другу вот так.

— Есть ли какой-то смысл пытаться избегать этого?

Его голова откидывается назад, и он пристально смотрит на меня, притягивая ближе, и я понимаю, что он собирается поцеловать меня.

Пальцы его руки скользят все выше и выше по моему бедру.

— Потому что я должен сказать тебе, Шарлотта. Я немного устал пытаться.

Я сцепляю пальцы у него на шее и прижимаю его ближе. Под этим углом я так близко, что могла бы поцеловать его, если бы захотела, и я хочу этого.

— Тогда перестань пытаться.

Мое лицо склоняется к нему, и глаза Эмерсона закрываются, прижимая меня крепче. Затем, как раз перед тем, как мои губы касаются его губ, раздается звонок в дверь.

Мы открываем глаза и смотрим друг на друга.

— Кого-то ждешь? — спрашиваю я.

Его брови хмурятся, когда он достает свой телефон и открывает камеру слежения за входной дверью. Затем он выглядит так, словно увидел привидение, вскакивает со скамейки и практически отталкивает меня.

— Кто это? — спрашиваю я.

Он смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— *Это Бо.*

ПРАВИЛО № 21: УСТРАНЯЙТЕ ИСКУШЕНИЯ, КОГДА ЭТО ВОЗМОЖНО

Эмерсон

Я никогда в жизни не надевал рубашку так быстро.

Господи, да что, черт возьми, со мной не так? Внутренние рассуждения о том, почему я никогда не должен прикасаться к Шарлотте таким образом, со временем постепенно ослабевали. И как раз в тот момент, когда я собиралась сдаться и сделать то, что хотел сделать последние два месяца, Бо буквально стучится в дверь.

Шарлотта идет за мной, когда мы достигаем нижнего этажа. Она поправляет юбку и направляется к своему столу, стараясь вести себя естественно, когда я открываю дверь.

И вот он здесь. Я не видел своего сына полгода, и, возможно, мне что-то мерещится, но он выглядит по-другому, старше. У него такие же зеленые глаза и загорелая кожа, но это почти все, что он унаследовал от меня. В остальном он копия матери.

Песочно-каштановые кудри. Высокие скулы и широкая улыбка, хотя на самом деле я давно такого не видел.

— Привет, — бормочу я как идиот, открывая дверь шире, чтобы пригласить его войти.

Сначала он не двигается.

— Я здесь только для того, чтобы получить этот чек, — отвечает он.

Он смотрит куда угодно, только не на мое лицо. Он слегка переступает с ноги на ногу и нервозно засовывает руки в карманы.

— Конечно. Заходи, — говорю я, отходя в сторону.

Он делает всего один шаг в фойе, когда замечает Шарлотту в кабинете через стеклянную дверь. Он колеблется, на мгновение замирая и пристально глядя на нее. Меня одолевают острые приступы ревности. Потому что, конечно, он не может отвести взгляд. Шарлотта — воплощение красоты, и хотя я бы не сказал этого, когда она начинала работать у меня, сейчас она воплощение утонченности. На самом деле, она лучшая из обоих миров. Как-то одинаково царственная и веселая. Скромная и нелепая, в лучшем смысле.

Он делает шаг к ней.

— Шарлотта — исключительная секретарша. Умная и организованная. Я надеюсь, что мне никогда не придется заменять ее.

Гордость переполняет меня, когда я хвастаюсь ею перед ним, и я вижу, как щелкает его челюсть. Ему не нравится, что я говорю о его девушке так, как будто знаю ее лучше, и я не могу сказать, что виню его. Но эта ревность, потому что я тоже это чувствую.

— Зайди и поздоровайся, — говорю я, прижимая руку к его спине.

Когда мы добираемся до моего кабинета, Шарлотта встает и приветствует Бо объятиями.

— Рада тебя видеть! — Говорит она.

— Я тоже рад тебя видеть. Ты выглядишь...

Она неловко ждет, пока он закончит предложение, и я жалею, что не могу закончить его за него.

Великолепной.

Удивительной.

Захватывающей.

Подойдет любой из них, но в итоге он использует:

— Другой.

На ее лице застывает напряженная улыбка.

— Надеюсь, все по-другому.

— Да, хорошо по-другому.

— Могу я предложить тебе что-нибудь выпить? Кофе, содовую, воду?

— Да, кока-колу, пожалуйста, — отвечает он, не сводя с нее глаз.

И я тоже не могу перестать наблюдать за ней, ожидая реакции на его присутствие. Что она на самом деле чувствует к нему? Рада видеть его? Стремится угодить? Но нет... Вместо этого на ее лице натянута улыбка, и она выглядит совершенно неестественно в его компании.

— Я принесу, — нетерпеливо отвечает Шарлотта, направляясь на кухню.

Она пытается оставить меня и моего сына наедине, но он следует за ней вместо того, чтобы остаться со мной.

— Вы двое, наверстайте упущенное, — говорю я.

— Я только что закончил свою тренировку, и мне нужно пойти переодеться в другую одежду и привести себя в порядок. Сынок, я выпишу тебе этот чек, когда вернусь.

— Конечно, — говорит он мне, и я хотел бы сказать, что между нами как будто нет неловкости, но она есть.

У моего сына, похоже, в голове засела идея, что, владея секс-клубом, я становлюсь каким-то монстром. Одновременно извращенец и преступник. Я ничего не могу сделать, чтобы переубедить его или заставить взглянуть на вещи по-другому, и на это ушло полгода наших отношений, но я отказываюсь верить, что это непоправимо.

Когда я спускаюсь минут через десять, я слышу, как они разговаривают в передней комнате. Остановившись на кухне, я прислушиваюсь.

— Я чувствую себя таким придурком, — бормочет он.

— Ты не придурок, — отвечает она.

— Ты переживаешь трудные времена. Тебе придется какое-то время пожить со своей мамой, ну и что. Это не навсегда. Ты встанешь на ноги, и все будет хорошо.

Успокаивающий звук ее голоса заставляет меня улыбнуться.

— Я потерял свою работу, свое жилье, тебя... — Его голос затихает, и я чувствую, как волосы на моей шее встают дыбом.

И в этот момент до меня доходит — Шарлотта что-то значит для Бо. Расстались они или нет, она что-то значит для него. И вполне возможно, он что-то значит для нее. Как я мог оказаться в центре всего этого? Как я вообще мог делать то, что уже делал?

— Ты не потерял меня, — мягко отвечает она.

— Мы все еще друзья, Бо. — Ее голос такой низкий, что они звучат близко друг к другу.

Наступает тишина, слышен шорох одежды, движение на диване, и я жалею, что не могу перестать слушать сейчас.

— Дай мне еще один шанс, — бормочет он, и я не могу остановиться.

Громко ступая, я выхожу из кухни и направляюсь прямо к своему столу. Я не совсем уверен, что я делаю. Я хотел вернуть Шарлотту к Бо. Это единственная причина, по которой я нанял ее. Это то, что должно было сделать все между мной и Бо лучше, так почему я пытаюсь это остановить?

Они отодвигаются друг от друга на диване, и я поднимаю взгляд, чтобы увидеть ее лицо.

Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами с выражением страха, как будто ее поймали. И она пытается оценить мою реакцию.

— Извините, что прерываю. Позволь мне выписать тебе этот чек.

Сажусь за свой стол, лезу в верхний ящик и достаю чековую книжку. Пока я заполняю его, Бо встает и подходит ко мне.

Он стоит примерно в футе от меня. Когда я поднимаю на него взгляд, то замечаю, что его глаза устремлены не на меня и не на чек, а на мой стол. Я прослеживаю за его взглядом, и меня внезапно охватывает ужас. Заполненная Шарлоттой анкета лежит лицевой стороной вверх на столе, открытая для всех этих грязных вопросов о согласии. Я быстро хватаю его и переворачиваю, но замечаю, как он напрягается, его глаза осуждающе сужаются.

Мой сын испытывает ко мне отвращение. И в данный момент я не могу сказать, что виню его.

К счастью, у него нет возможности узнать, что эту анкету заполнила Шарлотта.

— Сколько тебе нужно? — спрашиваю я.

— Моя половина составляла тысячу.

Мои плечи опускаются.

— Сколько тебе нужно, чтобы прожить следующие пару месяцев, сынок?

— Мне не нужны твои деньги, — огрызается он.

— Я даю это тебе не потому, что ты в этом нуждаешься. Я даю это тебе, потому что сам этого хочу.

— Ну, я этого не хочу.

— Бо... — Раздается тихий голос Шарлотты, когда она подходит и встает рядом с ним.

— Он просто пытается помочь.

Я вздрагиваю. Последнее, чего я хочу, это чтобы она приняла мою сторону, как бы хорошо это ни было. Это только еще больше отдалит его от меня.

— Он думает, что может заплатить за все и что это просто решит все наши проблемы, — говорит он, холодно глядя мне в лицо.

— Нет, я этого не делаю.

Шарлотта снова вмешивается, на этот раз положив руку ему на плечо.

— По крайней мере, он пытается. Мой отец даже не разговаривал со мной несколько месяцев, не говоря уже о том, чтобы пытаться помочь мне или моей семье финансово.

Бо смотрит на нее, и выражение его лица смягчается.

Давай, сынок. Сделай это для нее.

— Прекрасно, — говорит он.

Я выписываю чек на десять тысяч и говорю ему, чтобы он вернулся за добавкой, когда она ему понадобится. Это похоже на приманку, но мне все равно. Все, что вернет его в мою жизнь. Даже если он злится на меня из-за этого.

Шарлотта на мгновение выглядит довольной, когда я вручаю ему чек, поэтому я не знаю, почему говорю то, что слетает с моих губ дальше. Наверное, из чувства самосохранения.

— Почему бы тебе не пригласить Шарлотту куда-нибудь поужинать? — говорю я, и она поворачивает голову в мою сторону.

— Если она, конечно, хочет.

Роясь в кармане, я нахожу свой бумажник и вытаскиваю стодолларовую купюру. Бо смотрит на Шарлотту с надеждой в глазах, но она все еще наблюдает за мной.

Мне нужно, чтобы Шарлотта больше не была моим вариантом. Если она действительно с Бо, тогда мне больше не нужно сопротивляться желанию заполучить ее для себя, потому что тогда у меня не будет выбора.

Я ненавижу то, как она смотрит на меня прямо сейчас, разочарование, гнев и чувство вины в одном лице.

— Что скажешь, детка? Хочешь поужинать со мной? — Он обнимает ее за талию, и мне приходится отвести взгляд.

— *Конечно*, — тихо отвечает она, и это убивает меня.

После того, как она собирает свои вещи, она слегка машет мне на прощание, что больше, чем может сделать мой собственный сын. Я кивком головы машу ей в ответ.

Смотреть, как она уходит с ним, — настоящая пытка. Но я делаю это с собой по уважительной причине.

Шарлотта не моя, независимо от того, насколько сильно мне кажется, что она моя.

ПРАВИЛО № 22: ЕСЛИ ТЫ ЭТОГО ХОЧЕШЬ, ВОЗЬМИ ЭТО

Шарлотта

— Может быть, вместо того, чтобы куда-то идти, мы могли бы сделать заказ и пойти потусоваться к тебе домой, — говорит Бо, кладя руку мне на бедро, пока я веду машину.

Он попросил друга отвезти его к отцу, что заставляет меня задуматься, не было ли это его планом с самого начала. Мою кожу покалывает от одного его прикосновения.

Я не могу сказать, изменился ли Бо, изменилась ли я, или изменилась вся динамика между нами. Но здесь нет никакой химии, никаких искр или какого-либо разжигания того, что было у нас раньше. Этот парень, в которого я когда-то была так влюблена, которому я позволила так низко пасть... больше не может причинить мне боль.

Я не чувствую себя той же девушкой, с которой он расстался, и, возможно, это не так. Мне нравится эта новая версия меня, та, которую Эмерсон помог создать заново.

Боже, даже при мысли о его имени меня подташнивает. У нас был момент, и я почти уверена, что у нас должен был быть еще более важный момент, но потом появился Бо, и Эмерсон не смог заложить меня достаточно быстро. Это было больно, особенно после всей этой речи типа *Ты понятия не имеешь, что я хочу с тобой сделать*. В ту секунду, когда его сын вошел в эту дверь, моя надежда разбилась вдребезги.

— Ммм... звучит заманчиво. Пицца?

— Конечно. Мы можем просто заказать это у тебя дома.

— Хорошо, — отвечаю я с вымученной улыбкой.

— Значит, тебе действительно нравится работать на моего отца? — спрашивает он.

— Да. Мне нравится. И он говорит, что я могла бы легко проложить себе путь к управлению бизнесом.

Бо усмехается.

— Надеюсь, не с этим делом.

Моя рука сжимает руль, когда я выезжаю на подъездную дорожку. Я не знаю, насколько Эмерсон рассказал о клубе и использует ли он все еще службу знакомств в качестве прикрытия, поэтому я решаю сохранить это в тайне.

— Что не так с компанией?

— Ты же знаешь, что они там делают, Шарли. Ну же. Не веди себя глупо.

— Я не веду себя глупо, — огрызаюсь я в ответ.

В этот момент я замечаю свою младшую сестру на другом конце двора, и мое сердце замирает. Она сидит впереди с одной из своих подруг, они оба разговаривают по телефонам, когда она поднимает глаза и замечает Бо, выходящего из моей машины.

Черт.

— Привет, Смурфик. Хочешь пиццы? — говорю я.

Ее взгляд переводится с Бо на меня и обратно, прежде чем она качает головой.

— Нет, спасибо.

Сожаление сильно ударяет меня. Софи разочарована во мне, и я ненавижу это. Ей никогда не нравился Бо, так что она точно не присоединится к нам за пиццей.

— Пошли, детка, — говорит Бо, кладя руку мне на плечо, и я чувствую, что Софи наблюдает за нами, когда мы исчезаем на заднем дворе, направляясь прямо к домику у

бассейна.

Все во мне говорит мне прекратить это, отвезти его домой и забыть, что это когда-либо происходило. У Бо явно есть какие-то ожидания относительно сегодняшнего вечера, и я действительно не хочу его подводить. Потому что этого не произойдет.

Два часа назад я думала, что буду заигрывать с Эмерсоном.

Когда мы заходим в мою маленькую студию, я проверяю свой телефон, ища что-нибудь от Эмерсона, но там только тишина. Бо падает на мою кровать, и, кажется, у него настолько улучшилось настроение, чем раньше, что я почти чувствую себя виноватой из-за того, что должна сказать ему, что сегодняшний вечер закончится не так, как он хочет.

— Я собираюсь переодеться, — говорю я ему, направляясь в ванную, но он хватается меня за руку прежде, чем я успеваю туда дойти.

— Шарли, подожди.

Внезапно я оказываюсь у него на коленях. И я ничего не говорю. Почему я ничего не говорю?

— Я не хотел оставаться с тобой наедине только ради секса, — говорит он, и мои глаза расширяются.

— Бо, мы не...

— Я действительно хочу получить еще один шанс. Я знаю, что был дерьмовым парнем. Я просто переживал кое-что со своим отцом.

Мои плечи расслабляются, и сочувствие переполняет меня.

— Почему ты никогда не доверял мне?

Я не поднимаю тему измены, потому что именно здесь ситуация накаляется, и становится невозможно заставить его заговорить или открыться о чем-либо.

— Мне было стыдно, — мягко отвечает он.

— Я не хотел, чтобы ты знала, что мой отец был... уродом.

— Он не урод, — огрызаюсь я в ответ.

— С таким же успехом он мог бы быть порнозвездой или сутенером, Шарли. Вся его работа вращается вокруг секса и еще какой-нибудь по-настоящему извращенной хрени. Это ненормально...

— Но это нормально, — возражаю я, пытаюсь вырваться из его объятий, но он крепко держит меня.

Меня бесит, что я не борюсь усерднее. И он как будто даже не слышит меня, продолжая говорить о том, какой ужасный у него отец.

Желчь подступает к моему горлу.

— И я подумал, что если он какой-то секс-маньяк... может быть, я тоже. Вот почему я... сделал то, что сделал.

Мой позвоночник напрягается.

— Ты сейчас серьезно? — Огрызаюсь я.

— Ты собираешься обвинять своего отца в том, что ты мне изменил? Ты позволил какой-то новой девушке на работе отсосать тебе в комнате отдыха только потому, что твой отец владелец секс-клуба?

Я вижу, как в нем нарастает спор, но сейчас я чувствую себя такой злой, что готова закричать.

— Я же говорил тебе, что это была самая большая ошибка в моей жизни. Я говорил тебе, что мне пришлось через многое пройти, и...

— Бо, мы расстались не просто так. Нам было не по себе вместе...

— Детка, ты нужна мне. — Он прижимает меня ближе, утыкаясь лицом в мою шею, и все кажется таким неправильным.

Детка, ты мне нужна? С каких это пор он вообще называет меня деткой? И уж точно он никогда не нуждался во мне.

Это прекратится сейчас.

Я отодвигаюсь от него, чтобы встать. Он выглядит разочарованным, хмуря брови и поджимая губы в тонкую линию.

— Я тебе не нужна, Бо. Тебе нужно повзрослеть, — возражаю я.

— Или, может быть, тебе просто нужен кто-то, кто, наконец, поставил бы тебя на место, потому что я не собираюсь возвращаться к тому, как все было.

— Каково черта ты несешь?

— Я говорю о том, что ты ни разу не заставил меня чувствовать себя хорошо, пока мы были вместе. Ты говоришь о том, какой тяжелой была твоя жизнь... Ну, а ты замечал мою? — Спрашиваю я, размахивая руками.

— Ты изменилась, — говорит он с гримасой, и я смеюсь.

— Да, я думаю, что так и есть. Потому что, если ты думаешь, что твой отец такой урод, то и я такая же.

Он стоит в шоке с широко раскрытыми глазами.

— Шарли...

В его голосе слышится предостережение.

— Ты была в том клубе?

— Да... Я была, и мне не стыдно.

Мне требуется все мое мужество, чтобы расправить плечи и гордо посмотреть в глаза Бо, когда я говорю это. Он внимательно изучает меня, позволяя этой новой информации впитаться, как будто он буквально представляет, как я занимаюсь любым причудливым дерьмом, которое, по его мнению, происходит в этом клубе.

Я хотела бы сказать ему больше, но я понимаю, что теперь не имеет значения, что думает Бо.

Шарли четыре месяца назад никогда бы в этом не призналась, и, возможно, если бы Бо рассказал мне о своем отце, пока мы встречались, я бы подумала то же самое, что и он. Но это было до того, как Эмерсон открыл мне глаза. Не перед клубом, а перед самим собой.

Теперь у меня есть кто-то, кто действительно дорожит мной, кто видит во мне что-то, когда смотрит на меня, чего я никогда не видела в себе. Который заставляет меня чувствовать себя умной, сексуальной и совершенной.

И, в конце концов, я бы предпочла быть любимицей Эмерсона, чем девушкой Бо.

— Скажи мне правду прямо сейчас, — требует он. — Ты спишь с моим отцом?

Я усмехаюсь, качая головой.

— Нет, — отвечаю я убежденно, потому что это не так. Но я действительно, черт возьми, хотела бы.

— Бо... — Я делаю глубокий вдох, прежде чем продолжить:

— Я люблю тебя. Я, наверное, всегда буду любить тебя, потому что знаю, что в этом есть что-то хорошее, но у нас с тобой никогда не получится. Мне очень жаль.

Я ожидаю, что он набросится на меня, но он этого не делает. Я думаю, он все еще не оправился от информации о том, что Шарли ходит в секс-клуб. Вместо этого он выглядит

побежденным.

— Есть кто-то еще, не так ли?

На мгновение я ошеломлена. Это то, что он извлек из этого разговора?

Я не отвечаю, и этого достаточно, чтобы подтвердить его подозрения. Есть вроде как кто-то еще. И это может быть не отношения — черт возьми, это может никогда и не быть отношениями, — но у меня это работает.

Я мгновение наблюдаю за выражением его лица, чтобы убедиться, что он не подозревает, что этот кто-то другой — его отец, но на самом деле он больше ничего не говорит. Он просто выглядит... грустным.

После того, как я рассталась с Бо, я наконец-то осталась наедине с собой и поняла, как сильно я скучала... по себе. Потому что рядом с ним меня не существовало. Он существовал как центр моей вселенной, а я была его тенью.

— Давай я отвезу тебя домой, — говорю я, дотрагиваясь до его руки.

Он торжественно кивает.

Софи не было на улице, когда мы уходили, но я бы хотела, чтобы она была там. Я хочу, чтобы она увидела, как он уходит, чтобы она знала, что на самом деле все не так, как кажется.

В машине Бо ведет себя тихо. Дом его мамы находится на противоположном конце города. Она живет в причудливом районе.

Я никогда не встречалась ни с кем из его родителей до того, как мы расстались, но от одной мысли о встрече с ней, с этой женщиной, которая когда-то была замужем за Эмерсоном, у меня мурашки по коже.

Когда мы подъезжаем к ее дому, он застывает на своем месте.

— Я думаю, мой папа будет разочарован, — говорит он, и я начинаю паниковать.

— Почему?

Усмехнувшись, он добавляет:

— Он явно пытался снова свести нас вместе, Шарлотта.

Он произносит мое имя, как Эмерсон, выдавая себя за своего отца. И я не совсем уверена, что это заставляет меня чувствовать.

Странно. Это заставляет меня чувствовать себя очень странно.

— Ах, да. У меня тоже было такое чувство.

Факт, который я пока намеренно игнорирую, потому что я слишком зла, чтоб думать об этом.

— Может быть, когда-нибудь я возьму себя в руки настолько, чтобы заслужить тебя, — говорит он, не отрывая глаз от приборной панели, и мое сердце разбивается вдребезги, когда он это говорит.

Все это время я думала, что недостаточно хороша для Бо, а теперь... все изменилось.

Перегнувшись через сиденье, я притягиваю его в объятия.

— Я всегда здесь для тебя.

Он обнимает меня в ответ, прежде чем открыть дверь и подойти к передней части дома.

Наблюдая за тем, как он уходит, я испытываю столько чувств к этой семье. Они настолько сломлены, и Эмерсон, и Бо находятся в состоянии войны с самими собой и друг с другом. И учитывая то дерьмовое шоу, которым занимается моя семья, это говорит о многом, исходящее от меня.

И когда я отъезжаю от тротуара, я думаю о том, что он сказал, о том, что Эмерсон явно

пытается снова свести нас вместе. Чем больше эта мысль крутится у меня в голове, тем больше я злюсь.

Он думает, что он здесь единственный, кто приносит себя в жертву. Он ведет себя так, словно отрицание этого влечения дорого обойдется ему, но как насчет меня? Он думает, что может просто столкнуть меня на своего сына, как будто это так просто.

Разве то, чего я хочу, не считается?

Разве не он научил меня добиваться того, чего я хочу?

Чем больше я думаю об этом, тем больше злюсь.

Выезжая на автостраду, я ловлю себя на том, что пропускаю съезд к своему дому и сворачиваю на следующий за ним. Может, я и сумасшедшая, но я ни за что не пойду домой, когда у меня столько всего на уме, что я умираю от желания рассказать ему.

ПРАВИЛО № 23: ЕСЛИ ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ НЕ ПОМОГАЕТ, ВЕЖЛИВО ПОПРОСИТЕ

Шарлотта

Я дрожу. Уже стемнело, и я стою на крыльце дома Эмерсона, собираясь наброситься на него с тирадой, и я все еще не уверена на сто процентов, что собираюсь сказать. Я испытываю эти чувства, но у меня просто нет слов, чтобы выразить их. Все, что я знаю, — это то, что я устала не иметь того, чего я хочу, а я хочу его.

Свет в фойе загорается как раз перед тем, как он открывает дверь. Я высоко поднимаю голову и пытаюсь придумать, что сказать.

— Шарлотта? — спрашивает он, когда видит меня. — Где Бо?

— Я отвезла его домой.

— Почему?

— Потому что я больше не хочу его.

— Не говори так, — огрызается он.

— Ты читал анкету? Я заполнила его. Ты это читал?

Между его бровями пролегает небольшая морщинка, он явно сбит с толку моей бессвязной речью. Прежде чем он успевает выгнать меня, я врываюсь через парадную дверь прямо в его кабинет.

Я слышу его шаги по пятам, и когда я поворачиваюсь к нему лицом, то замечаю, что на нем все еще рабочая одежда, в которой он был пару часов назад, но белая рубашка расстегнута, обнажая грудь и пробивающуюся прядь волос. Боже, я хочу прикоснуться к нему, провести по нему пальцами. Мне теперь нравятся волосы на груди?

Он протягивает руку, чтобы потереть лоб, выглядя измученным, и говорит:

— Шарлотта, мы действительно не можем этого делать. Мы не можем.

— Почему нет? — Огрызаюсь я в ответ.

Если и было какое-то подобие того, что я защищаю свои чувства, то теперь нет.

— Ты девушка моего сына! — В его тоне столько отчаяния, а на лице — смятение.

— Бывшая! — Кричу я в ответ.

— Разве это действительно имеет значение? Разве это делает меня меньшим куском дерьма, если он твой нынешний или бывший парень?

— А как насчет того, чего хочу я? Почему мне отказывают? — Вскрикиваю я.

— Мне никогда не следовало нанимать тебя. *Все это было ошибкой.*

Он теребит себя за волосы, уставившись в пол, и я теряю дар речи. Слишком расстроенная, чтобы злиться, и слишком сердитая, чтобы грустить.

— Почему ты так говоришь?

Внезапно его тело прижимается ко мне, одной рукой он обнимает меня за поясницу, а другой обхватывает мой подбородок. Его лицо всего в нескольких дюймах от моего, когда он шепчет:

— Потому что я не ожидал, что ты будешь такой идеальной. Я понятия не имел, что держать свои руки подальше от тебя будет так трудно. А потом я вошел в тот день и нашел тебя на коленях...

Он крепко зажмуривает глаза, прижимаясь своим лбом к моему.

— Господи Иисусе, Шарлотта. Ты понятия не имеешь, что ты со мной делаешь.

— Да. Потому что мне нравится то, что я чувствую, когда я с тобой. Я вижу, как ты хочешь меня, как сильно ты меня обожаешь. Скольким людям действительно удастся почувствовать это с кем-то? Зачем мне вообще отказывать себя в чем-то подобном?

— Мы никогда не сможем позволить никому узнать об этом, — отвечает он когда его взгляд опускается на мои губы.

— Это никогда не могло быть правдой. Ты заслуживаешь лучшего, чем быть чьим-то грязным секретом.

Я знаю, что он прав, и где-то в будущем я возненавижу себя за это импульсивное решение. Но в данный момент мне все равно.

— Я хочу все, что смогу получить, — отвечаю я. — Я хочу тебя.

Я едва успеваю произнести эти слова, прежде чем его рот прижимается к моему. Это происходит так быстро, что мы теряемся в ядерном потоке губ, языков и зубов, изголодавшихся друг по другу.

У его рта вкус бурбона, и он целует меня длинными, мощными движениями языка, от которых у меня в животе порхают бабочки.

Я практически парю в воздухе, пытаюсь не отставать от жадного движения его рта напротив моего. И когда он рычит, прикусив мою нижнюю губу, я тихонько напеваю в ответ.

Он нужен мне, как кислород, я хватаю ртом воздух с каждым движением наших языков, когда наши руки хватаются и прикасаются друг к другу так сильно, как это возможно.

Как и предполагалось, крепкие мышцы его тела ощущаются моими пальцами как рай. Я провожу руками вверх и вниз по его спине, наслаждаясь тем, какой восхитительный он на ощупь под этой облегающей хлопчатобумажной рубашкой. В этот момент нет ничего, что изображало бы Эмерсона человеком на двадцать лет старше меня. И я не чувствую, что не заслуживаю его, потому что он не в моей лиге. Это просто похоже на нас, момент, который готовился месяцами и стоил каждой мучительной секунды тоски.

Я прижимаюсь спиной к стене, когда его рот спускается к моей шее. Эмерсон едва выныривает, чтобы глотнуть воздуха. Он похож на человека, которого оставили умирать с голоду и которому наконец предложили поесть.

Его руки хватают меня за задницу, когда он поднимает меня, обвивая мои ноги вокруг себя, и прижимая меня к стене. Твердая, как камень, выпуклость в его штанах трется о мой клитор, и я взрываюсь от звука, взывая к нему.

— Моя девочка хочет этого, не так ли? — Рычит он, делая это снова.

— Да! — Плачу я, притягивая его для еще одного поцелуя.

— Тогда встань на колени и достань его.

Никто никогда не поднимался на колени быстрее, чем я в этот момент.

Жар разливается у меня внутри при одном звуке его сексуальных команд.

Я хочу большего — мне нужно больше.

Я хочу, чтобы Эмерсон Грант доминировал надо мной так, как никогда раньше, говорил мне все грязные вещи, которые он хочет сделать со мной, и все грязные вещи, которые он хочет, чтобы я сделала с ним. Я буду выполнять все до единого приказа без колебаний. Его голос подобен лаве, стекающей по моему позвоночнику, и я похожа на липкую сабу, готовую делать буквально все, что он скажет.

Мне так не терпится взять его член в свою руку что мои пальцы начинают дрожать возясь с его молнией, в то время как его рука нежно откидывает назад мои волосы. Меня охватывает внезапное ощущение *я не могу поверить, что это происходит,* создавая одно

эпическое чувство плотского восторга и возбуждения.

Когда я, наконец, расстегиваю пуговицу на нем и расстегиваю молнию, я вижу кончик его ожидающего члена, красный и пульсирующий, торчащий из-под его обтягивающих черных боксеров. Осторожно ослабляя резинку, я медленно впитываю это зрелище. Я смотрю на член Эмерсона Гранта, всего в нескольких дюймах от моего лица.

Глядя на него своими сексуально озабоченными глазами лани, я шепчу:

— И что теперь?

Он улыбается, прежде чем прикусить губу.

— Что ты хочешь с этим делать?

Повторяя выражение его лица, я прикусываю собственную губу.

— Я хочу отсосать у тебя, — говорю я.

Мой сладкий тон пронизан фальшивой невинностью.

Он наклоняется и приближает свое лицо к моему.

— Ты должна попросить вежливо.

— *Сэр*, — выдыхаю я, прижимаясь к его губам.

— Можно мне, пожалуйста, отсосать у вас?

Он рычит, сжимая в кулаке мои волосы и целуя меня с такой силой, что это почти причиняет боль.

— *Ты такая прекрасная*, — и похвала разжигает огонь у меня в животе.

Мои трусики, должно быть, уже уничтожены, и я клянусь, что достаточно одного прикосновения к моему клитору, и со мной будет покончено.

Я думала, что момент в коридоре был самой горячей вещью, которую я когда-либо делала, но это было до того, как я получила полный опыт работы с Эмерсоном Грантом.

Все еще держа руку в моих волосах, он выпрямляется и направляет мое лицо к своей промежности. Оттягивая его пояс еще ниже, я провожу языком по всей длине его члена, добираясь до головки и обводя ее губами. Он задыхается и двигает бедрами вперед. Мне нравится его реакция, и я хочу заставить его делать больше. Поэтому я облизываю его член снова и снова, дразня его просто для того, чтобы почувствовать, как он напрягся, и услышать, как он тяжело дышит.

Когда я, наконец, открываю рот и провожу по нему языком, он стонет так громко, что вибрации сотрясают меня.

— Блять, Шарлотта.

Да. Мне нужно больше этого, думаю я, покачиваясь вверх-вниз на его члене, находя свой ритм и покрывая его член слюной. Когда он касается задней стенки моего горла, я давлюсь и делаю вдох, прежде чем позволить ему двигаться все глубже и глубже. В какой-то момент он перестает дышать, и я почти уверена, что он собирается кончить мне в рот. Мне никогда раньше не приходилось плевать или глотать, но я бы сделала это ради него.

Я бы сделала для него все, что угодно.

Вместо того, чтобы кончить мне в рот, он издает гортанный рык и поднимает меня с пола.

— Пока нет, — рывкает он, увлекая меня к своему столу и целуя в губы с неистовым голодом.

Он бросает меня на свой стол и хватает за блузку посередине. Одним быстрым рывком он разрывает его на части, отчего пуговицы разлетаются по комнате. Он не может сдержаться, когда стягивает с меня лифчик. Я выдыхаю, когда его рот находит мою грудь.

Мои бедра прижимаются к нему, когда его зубы нежно смыкаются вокруг моего правого соска. Он массирует рукой другую мою грудь, дергая за чувствительный бутон, отчего мое тело озаряется фейерверком.

— О Боже мой... — Задыхаюсь я.

Двигая губами вниз, он задирает мою юбку, чтобы найти под ней трусики.

— Ложись, — рычит он сексуальным приказом, и я подчиняюсь.

Глядя в потолок, чувствуя себя пьяной, когда он качается и расплывается у меня перед глазами, я чувствую лицо Эмерсона между своих бедер. Он делает долгий вдох через нос, утыкаясь носом во влажную ткань моих трусиков.

Я хочу быть застенчивой. При любом другом раскладе или с любым другим мужчиной я бы так и поступила, но с ним я просто позволяю себе чувствовать это, не слишком задумываясь о том, что прошло уже пару дней с тех пор, как я брилась, или о том, смущает ли меня тот факт, что я так возбуждена.

— Боже, ты промокла насквозь, — шепчет он.

Его пальцы проникают под пояс моих трусиков, и он срывает их с неистовым рвением. Не колеблясь, он проводит своим широким языком по щели с пронзительным стоном.

— Ты такая чертовски вкусная.

Клянусь, он не выныривает, чтобы глотнуть воздуха, и я понятия не имею, как после того, как он по крайней мере пять минут жадно лизал мою киску, он не задохнулся. Звуки, которые я издаю, совсем не похожи на те, которые я когда-либо издавала раньше. С Эмерсоном нельзя притворяться или форсировать события. Все кажется таким приятным.

— Я собираюсь кончить, — выдыхаю я, обхватывая ногами его голову.

Он напевает еще громче, посылая нежные вибрации прямо в мое сердце. Когда он чувствует, что мои бедра начинают дрожать, он просовывает палец и жадно посасывает мой клитор.

Вводя в меня один, затем два, он сжимает их как надо, и я вспоминаю о той неуловимой точке G, о существовании которой я даже не подозревала до вчерашнего дня. Мне кажется, что всего этого слишком много и в то же время недостаточно, как будто я не могу больше терпеть ни секунды, но никогда, никогда не хочу, чтобы это прекращалось. Я сейчас взорвусь, или умру, или закричу, или что-нибудь в этом роде. Затем он набирает скорость и жадно рычит у меня между ног.

Мое тело извергается от удовольствия.

Запустив кулаки в его волосы, я кончаю так сильно, что мои бедра отрываются от стола, и я начинаю терять счет времени. Мое тело погружено в эйфорию на часы, а не на секунды, и когда я начинаю приходить в себя после оргазма, который я не хочу заканчивать никогда, в пальцах рук и ног возникает легкое жужжание.

Эмерсон встает и вытирает рот.

— Ты такая красивая, когда кончаешь, — стонет он, целуя мой живот, а затем грудь.

Я смутно ощущаю, как он открывает ящик стола и что-то вынимает. Когда я поднимаю глаза, он уже засовывает свой член в резинку.

— Мне нужно трахнуть тебя сейчас, — бормочет он мне в шею.

Возбуждение поражает меня до глубины души, как молния. Возможно, я только что испытала оргазм, но я хочу большего.

Обхватив его лодыжками за талию, я смотрю ему в глаза и притягиваю к себе.

— Я готова.

Тупой конец его члена прижимается к моему намокшему центру, когда он обхватывает обе мои ноги своими руками. И одним быстрым рывком он насаживает меня на свой член, быстро пронзая меня и погружаясь до конца. Настоящий рев, срывающийся с его губ, кажется сюрреалистичным.

Не отрывая от меня взгляда, он с силой погружается в меня, делая паузу, как только усаживается полностью, только для того, чтобы выйти и снова войти. Мои пальцы на ногах поджимаются, а пальцы вцепляются в стол. Удовольствие от того, что он внутри меня, настолько сильно, что я готова расплакаться.

Он начинает набирать скорость, кряхтя с каждым толчком, и в какую бы точку он ни попал внутри меня, кажется, что он раскрыл какой-то скрытый код блаженства, потому что я уже чувствую желание кончить снова.

Держа мои ноги в своих объятиях, он врывается в меня снова и снова. Это восторг, еще один приступ ощущений, но на этот раз по-другому, менее интенсивно, но более всепоглощающе... и так чертовски хорошо.

— Я снова кончаю, — кричу я, и он продолжает набирать скорость, пока я лежу с закрытыми глазами, погруженная в абсолютное блаженство.

Приподняв меня, он резко целует меня в губы.

— Открой глаза, Шарлотта, — приказывает он, и я повинуюсь.

Когда наши глаза встречаются, он рычит:

— *Боже, я люблю трахать тебя.*

Я обвиваю руками его шею, наблюдая за выражением его лица, когда он врывается в меня. Я запоминаю выражение удовольствия на его лице, звуки, которые он издает, когда рычит и постанывает с каждым толчком. Я делаю это с ним, напоминаю я себе. Я свожу его с ума и заставляю выходить его из-под контроля, и он это знает.

Когда наши взгляды прикованы друг к другу, он врывается в меня еще сильнее и быстрее, его стоны превращаются в громкие пронзительные крики удовольствия. Мои ногти впиваются в его спину, когда я прижимаюсь к его телу. Когда он кончает, комната практически сотрясается от звука, исходящего из его рта.

Я лишаюсь дара речи, уставившись на него снизу вверх без единой рациональной мысли в голове. В данный момент через меня проходят только эмоции — такие эмоции, как *удовлетворение, обожание и желание*. Так много желаний.

Я снова целую его, прижимая его грудь к своей, чувствуя его учащенное сердцебиение, пока мы оба переводим дыхание. И пока мы обнимаем друг друга, я мысленно произношу безмолвную молитву.

Боже, пожалуйста, пусть это будет единственный мужчина, с которым я буду трахаться всю оставшуюся жизнь, потому что нет ни единого шанса, что кто-то другой когда-нибудь сможет превзойти его.

ПРАВИЛО № 24: РАБОТАТЬ НАМНОГО ПРИЯТНЕЕ, КОГДА ТЫ ТРАХАЕШЬСЯ СО СВОИМ ГОРЯЧИМ БОССОМ

Шарлотта

Эмерсон несет меня наверх, в свою комнату. Затем он осторожно раздевает меня, пока я не оказываюсь перед ним обнаженной. Следующим снимается его одежда. Прежде чем забраться в свою огромную кровать, он снова целует меня, на этот раз нежно.

Откидывая одеяло, он жестом приглашает меня забраться в постель. Когда он скользит своим огромным обнаженным телом по моему, я улыбаюсь.

Когда это произошло? И почему я так чертовски счастлива?

Глядя на него снизу вверх, я думаю о том, как много изменилось за последние два месяца. Как развивались мои чувства к нему. Когда я перестала смотреть на него как на слишком старого? Слишком закрыто.

Потому что теперь я вижу в нем только своего. Мое... что-то, я не знаю. Больше, чем мой босс, но не только мой любовник.

Мой сэр.

На этот раз мы не будем торопиться. Вместо этого он ложится на меня сверху, его локти обрамляют мое лицо, пока он гладит меня по волосам и осыпает поцелуями мое лицо, шею и грудь. Наша жажда была утолена, но наш аппетит не был полностью удовлетворен.

Он роется в тумбочке в поисках другого презерватива, и я смотрю, как он надевает его, мои глаза прикованы к тому, как его пальцы натягивают резинку на его напряженный член.

Когда он ложится на меня сверху, он заключает меня в объятия, крепко сжимая, когда скользит внутрь. И все это время, пока его тело движется в томных, чувственных движениях, наши губы сомкнуты, а сердца бьются в унисон.

Должно быть, я задремала, просыпаюсь пару часов спустя, прижавшись к груди Эмерсона. Он проснулся, гладит меня по спине, читая что-то в своем телефоне.

— Который час? — Спрашиваю я..

— Сейчас полночь, — отвечает он, целуя меня в лоб.

— Мне, наверное, пора идти, — говорю я, но как только я это говорю, моя рука крепче обхватывает его тело, и я не могу представить, как буду вылезать из его теплой постели.

Когда он смотрит на меня сверху вниз, я вижу намек на недовольство в его глазах.

— Я понимаю. Я бы не хочу, чтобы моя мама волновалась.

Что-то в этом заставляет меня чувствовать себя такой юной. Мне двадцать один, и, хотя на заднем дворе стоит домик у бассейна, я все еще вроде как живу со своей мамой.

Снова нахлынуло тревожное чувство того, что Эмерсон не достоин этого.

— Я уверена, что она уже спит, так что ничего страшного, но мне завтра на работу.

Я улыбаюсь ему, сжав губы, и он улыбается в ответ, поглаживая мой голый живот своей мягкой, большой рукой.

— Я думаю, ты можешь прийти завтра немного попозже.

— Я не хочу этого делать. Я буду здесь рано утром.

— Хорошо.

Наконец, я заставляю себя вылезти из-под одеяла и снова натягиваю юбку.

— Наверное, мне придется ехать домой в таком виде, — говорю я, показывая ему свою блузку, теперь уже без пуговиц.

— Ни за что, — говорит он с гримасой.

Не имея на себе ни клочка одежды, он встает с кровати и подходит к своему комоду, где достает футболку.

Я не могу сказать вам, какого цвета или размера эта рубашка, потому что мое внимание приковано к обнаженной заднице Эмерсона Гранта.

Он поворачивается ко мне, и я изо всех сил стараюсь не пялиться на его наготу. Я имею в виду... У меня только что была эта чертова штука во рту. С чего бы мне краснеть из-за этого сейчас?

— Ты в порядке? — спрашивает он, когда замечает, что я не двигаюсь.

Я поджимаю губы и смотрю ему в лицо.

— Я в порядке.

Он смеется надо мной, когда я снимаю свою блузку и надеваю его рубашку. К моему разочарованию, он надевает свои черные боксеры, прежде чем проводить меня до двери.

— Я бы хотел, чтобы ты осталась, — шепчет он, заключая меня в свои объятия.

Я вдыхаю аромат его кожи и рубашки, которая на мне, и желаю того же.

— Я тоже.

— Но я действительно с нетерпением жду возможности увидеть тебя утром на коленях, — говорит он низким голосом, и дрожь пробегает у меня по позвоночнику.

Я смотрю на него снизу вверх с вожделением в глазах.

— Надень для меня завтра что-нибудь сексуальное, Шарлотта.

— *Да, сэр.*

— Теперь нам будет так весело, — добавляет он, и эти слова не выходят у меня из головы всю дорогу домой и даже после того, как я забираюсь в свою постель, заново переживая каждый прекрасный момент сегодняшнего вечера.

На следующее утро я надеваю наряд, который он так любит, — прозрачная блузка и обтягивающая юбка. Наверное, никогда еще мне так не хотелось идти на работу. Но, думаю, я никогда раньше не ожидала, что меня будут ругать и я получу множественные оргазмы на работе.

Я захожу внутрь, когда прихожу к нему домой на пять минут раньше. Его нет в кабинете, и я подумываю обыскать его дом, но знаю, что он предпочел бы, чтобы я ждала его.

Сбросив пальто и туфли, я беру подушку со стула и кладу ее посреди комнаты. Я опускаюсь на колени как раз в тот момент, когда слышу его отдаленные шаги где-то в доме.

Я опускаю голову, и мое тело загорается в предвкушении, когда я слышу стук его ботинок по полу.

Он на мгновение замолкает, прежде чем подойти ко мне, дотронуться до моего подбородка и запрокинуть мою голову назад, так что я смотрю на него снизу вверх — *точно так же, как он делал в тот первый день.*

— Такая хорошая девочка, — бормочет он, и я вдыхаю это.

Эти слова — заряд серотонина для моей души. Они говорят мне, что я в безопасности, меня обожают, меня ценят, и мне вообще не о чем беспокоиться в этом мире.

Он наклоняется и мягко прижимается своими губами к моим. Это нежный, быстрый поцелуй, и я уже хочу большего. После того, как он выпрямляется, он идет к своему столу.

— С этого момента тебе нужно больше спать, Шарлотта. Если ты собираешься отсутствовать до часу ночи, тебе нужно оставаться дома до десяти следующего дня, понятно?

— Да, сэр, — мурлычу я.

— Хотя я бы предпочел, чтобы ты вообще не выходила на улицу так поздно ночью. Возможно, тебе стоит подумать о том, чтобы остаться до утра.

Я улыбаюсь про себя, мои глаза все еще прикованы к полу.

— Да, сэр.

Когда я стою на коленях, а он сэр, а не Эмерсон, он так хорошо играет свою роль. Лишь немного отличающийся от того, кем он является ежедневно, я люблю эту силу, которую он проявляет. Это заставляет меня чувствовать себя так... особенно. Я не знаю, как выразить это чувство словами. Как будто он — это все, и за пределами этой комнаты ничего не существует. У меня нет другой цели, и это действительно заставляет меня чувствовать себя умиротворенной.

Отсутствие другой цели означает отсутствие других забот. Ни платы за дом, ни борющейся с трудностями младшей сестры. Ни отчужденного отца, ни распавшейся семьи. И никакого бывшего парня.

В этом пространстве есть только он и я.

Мои задачи просты и приносят удовлетворение — пожалуйста, мой сэр.

Меня даже больше не волнует, что кто-то скажет или подумает об этом соглашении. Это делает меня счастливой.

— Иди сюда, Шарлотта, — командует он, и я послушно подползаю к нему.

— Встань.

Я поднимаюсь на ноги, не поднимая глаз. Его пальцы скользят вниз по моей блузке, посылая по мне волну возбуждения.

Он касается одной из кнопок, и я серьезно надеюсь, что он не планирует разорвать эту, как сделал вчера. У меня скоро закончатся рубашки.

Он продевает первую пуговицу в отверстие.

— Я собираюсь снять это на сегодня. Это нормально?

Я нетерпеливо киваю.

— Используй свои слова, Шарлотта.

Я сглатываю.

— Да, сэр.

У меня пересыхает во рту, когда он расстегивает пуговицу за пуговицей на моей блузке и стягивает ее с моего тела, пока я не оказываюсь перед ним в одном лифчике и юбке.

— И это тоже? — спрашивает он, пока его пальцы скользят по коже чуть выше моей юбки. Мне приходится заставить себя снова сглотнуть.

— Да, сэр, — отвечаю я, на этот раз шепотом.

Он жестом велит мне повернуться и расстегивает молнию вдоль спины вниз, позволяя юбке упасть на пол. Прохладный воздух его кабинета касается моей задницы, и по моей коже пробегают мурашки.

Мгновение он молчит, я стою к нему спиной, его пальцы нежно касаются моей руки, и я жду, когда он отдаст мне приказ. Я почти готова к тому, что он перегнет меня через свой стол или заставит встать на колени.

Его губы мягко прижимаются к моему левому плечу, посылая тепло в самое сердце.

— Приступай к работе, — говорит он, легонько шлепая меня по заднице.

— Да, сэр, — отвечаю я, прикусывая губу, чтобы не ухмыльнуться слишком широко.

Сосредоточиться на своей работе оказывается непросто, но мне удастся просмотреть несколько электронных писем и отправить налоговые документы, необходимые бухгалтеру, в течение первых двух часов рабочего дня.

Время от времени я чувствую на себе взгляд Эмерсона. Он смотрит на меня голодным взглядом, но я никогда не оглядываюсь, наслаждаясь его вниманием во время работы.

Когда я приношу ему кофе, он касается моих голых ног, проводит пальцами по внутренней стороне бедра, и мне хочется взорваться, но я остаюсь в роли.

— Еще что-нибудь нужно, сэр? — спрашиваю я с легкой дрожью в голосе.

Он специально сводит меня с ума. Я не знаю, то ли он сейчас пудрит мне мозги, потому что это не входит в его фантазии о секретарше, то ли он просто снимает напряжение.

Может быть, когда рабочий день закончится и мы выйдем из ролей, мы сможем подняться к нему в комнату и вытворять друг с другом нечестивые вещи.

Хотя, если честно, я отчасти надеюсь, что он поступит так же, когда я секретарша.

Наверное, это фантазия, о существовании которой я и не подозревала.

— Пока это все, Шарлотта.

Мое имя слетает с его языка, как шелк, скользящий сквозь пальцы. Меня больше не волнует, что он не называет меня Шарли. Это заставляет меня чувствовать, что я принадлежу ему и только ему, и мне это нравится.

Перед обедом он кладет ручку на стол. Я бросаю на него взгляд, чтобы понять, в чем дело.

— У меня сегодня что-то не получается что-либо сделать, Шарлотта. Ты отвлекаешь меня, и все, о чем я могу думать, это о том, как прекрасна эта киска у тебя между ног.

Он наклоняется вперед и бросает коварный взгляд в мою сторону.

Едва заметная улыбка приподнимает уголки моих губ.

— Прошу прощения, сэр. Могу ли я чем-нибудь помочь?

— Да. Почему бы тебе не подойти сюда и не прочитать это письмо для меня?

Говорит он таким тоном, что мне кажется, что я буду делать намного больше, чем просто читать электронное письмо.

— Да, сэр, — отвечаю я, отодвигая свой стул и подходя к нему.

Он мягко постукивает рукой по своему бедру, подавая мне знак сесть к нему на колени.

В тот момент, когда я опираюсь на его ногу, его левая рука обхватывает меня за талию, крепко прижимая к своему телу. Он уже возбужден, его эрекция упирается в мою задницу.

Я осторожно двигаю бедрами, чтобы устроиться поудобнее, зная, что это немного сводит его с ума.

Правой рукой он открывает электронное письмо.

— Прочти это, — приказывает он.

Я сглатываю, наклоняюсь вперед и делаю, как он сказал.

— Мистер Грант, форма о федеральном удержании налогов, необходимая для ваших независимых подрядчиков, прилагается. Пожалуйста, ознакомьтесь с инструкциями, приведенными здесь, для получения дополнительной информации. Спасибо, Майлз Уорд, дипломированный бухгалтер.

— Нажми на ссылку, — добавляет Эмерсон.

Его рука гладит мой живот, добирается до груди и сжимает правую. Я нажимаю на ссылку, и она открывает налоговую форму.

— Прочти это.

— Все это? — спрашиваю я.

Он дергает меня за правый сосок, и я выкрикиваю.

— Ты спрашиваешь меня, Шарлотта?

— Нет, сэр, — отвечаю я.

Все это явно налоговый жаргон и очень скучно, так что я не совсем уверена, к чему он клонит. Действительно ли ему нужно знать все это сейчас? Как будто он вообще собирается сохранить это.

И все же я делаю, как он говорит.

— Заполните форму 1099 прочие доходы на каждого человека в ходе вашей деятельности, которому вы выплатили следующее в течение года...

Пальцы его левой руки проскальзывают в мои трусики и скользят по моему клитору. Я замираю, потому что это так приятно после нескольких часов ожидания прикосновения.

Мои глаза закрываются, и я стону от его прикосновений.

— Продолжай, — рычит он, останавливая свои движения.

Нервно сглотнув, я открываю глаза и повинуюсь.

— Каждое лицо, с которого вы удержали какой-либо федеральный подоходный налог в соответствии с правилами резервного удержания, независимо от суммы платежа...

Мой голос затихает, когда он погружает палец внутрь меня, легко скользя по скопившейся влаге. Я издаю тихий стон удовольствия.

— Продолжай, Шарлотта.

Когда я перечитываю следующий абзац скучного юридического жаргона, мне становится почти слишком трудно дышать, не говоря уже о том, чтобы говорить.

Его палец погружается глубоко, в то время как рука изысканно трется о мой клитор, и каждый раз, когда я пытаюсь покачать бедрами для большего трения, он останавливает мое тело, крепко сжимая мои бедра.

Я едва ли правильно читаю; я пропускаю слова и подпрыгиваю, потому что знаю, что он не обращает внимания ни на что из того, что говорится в этом документе Налоговой службы, но я знаю, что он пытается проверить меня.

— Прочти последнюю часть еще раз, — говорит он с придыханием, в то время как его пальцы сжимают меня еще сильнее, толкаясь в меня, не позволяя мне сдвинуться ни на дюйм.

— Для всех юридических лиц... которые отчитываются в рамках выполнения вашего требования о представлении отчетности...

Черт возьми, я застряла где-то между раем и агонией.

— Что касается счета в США... — Мой голос срывается. — ...Для целей главы 4, как описано в разделе один... четвертый Правил...

Мои пальцы вцепляются в стол, и перед глазами все расплывается.

— Продолжай читать, — ворчит он.

Я вскрикиваю.

— Четыре... точка пять... секция шесть.

— Черт, — рычит он.

Поспешно встав, он наклоняет меня над столом. Роясь в ящике стола в поисках

презерватива, он вытаскивает один и вслед за ним расстегивает ремень. Я тяжело дышу над его столом, моя киска все еще пульсирует от оргазма и с нетерпением ждет прикосновения его члена.

Мои тонкие хлопчатобумажные стринги снимаются быстрым движением. Затем он сильно толкается, прижимая мое тело к столу.

Боже, это так приятно быть наполненной им. Мои пронзительные крики наполняют комнату, в то время как он безжалостно колотит меня. Его пальцы впиваются в мои бедра, а его тело врезается в мою задницу.

— Посмотри, что ты делаешь со мной, Шарлотта, — рычит он, и его голос звучит как у сломленного мужчины.

— Сидишь вон там в этих распутных трусиках. Ты делаешь это нарочно, не так ли?

— Да, сэр, — выдыхаю я, мое тело готовится к очередному оргазму.

Мне нравится эта дикая версия Эмерсона, так непохожая на настоящего, серьезного босса, каким он обычно является. И мне нравится, что я делаю его таким еще больше.

— Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя на своем столе, как маленькую шлюху?

Его голос напряжен, и я знаю, что он близок к этому. Я чувствую себя такой грязной, любя то, как его декрадация заставляет заставляя меня чувствовать себя.

— Да, сэр, — я почти кричу от потока ощущений, проносящихся по моему телу.

— Ты моя маленькая грязная шлюха, не так ли? — Рычит он.

— Да, сэр!

— Вот что ты получишь за то, что соблазняешь меня. Скажи мне, что тебе жаль, Шарлотта.

Его толчки становятся еще более грубыми и дикими, отправляя меня в штопор, когда я кончаю, и, клянусь, мои ноги отрываются от земли. Мое тело напрягается, моя киска пульсирует вокруг его члена.

— Простите, сэр, — кричу я, задыхаясь от стога.

Его карающие толчки замедляются, когда он кончает с громким стоном.

Всего через секунду после того, как он заканчивает, я оказываюсь в его объятиях. Все еще находясь внутри меня, он поворачивает меня к себе и целует с такой страстью, что я чуть не растекаюсь по ковру. Сильные руки обхватывают меня за талию, крепко прижимая к себе.

Это должно быть так приятно, или я просто слишком многого хочу? Не только секс, хотя это здорово. Но то, как Эмерсон заставляет меня чувствовать себя такой защищенной и любимой. Я имею в виду... он только что закончил называть меня грязной шлюхой, и я все еще чувствую, что он никогда по-настоящему не разговаривал со мной свысока и не заставлял меня чувствовать себя нестандартной, даже когда мы играем роли, где я буквально уступаю ему.

Все это кажется таким иронично-сюрреалистичным. Как будто это не должно сработать, но это работает. И я знаю, что это всего лишь временное явление, и я не должна привязываться, но в глубине души я цепляюсь за надежду, что Эмерсон смирится с тем фактом, что я встречалась с его сыном, и позволит этому между нами быть настоящим.

И мне действительно следовало бы уже усвоить свой урок, *когда дело доходит до надежды. Это всегда заканчивается разочарованием.*

ПРАВИЛО № 25: ДАЙТЕ ЕМУ ВОЗМОЖНОСТЬ УДИВИТЬ ВАС, И ОН ЭТО СДЕЛАЕТ

Шарлотта

— Тебе не кажется, что я немного староват для пиньяты? — спрашивает Софи, пока я стою на стремянке посреди катка.

— Ммм... я на шесть лет старше тебя, и я собираюсь выкрутиться из этой шуки к чертовой матери и наслаждаться каждой секундой.

Она закатывает глаза. Когда я спускаюсь вниз, мы восхищаемся делом моих рук.

— Я думаю, это выглядит великолепно!

— Это похоже на гигантский пенис с герпесом, — отвечает она, и я ахаю.

Она смеется, когда я толкаю ее.

— Это гриб! Я работала над этим всю ночь.

— Во-первых, это поганки, и я думаю, что верхняя часть должна быть намного больше.

— Что ж...

— Я просто шучу. — Она смеется, обхватывает меня руками и сжимает в медвежьих объятиях.

— Мне это нравится.

— Спасибо. — Я сжимаю ее в ответ.

— Кроме того... мы собираемся колотить по нему, пока все не получится как надо, так что с таким же успехом это может быть ручка...

— Софи Андервуд! — Я вскрикиваю. — Тебе пятнадцать лет! Следи за своим языком.

Она хихикает, подбегая к праздничному столу, где мама расставляет закуски и напитки. Мой телефон жужжит в заднем кармане, и я достаю его.

— Я собираюсь рассказать маме, что ты только что сказала! — кричу я сестре, открывая свой телефон, чтобы проверить сообщения.

Мое сердце учащенно бьется, когда я вижу имя Эмерсона. И его сообщение заставляет меня на мгновение задуматься.

Мне нужно, чтобы ты немедленно пришла.

Я быстро печатаю ответ.

Почему? Что не так?

Я скучаю по тебе.

Нам следует поговорить о том, что ты работаешь по выходным. Нельзя ожидать, что я буду читать свои собственные электронные письма два дня подряд.

Моя улыбка растягивается на лице, и я знаю, что выгляжу как идиотка, стоя здесь и улыбаясь так ярко, что у меня болит лицо.

Я приду вечером, — отвечаю я.

Чем ты сейчас занимаешься?

Мне нужно немного подумать, как реагировать. Я разговаривала с Эмерсоном о своей личной жизни, но это было, когда я была всего лишь его сотрудницей. Все изменилось. Я не должна так нервничать из-за того, что делюсь с ним еще немного. Не то что мы встречаемся. Мы просто исключительно трахаемся — много — и иногда разыгрываем какие-нибудь извращенные секретарские штучки.

Но со всеми этими траханиями и предварительными играми кажется странным

привносить в обычную жизнь что-то особенное.

Он хочет увидеть меня голой и трахнуть у себя за столом, но волнует ли его моя домашняя жизнь или то, чем я занимаюсь ради развлечения? Я хочу сказать, что он знает, но это говорит моя надежда.

Я собираюсь ответить чем-нибудь кокетливым, например, *подумай о том, что ты сделал со мной вчера*, но это не то, что печатают мои пальцы. Вместо этого я печатаю совсем другое...

Готовлюсь к вечеринке по случаю дня рождения моей младшей сестры на катке. Сегодня ей исполнилось пятнадцать.

Какое-то время все тихо. Никаких пузырьков при вводе текста. Никаких сообщений или фотографий.

Я беру стремянку обратно в кладовку, и как только закрываю дверь, мой телефон вибрирует.

Во сколько начинается вечеринка?

Три. Я закончу к шести и поеду к тебе.

Я уверена, что моя сестра будет занята общением со своими друзьями. У нее есть только пара друзей, чьи родители разрешают им приходить к нам домой на ночевки, и она пригласила их обоих сегодня вечером, так что я знаю, что она будет занята, пока я улизну.

Эмерсон мне не отвечает, но вечеринка вот-вот начнется, так что я почти ничего не замечаю. Не успеваю я опомниться, как раздаю коньки ее друзьям и координирую хоки-поки на полу.

По субботам на катке бывает многолюдно, и преимущество того, что мы друзья семьи с владельцем, заключается в том, что мы, по сути, устраиваем вечеринку Софи для всего заведения.

Когда я смотрю на нее и вижу ее сияющую улыбку, когда она сидит между двумя одинаково причудливыми девушками, мне приходится сдерживать желание расплакаться. То дерьмо, с которым ей приходилось мириться последние несколько лет, несправедливо. Над ней издевались в школе. Брошенная собственным отцом.

Я знаю, что моя сестра беспокоится обо мне, и мне бы хотелось, чтобы она этого не делала. Она помогла мне пережить плохие отношения и долгий год, когда я чувствовал себя неудачницей. Это заставляет меня задуматься, что бы она подумала об Эмерсоне. Одобрила бы она его, даже если бы никогда не знала, что происходит за закрытыми дверями?

Конечно, он относится ко мне как к собственности, когда я этого хочу, но когда мы не на сцене, он нежен и любящий.

— Чему ты улыбаешься? — спрашивает моя мама, принося мне белый пластиковый стаканчик, наполненный газировкой.

— Видеть ее улыбку делает меня счастливой, — говорю я, кивая в сторону Софи.

— Да, я тоже. — Она поворачивается ко мне. — Знаешь... видеть, как ты улыбаешься, тоже делает меня счастливой.

Я обращаю свое внимание на свою мать.

— Конечно, это так. К чему ты клонишь?

— Я к тому, что... в последнее время ты много улыбаешься.

Я стараюсь вести себя непринужденно, отмахиваюсь от этого.

— Что ж, дела идут хорошо. Моя работа хорошо оплачивается, у Софи все хорошо. Ты кажешься менее напряженной.

— Угу, — отвечает она поверх своей чашки.

— К чему ты клонишь? — Спрашиваю я.

— Ты уверена, что здесь нет кого-нибудь...

— Мама! Я буквально хожу на работу и возвращаюсь домой. Где бы я вообще могла познакомиться с парнем?

Она смеется с лукавой улыбкой, пытаюсь спрятать от меня свое лицо.

— Я просто говорю. У тебя вид девушки, которая была...

— Я умоляю тебя не заканчивать это предложение.

— Я медсестра скорой помощи, Шарли. Ты думаешь, небольшой разговор о сексе вызовет у меня брезгливость?

— Господи. — Стону я, пряча лицо в ладонях.

Пока я пытаюсь оправиться от унижения, вызванного тем, что моя мать сказала мне, что я выгляжу так, словно меня хорошо оттрахали, она вмешивается:

— Такие мужчины не часто приходят на каток.

— Что? — Спрашиваю я, поднимая лицо.

Мои глаза осматривают комнату, и мое сердце замирает в груди, когда я замечаю гребаного Эмерсона Гранта, вальсирующего по катку, как будто это не самая странная вещь в мире.

Что за...

По какой-то причине я ныряю за прилавок. Вскоре после того, как я опускаюсь на колени, я понимаю, что прятаться было глупой идеей.

— Что ты делаешь? Ты его знаешь?

Если я буду прятаться, может быть, он уйдет. Почему он здесь? Даже рассказывать ему о вечеринке моей сестры было большим шагом. Я чертовски уверена, что не готова к тому, чтоб он с ними встретился! А как насчет Софи?

— Он повсюду расспрашивает о тебе, — добавляет моя мама.

— Твоя тетя Шелли только что указала сюда.

Блять. Блять. Веди себя естественно, Шарли.

Когда я встаю, я пытаюсь выглядеть небрежно, но его взгляд сразу же устремляется на мое лицо. Естественно, в его взгляде я наслаждаюсь вниманием. Это все равно что сидеть под солнечной лампой, впитывая тепло. Его рот растягивается в легкой усмешке.

— Ну, привет, — говорит он небрежным тоном, которого я никогда от него не слышала.

— Привет, — неловко бормочу я.

Моя мама прочищает горло, застряв под перекрестным огнем наших пристальных взглядов.

— О, Эмерсон, это моя мама, Гвен. Мама, это... мой босс... Эмерсон.

Она протягивает руку с нетерпеливой улыбкой.

— Приятно с вами познакомиться!

Моя мама наслаждается еще одним долгим мгновением, глядя на Эмерсона снизу вверх, как на национальную достопримечательность.

Наконец, она оглядывается на меня.

— Я пойду посмотрю, не нужно ли чего Софи, — говорит она, быстро отстраняясь от нашего разговора.

Как только она оказывается вне пределов слышимости, я перевожу взгляд на Эмерсона.

— Что, черт возьми, ты здесь делаешь?

Он смеется, как будто знал, что это выведет меня из себя. Как будто ему нравится видеть, как я нервничаю.

— Ты сказала, в три часа. Я знаю, что меня не приглашали, но я хотел увидеть тебя в твоей стихии.

Ладно, это действительно мило. Черт, почему он такой милый? У нас был уговор: держать это в секрете и просто веселиться, когда сможем. Но теперь он встретил мою маму, и он выглядит чертовски хорошо в этой футболке и джинсах.

Я наклоняюсь над лакированной стойкой и приближаю свое лицо к его лицу.

— Ладно, слушай!

На его лице все еще самодовольная ухмылка, и мне хочется ударить его и поцеловать одновременно.

— Здесь я Шарли, а не Шарлотта, ясно? Здесь нет никаких *да, сэ* или *секретарша*.

— Конечно, — смеется он.

Для меня это ирония судьбы — быть той, кто командует Эмерсоном Грантом, но я думаю, мы уже настолько не в своей тарелке, что все идет своим чередом. И он, кажется, тоже считает это забавным. Затем его взгляд падает на мои губы. Я быстро поднимаю палец.

— И ничего из этого. Ты мой босс.

— Они знают...

— Что ты отец Бо? Нет, но я уверена, что в конце концов они узнают.

Его лицо сохраняет это легкое, веселое выражение с намеком на улыбку, и это так странно для меня. Он далек от задумчивого, серьезного босса, которого я вижу каждый день, но мне это вроде как нравится. Я никогда по-настоящему не видела Эмерсона с этой стороны, и мне кажется, что это просто еще одна его часть, которую я открываю для себя.

— Итак, позволь мне познакомиться с этой именинницей, — добавляет он, постукивая по столешнице.

Небольшое чувство беспокойства наполняет мой желудок. Я доверяю Эмерсону, но что, если он не поладит с ней? У меня есть врожденное чувство защищенности по отношению к Софи, но также и страх, что, если он все испортит, я не смогу смотреть на него так же.

Он поворачивается лицом к катку, где Софи и ее друзья привыкли делать круги вокруг пиньяты.

— Дай угадаю, — говорит он. — Та, что с голубыми волосами?

Я усмехаюсь.

— Да.

Я машу ей рукой, когда она замечает, что мы наблюдаем, ее глаза мгновенно фокусируются на Эмерсоне. Она не смотрит на него с тем же задумчивым выражением, с каким всегда смотрела на Бо. Вместо этого она перекачивается на коньках прямо к низкой стене со своей яркой веснушчатой улыбкой.

— Эй, что случилось?

— Софи, это мой... друг, Эмерсон. Эмерсон, это моя сестра Софи.

Я наблюдаю за выражением его лица, когда он что-то протягивает ей.

— С днем рождения, Софи.

Это большой фиолетовый конверт, и я пытаюсь представить, как он идет по проходам аптеки, выбирая поздравительную открытку для пятнадцатилетней девочки. На моем лице расплывается улыбка.

— Спасибо! — Сияет она.

— Могу я его открыть?

— Конечно, — отвечает он.

Софи вскрывает поздравительную открытку с фиолетовыми блестящими цветами по всей лицевой стороне и улыбается, читая ее. Когда она открывает его, что-то падает на пол. Когда она берет его, я смотрю на него широко раскрытыми глазами, предполагая, что он положил туда немного наличных для нее.

— Тебе действительно не нужно было этого делать...

— О боже мой! — Софи кричит.

Когда она вскакивает с листком бумаги в руках, я спрашиваю:

— Что это?

— Два билета на фестиваль аниме!

— Что? — Кричу я, хватая бумаги. И это не просто два обычных билета, это два VIP-билета.

— Эмерсон!

— Большое вам спасибо! — Софи визжит, подпрыгивая на своих коньках.

— Но... как ты узнал? — спрашиваю я, совершенно сбита с толку.

— Ты рассказывала мне об этом, когда только начинала.

Мой рот приоткрывается. Я помню тот день, когда я болтала без умолку и думала, что он даже не обращает на меня внимания. Он действительно слушал.

У меня мурашки бегут по рукам, когда я смотрю на билеты, а затем снова перевожу взгляд на него.

Он вообще знает, как много это для меня значит? Что после того, как мою машину починили, я больше не смогла позволить себе купить VIP-билеты, даже с той зарплатой, которую он мне платит. Знает ли он, что тот факт, что он выслушал меня и вспомнил после всех этих недель, значит больше всего на свете?

Слезы подступают к моим глазам, и я быстро отворачиваюсь, смаргивая их.

— Что это? — спрашивает моя мама, услышав реакцию Софи.

Я вручаю ей билеты, и Софи с гордостью объявляет, что собирается на фестиваль аниме. И я пытаюсь улыбнуться и вести себя нормально, но я чувствую на себе его взгляд и не могу избавиться от ощущений, что, хотя все это так удивительно, а он так невероятно совершенный, на каком-то уровне я ненавижу его за это.

Я ненавижу его, потому что, в конце концов, я не могу его удержать.

ПРАВИЛО № 26: НЕ БОЙТЕСЬ НЕБОЛЬШИХ НЕПРИСТОЙНЫХ РАЗГОВОРОВ

Шарлотта

— Эмерсон, ты пойдешь с нами на вечер в кино? — Спрашивает моя мама, когда он помогает отнести все подарки Софи в машину после вечеринки.

Мои глаза расширяются.

У нас с Эмерсоном были довольно четкие планы относительно его места после вечеринки, поэтому я бросаю на него быстрый, но бессловесный взгляд, который, я надеюсь, переводится как *просто скажи нет*.

К моему крайнему разочарованию, он быстро отвечает:

— Я бы с удовольствием,

И выражение моего лица меняется на такое, которое говорит: *Какого хрена?*

Но потом он улыбается, и я просто нечасто вижу эту улыбку, и это такая милая улыбка.

— Я поеду с тобой, — говорю я ему, когда Софи и две ее подруги забираются на заднее сиденье маминого седана.

И я определенно не упускаю лукавого выражения на лице моей матери, когда мы с ним удаляемся в дальний конец стоянки, где он припарковал свою машину. Забравшись внутрь, мы смотрим, как отъезжает машина моей мамы, прежде чем он хватает меня сзади за шею и притягивает мое лицо к своему.

Мы целуемся с пылом двух людей, которые часами ждали именно этого момента. Все это накопленное желание выплескивается наружу во время одного очень жаркого сеанса поцелуев над консолью его машины. Его губы безжалостны и требовательны, они пожирают мой рот и едва оставляют меня без достаточного количества воздуха, чтобы дышать. Ну что ж, мне не нужно дышать. *Он просто нужен мне.*

Его руки опускаются к моей груди, но когда я тянусь к выпуклости спереди на его джинсах, он хватает меня за запястье.

— Я не думаю, что это такая уж хорошая идея. — Рычит он мне в рот.

— Я думаю, это отличная идея.

— Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя на переднем сиденье этой машины, на глазах у проходящих мимо людей, чтобы нас обоих отправили в тюрьму? Потому что, если ты прикоснешься к нему, это именно то, к чему все пойдет.

— Оно того стоило, — бормочу я, снова протягивая руку.

— Веди себя прилично, Шарлотта.

Использование моего другого имени заставляет меня немедленно повиноваться.

Словно звон колокольчика, он может просто приручить меня одним словом и немного изменить интонацию своего голоса. И вот так просто я становлюсь покорной.

Надув губы, я отстраняюсь и откидываюсь на спинку сиденья.

— Знаешь, нам действительно не обязательно идти на вечер кино.

— Я знаю.

— Тогда зачем мы это делаем?

Он перегибается через консоль и сжимает рукой мое бедро.

— Потому что мне нравится видеть тебя в окружении твоей семьи, а мне нравится твоя семья.

Когда он начинает отъезжать, я хочу сказать ему, что он только делает все хуже. Предполагается, что мы должны хранить это в секрете, и мы должны смириться с тем, что это никогда не сработает.

Предполагалось, что это просто секс.

Когда мы подъезжаем к моему дому, я напрягаюсь в ожидании момента, когда он войдет внутрь. Я люблю наш дом, но это наш семейный дом. В обычный день это немного хаотично, но сейчас в нем участвуют три очень взволнованные девочки-подростка, и это просто не атмосфера Эмерсона.

Мы встречаем мою маму на кухне, которая занята приготовлением попкорна и закусок, в то время как девочки собираются в гостиной, выбирая фильм. Они согласны с японским мультфильмом *Унесенные призраками*, честно говоря, одной из моих любимых, но оценит ли это Эмерсон?

Кажется, я не могу расслабиться, потому что слишком занята беспокойством о том, заметит ли он грязную посуду в раковине после завтрака или стопку белья, все еще сложенную на лестнице в ожидании, пока Софи уберет ее. А мамаина Какаду не перестает прыгать у него на ноге, нюхать его джинсы, и я просто хочу забрать его из этого места.

Затем я смотрю на его лицо. И он снова улыбается. Расслабленный и смеющийся с моей мамой, пока она рассказывает ему несколько своих любимых историй из *Скорой помощи*, смешных, конечно.

И вдруг для меня все перестает иметь смысл.

Все похвалы Эмерсона, то, как он говорит мне, что я такая совершенная, безупречная и хорошая... он просто играл свою роль. Все это было ненастоящим. И если это было так, то как он сейчас относится к моей реальной жизни? Ничто из этого не является совершенным или безупречным. Это полный бардак. И обычно меня это устраивает, но я не могу быть для него Шарлоттой и Шарли. Он никогда не должен был видеть ничего из этого, так почему же он не бежит куда подальше? Как я могу снова стать Шарлоттой в понедельник, когда он знает, какая я на самом деле?

После того, как закуски приготовлены и начался фильм, девочки садятся на пол, а моя мама садится в глубокое кресло, оставляя диван для меня и Эмерсона. Он садится на край, скрестив ноги, положив одну лодыжку на противоположное колено и опираясь на подлокотник. Он слишком жаркий, чтобы находиться в моей гостиной. Чертовски сексуальный.

Когда мы смотрим фильм, он, кажется, искренне увлечен, но время от времени я ловлю на себе его пристальный взгляд, как будто я интереснее фильма. В какой-то момент он кладет руку на спинку дивана, и я обнаруживаю, что прислоняюсь к нему, пока мы на самом деле не оказываемся в объятиях с мамой всего в паре футов от нас.

Как всегда, она все равно засыпает через пятнадцать минут. И как только в конце идут титры, девочки уходят в комнату Софи. Эмерсон поворачивает ко мне голову в тускло освещенной комнате. Я оглядываюсь на него, и это такой тихий и интимный момент, что кажется почти сюрреалистичным.

Он наклоняется вперед и прижимается губами к моему лбу.

Опять же, я так сильно его ненавижу. Почему он так поступает со мной?

Отстраняясь, он шепчет:

— Хочешь показать мне свою комнату?

Тихий смешок срывается с моих губ. Он шутит. За исключением того, что он выглядит

так, словно на самом деле ждет ответа.

— Почему бы нам не вернуться к тебе домой? Я могу остаться на ночь.

Он гладит меня по щеке.

— Я хочу увидеть твоё место.

— Но это крошечный бассейн, и...

Его палец прижимается к моим губам.

— Покажи мне.

Стараясь не разбудить маму, мы вдвоем на цыпочках выходим из гостиной и направляемся к задней двери. Я не могу перестать думать о том, какая это плохая идея, и пытаюсь вспомнить, положила ли я свою грязную одежду в корзину для белья или она все еще разбросана по полу.

Когда мы подходим к двери моей студии, он обнимает меня сзади, обхватывая руками за талию и целуя в шею.

Боже, неужели он думает, что мы собираемся делать это здесь? На той же двуспальной кровати, которая была у меня с пятнадцати лет?

Как только мы входим, он начинает оглядываться по сторонам, как будто действительно ценит мое пространство.

— Это не так уж много, — говорю я.

Взяв меня за руку, он притягивает меня к себе и целует, слова слетают прямо с моих губ. Он такой приятный на вкус, и я хочу всего в этот момент, только не здесь.

— Почему ты так нервничаешь? — спрашивает он, заключая меня в свои объятия.

— Я не нервничаю... Я просто...

— Думаешь, мой возраст беспокоил твою маму?

— Ты что, шутишь? Моя мама самая крутая. Вот если бы мой отец был здесь... — говорю я, представляя, как мой отец взбесился бы при мысли о том, что я буду с мужчиной на пару лет моложе его.

Хорошо, что он никогда этого не узнает.

— Я так и думал. Кстати, сколько лет твоим родителям?

— Я не собираюсь отвечать на этот вопрос, — отвечаю я, хватая его за лицо и притягивая к себе для еще одного поцелуя.

Независимо от того, насколько я нервничаю, мое тело загорается от его прикосновений, желая обладать им еще больше.

Но каждый раз, когда я пытаюсь оттащить его к кровати или двери, он стоит на своем. Вместо этого он начинает просматривать фотографии в рамках на моей книжной полке.

Фотографии меня... в подростковом возрасте.

— О Боже, пожалуйста, остановись, — кричу я, пытаюсь оттолкнуть их, но он сопротивляется мне.

— Я хочу посмотреть.

Естественно, он выигрывает, подавляя меня, когда просматривает их все.

Когда он натывается на фотографию, на которой мы с Софи были детьми в Диснейленде, я превращаюсь в ледышку.

— Это мило. Кто это? — спрашивает он.

На фотографии Софи было шесть, а мне двенадцать. Вместо голубых волос, которые у нее сейчас, они были коротко подстрижены. Учитывая синюю футболку Олафа, шорты и легкие кроссовки, я понимаю, почему Эмерсону пришлось спросить, кто это на фотографии.

Потому что, когда он смотрит на фотографию, он видит маленького мальчика.

И я не могу ему лгать.

— Это Софи, — отвечаю я, беру фотографию и смотрю на нее.

Я напрягаюсь, ожидая его реакции. Я думаю, возможно, он будет задавать вопросы или избегать всего этого вместе взятого, потому что это доставляет ему дискомфорт. Вместо этого я чувствую, как его руки обхватывают меня за талию, а губы прижимаются к моему уху.

Мои глаза не отрываются от фотографии, и я позволяю себе вернуться к тому дню в своей памяти.

— Наши мама и папа пригласили нас на ее день рождения, потому что она была одержима *Холодным сердцем*. Одержимой. Деталь, которую она будет отрицать по сей день, потому что, конечно, сейчас это супер-клише.

Он смеется мне в ухо.

Но счастливое воспоминание портит мне настроение. Потому что годы спустя, когда Софи сменила свое имя и призналась моим родителям, это вызвало раскол в нашей семье, в котором она несправедливо винит себя.

— Ты очень заботишься о ней, — бормочет он, как будто это что-то смелое или похвальное.

Как будто делать самый минимум, любить кого-то безоговорочно это — так здорово.

— Я должна быть такой. Он ушел от нас, потому что... — Я сглатываю.

Боже, я не хочу плакать, не здесь, в такой хороший момент, и уж точно не перед ним.

Но что-то в том, как он сжимает меня крепче, заставляет меня чувствовать себя в безопасности, как будто я могу обнажить свою душу, не будучи уязвимой.

— Я не понимаю, как люди могут так плохо любить. Как он мог причинить вред своим собственным детям из-за собственного эгоистичного невежества? Как ты можешь утверждать, что любишь кого-то, и причинять ему такую сильную боль?

— *Это не любовь.*

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Тот же самый задумчивый мужчина, который хмуро смотрел на меня, когда я прочитала по его ладони, внезапно узнал о любви. Потому что, конечно, он это делает. Я видела, как он старается вернуть Бо в свою жизнь, как он корит себя за то, что делает со мной.

— Я вижу, как ты относишься к ней, как замечательно ты относишься к своей семье, Шарлотта.

Я быстро качаю головой.

— Нет, я всего лишь делаю то, что должна...

Прерывая меня, он берет меня за лицо и притягивает ближе.

— Прекрати это. Перестань недооценивать себя. Держу пари, твои мать и сестра так не думают. Я уверен, они думают, что ты такая же потрясающая, как и я.

Тепло разливается по моему телу, превращая все во мне в кашу. Эмерсон Грант считает меня потрясающей.

— Я в полном беспорядке, — возражаю я. — Посмотри, где я живу. Я неуклюжая, забывчивая и неряшливая...

Его губы прижимаются к моим, когда он бормочет:

— *Ты идеальна.*

Затем он отстраняется и строго смотрит на меня, его голос приобретает более мрачные,

раздраженные нотки.

— А теперь перестань со мной спорить.

Мое лицо мгновенно расслабляется, и напряжение спадает с моих плеч. Я ставлю рамку с фотографией на полку и попадаю в его объятия.

— Да, сэр, — отвечаю я.

— Я собираюсь заставить тебя забыть все плохое, что ты когда-либо говорила о себе. И если я поймаю тебя на том, что ты говоришь что-нибудь самоуничижительное, ты будешь наказана. Ты меня поняла?

У меня дрожь под кожей, от страха или от возбуждения, а может быть, я просто захвачена этим моментом и всем, что он мне говорит. Я быстро отвечаю кивком головы.

Его руки обхватывают мое лицо, когда он выгибает бровь и наклоняет голову ко мне.

— Твои слова, Шарлотта.

— Да, сэр.

— Хорошая девочка, — шепчет он, прижимаясь своим лбом к моему.

Затем он улыбается, и мне кажется, что сцена подошла к концу, и мы снова стали просто самими собой.

Пока он зачесывает мои волосы назад, я смотрю на него снизу вверх, пытаюсь сориентироваться в этом месте, в котором мы находимся. Кто мы такие? Чувствует ли он то, что чувствую я, потому что прямо сейчас мое сердце переполнено настолько невероятно, что это пугает. Когда-нибудь Эмерсон оставит меня, либо потому, что новизна прошла, либо потому, что его сын вернулся в его жизнь и для меня там нет места. Я знаю, что будет чертовски больно, когда этот день наконец настанет, и я не уверена, что когда-нибудь буду готова к этому.

Словно чувствуя беспорядочные, пронизанные страхом мысли, проносящиеся в моей голове, Эмерсон крепко целует меня.

Внезапно меня поднимают на ноги и несут к моей незастеленной кровати. Обвив мои ноги вокруг его талии, он ползет по центру, укладывая меня на подушки.

— Нам действительно не обязательно здесь оставаться, — заикаюсь я. — Мы можем вернуться к тебе домой...

Его губы спускаются к моей шее, когда он втирается мне между ног, выбивая все рациональные слова и мысли прямо из моей головы. Я издаю хриплый стон.

— Тебе это нравится? — Бормочет он, прижимаясь к моей коже.

— Угу.

— Хочешь, чтобы я сделал это снова?

— Да, пожалуйста, — вздыхаю я.

Накрыв мое тело своим, он снова прижимается ко мне своей твердой длиной, посылая волну возбуждения по моему телу. Что-то в этом действии, в том, как двигается его тело, обещание секса сводит меня с ума, и я снова стону.

Мои ноги обвиваются вокруг его талии, когда он целует мою ключицу, спускаясь к груди. Приподнимая подол моей рубашки, он стягивает ее через мою голову.

— Скажи мне, чего еще ты хочешь, Шарлотта.

Я замираю. Грязные разговоры? Я не могу. Одна мысль о том, чтобы произнести эти слова вслух, заставляет меня напрячься.

Его движения прекращаются, и он садится, оставляя мою кожу страстно желать его.

— Я жду... — Дразнит он.

С этого ракурса его большое тело, нависающее надо мной, твердое и пугающее, заставляет меня думать, что я сплю. Я хочу его. Я хочу, чтобы он взял все под свой контроль, доставил мне удовольствие, но также и использовал мое тело для поиска своего собственного. И да, есть миллион вещей, о которых я могла бы подумать, которые он мог бы сделать в этот самый момент, которые мне бы понравились, так почему я не могу выразить их?

Чего я боюсь?

Я закрываю лицо руками. Я не могу поверить, что собираюсь сказать это... вслух... своему боссу... Отцу Бо.

— Шарлотта...

— Я хочу наблюдать за тобой, — выпаливаю я, мой голос приглушен руками.

— Смотреть, как я делаю что?

— Уф... — Стону я.

Это унижительно. Но он буквально велел мне сказать ему, чего я хочу, так что это то, что я делаю. Прежде чем я успеваю продолжить, он наклоняется и убирает мои руки от лица. Взяв оба моих запястья одной рукой, он поднимает их над моей головой, прижимая к подушке.

— Шарлотта, послушай меня. Ты умная, красивая, уверенная в себе женщина. Тебе не нужно, чтобы я говорил тебе, чего ты хочешь. Я хочу услышать это от тебя. Ты заслуживаешь удовольствия так же сильно, как и я, и поверь мне, я ничего так не хочу, как услышать, как ты произносишь самые грязные слова, а потом я хочу сделать все, что ты скажешь. Так скажи это.

Я смотрю на него снизу вверх, мои глаза до краев наполнены похотью.

Черт возьми, этот мужчина. Я облажалась. Разрушена навсегда, потому что у меня нет ни единого шанса, что я когда-нибудь найду мужчину своего возраста, который сможет так говорить со мной, заставлять меня чувствовать то, что он заставляет.

— Я хочу посмотреть, как ты трогаешь себе.

— Попробуй еще раз, — говорит он, глядя на меня сверху вниз, изогнув бровь.

Я должна сделать это еще грязнее.

Боже, почему это так сложно?

— Погладь свой член для меня.

— Неплохо, но я думаю, ты можешь сделать что-то получше.

Его голос придает мне уверенности, поэтому я двигаю бедрами вверх, говоря:

— Я хочу посмотреть, как ты трахаешь себя кулаком, пока не кончишь мне на грудь.

Его лицо всего в нескольких дюймах от моего, и его глаза расширяются, когда я произношу эти слова.

Господи, я не могу поверить, что только что сказала это.

— Черт, это было горячо.

Отпуская мои запястья, он снова садится. Встав на колени между моих ног, он не сводит с меня глаз, расстегивая свои джинсы.

— Сними и свои тоже, — приказывает он.

Я быстро расстегиваю шорты и стягиваю их с ног. После того, как его джинсы расстегнуты, он тянет вниз молнию. Но прежде чем вытащить свой член, он щелкает резинкой на моих стрингах.

— И это тоже. Дай мне посмотреть на тебя.

После всего, что мы сделали вместе, почему я так нервничаю из-за того, что стою перед ним голая? Я все равно снимаю их, затем расстегиваю лифчик, и вот я лежу перед ним, растянувшись на своей кровати, обнаженная в тусклом свете прикроватной лампы.

Он двигается, чтобы вытащить свой член, но останавливается. Его руки пробегают от моих бедер до самой груди, и есть что-то такое в том, как он смотрит на мое тело. Его взгляд полон благоговения, когда он пожирает меня глазами.

— О чем ты думаешь? — игриво спрашиваю я, но он не отвечает.

Вместо этого он целует каждую мою грудь, заставляя мою спину выгибаться дугой, а мозг забывать свое собственное имя.

— Итак, ты хочешь посмотреть, да? — спрашивает он, поднимаясь.

Стягивая джинсы, он, наконец, вытаскивает свой член, и я не могу оторвать глаз. Я имею в виду, я никогда раньше по-настоящему не восхищалась членом, но что-то в члене Эмерсона просто идеально.

Становится только совершеннее от того, как его большая рука обхватывает ее, скользя от основания к головке и сжимая кончик.

Не сводя с меня голодных глаз, он облизывает свою ладонь, делая ее приятной и влажной, прежде чем снова погладить себя. Я извиваюсь на своих простынях от желания, наблюдая за ним.

Я двигаю бедрами и прикусываю губу.

— Сделай это еще раз, — шепчу я.

Я чувствую себя такой грязной. Я не могу поверить, что попросила об этом, и я не могу поверить, что он это делает, но с того момента в коридоре я почувствовала вкус освобождения, и это так хорошо. Это чувство свободы быть сексуальной и чувствовать себя хорошо, а не плохо из-за этого так увлекательно. Я не знаю, буду ли я когда-нибудь чувствовать то же самое с кем-то, кроме Эмерсона, поэтому я собираюсь наслаждаться этим так долго, как только смогу.

Его грудь вздымается, когда он двигает рукой, удерживая ее на мне, пока медленно приподнимается. Жидкое тепло разливается у меня в животе, и я изо всех сил стараюсь не тереться бедрами друг о друга, как бы сильно мне этого ни хотелось.

— Быстрее, — шепчу я с придыханием, умоляя.

Он ускоряет темп, и я наблюдаю, как при этом приоткрывается его рот, а глаза затуманиваются от вожделения.

— Потрогай себя, — рывкает он, беря мою руку и направляя ее к моим раздвинутым ногам.

Когда мои пальцы касаются моего клитора, желание становится сильнее. Он наблюдает за моими пальцами, когда я провожу ими по своим влажным складочкам и возвращаюсь к клитору. Он практически загнипнотизирован этим движением.

— Трахни себя, — говорит он, и его кулак дергается быстрее.

Когда я погружаю два пальца глубоко в себя, мы стонем в унисон. Затем я начинаю качаться синхронно с ним.

— Я хочу кончить на тебя, Шарлотта.

— Сделай это, — отвечаю я.

Я растягиваю свое удовольствие, и я знаю, что как только я буду готова, я легко смогу кончить вместе с ним.

Его свободная рука скользит вниз по моему бедру, чтобы крепко сжать его в своей

хватке, и я могу сказать, что он заставляет себя не кончать. И больше всего на свете я хочу посмотреть на его лицо, когда он все-таки отпустит себя и выплеснет все это удовольствие на меня.

— Сделай это, Эмерсон, — кричу я. — Кончи на меня.

Как по команде, он издает тяжелый стон, проводя кончиком своего члена по моему животу, пока теплые струи спермы окрашивают мою кожу. Выражение его лица идеальное, наполовину агония, наполовину эйфория.

Несколько жестких кругов вокруг моего клитора, и я кончаю вместе с ним. Прикусив нижнюю губу, я откидываю голову назад и позволяю ощущению увести меня прочь.

Затем он снова целует меня, поднимая мое лицо навстречу своему. Я отчаянно вцепляюсь в его шею и сплетаю свой язык с его.

— Черт возьми, это было невероятно. Ты невероятна, — выдыхает он, прижимаясь к моим губам.

Мы оба падаем на матрас, спускаясь с высоты.

Он вскакивает и исчезает в моей маленькой ванной комнате, возвращаясь мгновение спустя с теплой влажной мочалкой, которой он аккуратно убирает беспорядок на моем животе.

Когда он возвращается в постель, я ожидаю, что он застегнет брюки, поцелует меня на прощание и уйдет. Чего я не ожидаю, так это того, что он снимает штаны, вешает их на стул и выключает прикроватную лампу, забираясь в постель рядом со мной.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я смеясь.

— На что это похоже? — спрашивает он.

— Тебе действительно не обязательно...

— Шарлотта, — рявкает он глубоким авторитетным тоном, который заставляет меня замолчать.

В окно домика у бассейна проникает луч лунного света, и этого света как раз достаточно, чтобы разглядеть черты его лица на подушке рядом со мной. Его глаза открыты, когда он смотрит на меня в ответ, его руки ласкают мое бедро и спину под одеялом.

И я пытаюсь вспомнить, чувствовала ли я когда-нибудь такую близость с Бо, как сейчас с Эмерсоном. Я говорила себе, что это просто секс. Я откровенна с ним, и это заставляет меня чувствовать себя ближе к нему, но что, если дело не только в сексе?

Что, если дело не только в этом?

— О чем ты думаешь? — снова шепчу я, когда мои глаза тяжелеют, и он притягивает меня ближе.

Я утыкаюсь носом в его широкую грудь и тяжелые руки, когда он прижимается губами к моему уху.

Может быть, я уже сплю, потому что не могу поверить в ответ, который слетает с его губ.

— *Я думаю о том, что не заслуживаю тебя.*

ПРАВИЛО № 27: ВСЕГДА ЕСТЬ ТРЕМЯ ДЛЯ БЫСТРОГО СЕКСА

Эмерсон

— Мне нужно напоминать тебе, чтобы ты вела себя хорошо сегодня?

Шарлотта прикусывает губу на пассажирском сиденье, когда я подъезжаю к передней части клуба. Мы откроемся только через пару часов, но сегодня вечером мы проводим наше первое клубное мероприятие, и мне нужно уточнить еще несколько деталей, прежде чем оно начнется.

На этой неделе на работе был полный бардак. Слишком много реальной работы означает, что я не могу целыми днями трахать свою секретаршу над своим столом так, как мне хочется. На самом деле, мы оба были так завалены делами, что едва ли могли даже прикоснуться друг к другу до пяти, когда я обычно успеваю быстро потрахаться наверху, пока в офисе звонит телефон.

Другая часть моей недели, на которую влияет загруженность, — это план, который у меня был для Шарлотты. Есть так много вещей, которым я хочу ее научить, вещей, которым она жаждет научиться как моя саба. И я не знаю, кто так сильно заморочил голову этой девушке, чтобы заставить ее поверить, что она никогда не бывает достаточно хороша, но есть несколько приемов, которые я имел в виду, чтобы изменить это.

Когда мы входим в клуб, там царит хаос. Я слышу, как Мэгги что-то кричит в глубине зала, Дрейк выглядит напряженным, когда отдает приказы своим людям установить одну из клеток сбоку от сцены. И когда Гарретт бросает на меня один взгляд, он по-настоящему улыбается.

Именно это Гарретт и делает в состоянии стресса: Он все превращает в шутку. Это приводит в бешенство.

— Вопреки тому, как это выглядит сейчас, я могу заверить тебя, что все под контролем, — говорит он с полной уверенностью.

— Чушь собачья, — отвечаю я.

— Да, это полный бардак. Та клетка справа от сцены все еще дребезжит, две девушки вызвали полицию, а город угрожает отозвать у нас лицензию на продажу алкоголя, так что у Мэгги психический срыв.

— Чем я могу помочь? — спрашивает Шарлотта, прежде чем я успеваю вымолвить хоть слово.

— Ну...что ты делаешь сегодня вечером в семь? — спрашивает Гарретт, приподнимая бровь.

Я стискиваю зубы и толкаю ее за спину.

— Нет.

Он отвечает со смехом.

— Расслабься. Это была шутка. Но я имею в виду... дай мне знать, если передумаешь. Члены клуба выложили бы за тебя кругленькую сумму, милая.

Он дергает ее за каштановый локон, и я никогда так сильно не хотел причинить боль своему лучшему другу, как в этот момент.

Зная Гаррета, можно сказать, что он не флиртует. Это именно то, что он делает. Он видит людей такими, какие они есть, и это то, что делает его хорошим в своей работе.

Но меня никогда так сильно не беспокоило то, как он разговаривает с Шарлоттой. В свое оправдание могу сказать, что он по-прежнему видит в ней всего лишь мою секретаршу. Искренний смех Шарлотты отрывает мой взгляд от Гаррета.

— Ты псих. Вы не хотите, чтобы я участвовала в вашем аукционе. Были бы сверчки...

Мое раздражение быстро переходит с Гаррета на нее, когда я хмурю брови в ее сторону. Я знаю, что она говорит это в шутку, и она может смеяться сколько угодно, но я знаю, что скрывается за этим юмором, и это заставляет меня скрежетать зубами при одной мысли об этом.

— Хватит, — рявкаю я, заглушая их смех.

Я направляюсь напрямик в клуб, срывая с себя куртку, готовый починить все это дерьмо, которое, кажется, разваливается на части.

— Приступаем к работе, — кричу я им в ответ.

Мы тушим по одному пожару за раз, и, честно говоря, это моя любимая часть работы. Это возвращает меня в мои первые дни, когда я проводил мероприятия, координировал поставщиков, пиарщиков и графики, до того, как я провел свою жизнь, сидя за письменным столом в ожидании чего-нибудь интересного.

Каждые несколько минут я ловлю Шарлотту, бегающую вокруг, и в основном отдаю ее на день Мэгги.

По какой-то причине я странно злюсь на нее. Ладно, не на нее, но один этот утренний комментарий действует мне на нервы.

Как, черт возьми, такая блестящая, красивая девушка может так плохо думать о себе?

Этот кусок дерьма, ее отец, никогда не хотел относиться к ней должным образом, так что теперь она, похоже, не может смириться с мыслью, что она чего-то достойна. Хотел бы я прямо сейчас встретиться лицом к лицу с этим ублюдком. Я бы хотел надрать ему задницу за то, что он сделал с Шарлоттой и Софи.

— Что ты хочешь сделать с сегодняшним составом? — спрашивает Гаррет, пока я стою в офисе и просматриваю контракты.

— Сколько у нас есть? — спрашиваю я.

— Семь.

Черт. Это наш первый аукцион, самое ожидаемое событие в клубе, по словам пиар-фирмы. Они бредят этим с тех пор, как было объявлено об открытии клуба, и это здорово, но еще этот гребаный следователь по уголовным делам дышит нам в затылок.

Девушки продают с аукциона свое время, а не секс. По крайней мере, не публично. То, что они делают во время свидания, зависит только от них.

Семь немного уныло для нашего первого аукциона.

— Поговори с девушками, которые у нас есть. Может быть, у них есть какие-нибудь знакомые. Увеличь их долю до шестидесяти процентов, и давай нацелимся хотя бы на дюжину, — говорю я, надеясь, что этого достаточно.

— Ты знаешь... — отвечает Гаррет, прислоняясь к дверному косяку.

Волосы у меня на шее встают дыбом, как будто я уже знаю, какую гребаную идею он собирается озвучить.

— Я имел в виду то, что сказал о Шарлотте.

— Нет.

Он немного выжидает, прежде чем добавить:

— Ты звучишь ужасно защищающие...

Я поднимаю глаза и свирепо смотрю на него. Обычно я ничего не скрываю от Гаррета. Мы дружим уже много лет, но раньше у меня никогда по-настоящему не было секрета, который можно было бы хранить. Я даже не уверен, что хорошо держу этот.

— Ей всего двадцать один.

— Им всем практически по двадцать один.

Я занимаю себя тем, что притворяюсь, будто на самом деле читаю эти контракты, которые держу в руках, методично просматривая бумаги.

— *Эмерсон Грант... ты привязываешься?*

— Прекрати, — бормочу я.

Он поднимает руки вверх, сдаваясь.

— Отлично. Ты не обязан мне ничего говорить. Просто позволь мне вывести ее на сцену... продать с аукциона час ее времени сегодня вечером. Если она согласится, конечно. Мы с тобой оба знаем, что она соберет хорошую компанию, не говоря уже о больших деньгах.

Дело не в деньгах. Но что-то в том, что он только что сказал, заставляет меня задуматься.

Сегодня вечером Шарлотта привлекла бы к себе много внимания. Возможно, тогда она наконец увидела бы то, что вижу я. Но я, очевидно, не могу позволить кому-либо выиграть час с ней. И я сразу же думаю о нашем самом богатом члене...

— Ронан Кейд будет здесь сегодня вечером?

— Ты можешь на это рассчитывать, — отвечает Гарретт.

Блять. Это обойдется мне в целое состояние.

— Запиши ее, — быстро отвечаю я.

— Тебе не кажется, что я должен сначала спросить ее?

— Я поговорю с ней, — рявкаю я, вылетая из офиса.

Шарлотта помогает Мэгги набивать конверты для мероприятия. Девочки о чем-то болтают, и я замечаю, как улыбка Шарлотты исчезает, и она выпрямляется немного выше, когда я приближаюсь.

— На пару слов, пожалуйста? — Говорю я, жестом приглашая ее следовать за мной в отдельную комнату, где мы сможем поговорить.

В ту минуту, когда я запираю нас, я осознаю свою ошибку. Ее глаза загораются, когда она, разинув рот, смотрит на черную шелковую кровать с наручниками, шелковыми галстуками и веревками, свисающими со стены.

— Я думала, ты был слишком занят сегодня... — Говорит она, поворачиваясь ко мне и проводя руками по моей груди.

Черт, я слишком занят, но то, как она сейчас реагирует на эту комнату, заставляет меня подумать, что я мог бы просто плюнуть на работу, на мероприятие, на всю свою гребаную работу в данный момент. Я бы хотел увидеть ее красивую бледную кожу на этом черном шелке, привязанную к этой кровати, позволяющую мне делать с ней безбожные гребаные вещи.

— Нет, — говорю я, качая головой. — Я привел тебя сюда, потому что мне действительно нужно с тобой поговорить.

— О, — отвечает она, отстраняясь, но я не позволяю ей оторвать от меня руки.

Возможно, нам нужно поговорить, но мне все равно нужно прикасаться к ней. Схватив

ее за локти, я притягиваю ее к себе.

— Сегодня вечером ты будешь на аукционе, — говорю я, словно срывая повязку.

Она напрягается, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

— Я не могу...

Ведя ее назад, пока ее ноги не упрутся в кровать, я осторожно толкаю ее, пока она не ложится, и накрываю своим телом ее. Я не могу трахнуть ее сейчас, как бы сильно мне этого ни хотелось, но позже будет время немного повеселиться здесь.

— Эмерсон, я действительно не могу участвовать в твоём аукционе. Мне жаль...

Я заставляю ее замолчать поцелуем и прижимаюсь своими бедрами к ее. Она мычит в ответ. Боже, я люблю эти ее мягкие губы. *Я никогда не устану от ее поцелуев.*

— Ты можешь и сделаешь это.

Ее руки скользят вверх по моим бокам, притягивая меня ближе, когда она тянется за очередным поцелуем.

— Что именно я выставляю на аукцион?

— Час твоего времени.

— И это все? — спрашивает она, наклоняя голову.

Пристально глядя на нее сверху вниз, я хмурю брови.

— У тебя было что-то еще на уме?

— Ну, любой может сделать ставку, верно? А это значит, что победить может любой.

— Да...

— Значит, ты не против, если я проведу час с каким-то мужчиной, которого я даже не знаю?

Она изучает мои черты, пытаюсь оценить, насколько меня волнует, что она разговаривает с другими мужчинами, а это, между прочим, немало, но она этого не знает, а я не могу позволить себе привязаться к Шарлотте еще больше, чем уже привязан.

— Ты же знаешь, что ты не обязана что-либо с ними делать. И это полностью зависит от тебя, что ты хочешь выставить на аукцион.

Она снова колеблется.

— Значит, другие девушки продают с аукциона больше?

Я целую ее нежную бледную шею.

— Да. Некоторые девушки выставляют на аукцион время в комнате или на какой-нибудь публичной выставке.

— Разве это не...

— Лазейки и мелкий шрифт, Шарлотта.

Мой член становится болезненно твердым под моими брюками, когда я снова трюсь о нее.

— О... — стонет она, пытаюсь обхватить меня ногами.

— У нас нет на это времени, — бесполезно бормочу я ей в грудь, оттягивая глубокий вырез ее блузки.

— Что, если я скажу тебе, что получила результаты своих анализов обратно? — говорит она с придыханием.

Я отстраняюсь.

— Какие результаты анализа?

— Ты сказал, что я должна сдать чистые результаты анализов, чтобы стать членом клуба, что я и сделала. Я чиста.

Моя кровь начинает так сильно стучать по венам, что мои щеки краснеют, а сознание затуманивается, и все это от образа погружения моего толстого члена в Шарлотту, когда между нами ничего нет.

— Блять... — бормочу я сквозь стиснутые зубы.

Быстрым движением я переворачиваю ее на живот, прижимаясь к ней сзади.

— Мы можем сделать это быстро.

Она стонет, но я уже на шаг впереди. Я задираю ее юбку выше бедер, отодвигаю трусики в сторону и быстро вытаскиваю свой член из штанов ровно за пять секунд.

При виде ее идеальной задницы я чувствую себя диким. Я быстро шлепаю ее по попке, заставляя вскрикнуть, затем разминаю плоть рукой. Она прижимается ко мне. Черт, мне нравится видеть ее такой нуждающейся, и мне нравится, что она жаждет моего члена. Наклоняясь, я жадно кусаю ее за правую ягодицу. Она визжит, утыкаясь лицом в матрас.

— Я должен заставить тебя ждать, — рычу я, вставая и отводя ее бедра назад, прижимая головку моего члена к ее влажным половым губкам.

Она громко стонет, уткнувшись лицом в атласные простыни.

— Но я хочу, чтобы ты слила мою сперму себе в трусики, пока будешь на сцене.

Я погружаюсь в нее, и это похоже на рай. Ее стонов и вида ее мягких бедер в моих руках достаточно, чтобы свести меня с ума, но именно тугий жар ее влагалища сводит меня с ума.

Шарлотта была создана для меня. Эта киска была создана для моего члена, она поглощает меня с такой жадностью, словно околдовывает меня, черт возьми. Заставляя меня больше никогда не хотеть другую киску, чего я не хочу.

— Сильнее, — выдыхает она, отталкиваясь назад, ее тонкие пальцы крепко сжимают черный атлас. Я даю ей то, что она хочет, врезаясь в нее все сильнее и сильнее, задаваясь вопросом, не причиняю ли я ей боль, но, похоже, ей совсем не больно. Выражение ее лица больше похоже на экстаз.

— Я хотел бы трахать тебя каждую минуту своего дня, ты знаешь это?

— Да.

— Мне нравится трахать тебя, Шарлотта. Ты так хорошо берешь мой член.

— Мне это нравится, — стонет она.

— Я хочу, чтобы твоя киска болела, когда ты будешь там, наверху. Я хочу, чтобы ты думала об этом.

— Быстрее, Эмерсон. Я собираюсь кончить.

Она стонет в пронзительной мольбе. Боже, мне нравится, что теперь она просит о том, чего хочет во время секса.

Я приподнимаю ее бедра и врезаюсь в них, рыча с каждым молниеносным толчком. Ее красивая киска крепко сжимает мой член, когда она кончает.

Держа ее бедра в своих руках, я позволяю ее телу расслабиться от оргазма, когда начинаю погружаться внутрь нее, пристально наблюдая за ней и представляя, как ее тело впитывает все, что я ей даю.

Когда я выхожу из нее, то бросаю взгляд в сторону двери.

Если и были какие-то сомнения по поводу того, что я трахаю свою секретаршу, то теперь они исчезли. Даже если они не слышали меня, поскольку эти стены довольно звуконепроницаемы, мы здесь уже некоторое время *разговариваем*.

Я задираю трусики Шарлотты и поправляю ее юбку. Она встает и поправляет блузку.

Прежде чем она направляется к двери, я хватаю ее за талию и притягиваю к себе. Мне

нужны ее губы, один быстрый вкус, прежде чем мы вернемся туда, и она выйдет на сцену, позволяя случайным мужчинам предлагать деньги за ее время. Мне нужно еще немного обмануть себя и притвориться, что она моя.

Если бы я был умным человеком, я бы позволил кому-нибудь другому выиграть Шарлотту сегодня вечером. Я должен позволить ему произвести на нее впечатление своими деньгами или обещаниями секса, и если она решит, что предпочла бы быть с кем-то, кто мог бы любить ее по-настоящему, я должен отпустить ее.

Но даже я знаю, что сейчас это невозможно.

Я не думаю, что когда-нибудь смогу отпустить ее.

ПРАВИЛО № 28: КОГДА ОН ГОВОРИТ ТЕБЕ, ЧТО ТЫ ТОГО СТОИШЬ, ВЕРЬ ЭТОМУ

Шарлотта

Я думаю, меня сейчас стошнит. Этого не может быть на самом деле.

Каким-то образом я стою среди толпы из тринадцати других женщин, все они великолепны, как супермодели, и в нижнем белье — если это можно так назвать.

Я делаю это ради Эмерсона. Я не могу сказать, говорит ли он мне сделать это, потому что я ему нужна, или потому, что он сам этого хочет. Он действительно собирается позволить кому-то другому выиграть час со мной, предполагая, что кто-то вообще сделает ставку?

Неужели я так мало значу для него?

Я не могу перестать заламывать руки, когда мой взгляд встречается с женщиной из тронного зала, самой мадам Кинк. Со своими длинными черными волосами и обезоруживающими зелеными глазами она подходит ко мне с теплой улыбкой.

— Еще раз снова здравствуй.

— Привет, — заикаясь, бормочу я, стараясь смотреть ей в лицо, а не на грудь, прикрытую только тканью.

Я никогда не чувствовала себя более нелепо из-за того, что ношу одежду.

Я выпрямляю спину и пытаюсь притвориться сексуальной и уверенной в себе. Хотя я не уверена, что это работает.

— Ты ведь не нервничаешь, правда?

— Нервничаю? Нет...

— Да, я определенно не собираюсь это рассказывать кому-то. — Она отвечает с улыбкой.

— Да, я немного нервничаю, — продолжаю я. — Это не совсем нормально для меня.

— Как тебя зовут? — спрашивает она.

— Шарли, э-э, я имею в виду Шарлотта.

Ухмыляясь, она говорит:

— Я Иден.

— Приятно познакомиться, — шепчу я, все еще заламывая руки.

— Можно мне? — Она дотрагивается до пуговиц моей блузки.

Глядя в ее добрые зеленые глаза, я глубоко вздыхаю и киваю. Есть что-то в том, как она снимает с меня одежду, что заставляет меня чувствовать себя немного спокойнее из-за того, что я вообще снимаю ее на публике.

— О, это мило, — говорит она, замечая мой черный кружевной лифчик под рубашкой.

— Тебе определенно стоит это показать.

Она стягивает с моих плеч белую блузку. Затем, стоя у меня за спиной, она расстегивает молнию на моей юбке.

— Как долго вы с Эмерсоном вместе? — небрежно спрашивает она.

— Мы не вместе. Я всего лишь его секретарша, — поправляю я ее.

Раздается тихое хихиканье, когда она наклоняется вперед и прижимается губами к моему уху.

— У тебя на ягодице след от укуса, Шарлотта.

Я ахаю, привлекая внимание окружающих меня девушек.

— О боже мой.

Я пытаюсь скрыть свое унижение, но Иден просто кладет руки мне на плечи, пытаюсь утешить меня.

— Расслабься. Это чертовски жарко.

— Это действительно заметно? — спрашиваю я, пытаюсь прикрыть это рукой.

Она встает передо мной, кивая головой.

— Очень. Значит, Эмерсон этого не делал?

На данный момент я даже не могу пытаться скрывать это. Скривив губы, я слегка пожимаю плечами, и она понимающе кивает.

— Ты не думаешь, что он слишком стар для меня? — спрашиваю я, пытаюсь прочесть выражение ее лица. Но она только смеется.

— Нет, я не думаю, что он слишком стар для тебя. А ты?

Я пожимаю плечами.

— Это сложно.

— Я знаю Эмерсона уже несколько лет, и я никогда не видела, чтобы он уделял кому-то столько внимания, сколько он уделяет тебе.

Это заставляет меня чувствовать себя лучше, но только на мгновение. Я сосредотачиваюсь на ее лице, и страх охватывает меня, когда я спрашиваю:

— Подожди... у вас с Эмерсоном никогда не было... не так ли?

— Нет, — прямо отвечает она.

— Эмерсон очень доминирующий... и я тоже.

— Ой.

Иногда я чувствую себя здесь такой идиоткой, как будто ничего из этого не понимаю и, возможно, никогда не пойму. Я словно вступаю в чужой мир, частью которого никогда по-настоящему не стану. Я существую только на руке Эмерсона, только здесь как его аксессуар, а не как я сама.

Иден, должно быть, чувствует мое беспокойство, потому что берет мои руки в свои.

— Расслабься, Шарлотта.

И тогда я спрашиваю то, о чем мне до смерти хотелось спросить с тех пор, как она заговорила со мной.

— Могу я задать тебе вопрос?

— Конечно.

— Ты собираешься... переспать с ними сегодня вечером?

Она ухмыляется и бросает взгляд за занавеску на мужчин и женщин, ожидающих на первом этаже. Затем, пожав плечами, она говорит:

— Я в клубе, не так ли?

Меня снова охватывает ужас. На что, черт возьми, Эмерсон меня записал?

—

Я наблюдаю со стороны, как девушки одна за другой выходят на сцену, где они расхаживают полуобнаженными, в то время как мужчины и женщины в толпе борются за свое время.

Некоторые девушки предложили составить им компанию за выпивкой, в то время как другие, как Иден, пообещали провести время в определенной комнате.

Они начинают торги с тысячи долларов, а большинство девушек просят больше пяти, и у

меня чуть челюсть не отваливается, когда мужчина на заднем сиденье выигрывает ночь с Иден за пятьдесят тысяч.

Мои каблуки стучат по полу сцены, когда я пробираюсь в центр внимания.

Будь сексуальной. Будь уверены в себе. Будь Шарлоттой.

Ведущий представляет меня, и я едва слышу из того, что он говорит, оглядывая толпу. Все смотрят на меня с теплым, любопытным выражением на лицах. И мне становится немного комфортнее, хотя все они выглядят так, словно хотят проглотить меня — это лучше, чем выглядеть незаинтересованными или скучающими.

Я сразу замечаю впереди знакомого мужчину. Он в черном костюме, потягивает из бокала что-то янтарно-коричневое. Это тот же самый мужчина, который играл в покер в первый вечер в клубе с женщиной, стоявшей рядом с ним на коленях, пока он гладил ее по голове. Что-то в нем пугает меня. Он излучает власть и богатство, и я могу только предположить, что в постели он был бы столь же ужасен.

Подняв глаза, я мельком вижу Эмерсона, стоящего у задней стены. Его руки крепко сложены перед собой, и в языке его тела есть что-то такое, что кажется странным. Он напряжен.

— Развернись немного, дорогая, — говорит мужчина с микрофоном, и я выдавливаю лучезарно улыбку, обходя сцену, позволяя толпе увидеть мою задницу с ярко-красными отметинами от зубов.

Спасибо, Эмерсон.

— Десять тысяч, — раздается мрачный голос с пола, и я удивленно оборачиваюсь, ища источник.

Человек в черном подмигивает мне, делая глоток своего напитка. Мое тело заливают жар. Этот человек заплатит десять тысяч, чтобы провести со мной час. Будет ли он разочарован, если я не займусь с ним сексом? Конечно, он должен знать, что просто завоевывает мою компанию. Я не могу с ним спать. Эмерсон бы этого не допустил... не так ли?

— Десять тысяч для мистера Кейда. Я слышу одиннадцать тысяч?

Движение в задней части зала привлекает мое внимание, и я прищуриваюсь в свете прожектора, чтобы увидеть, как Эмерсон поднимает руку. Мы встречаемся взглядами на долгое, напряженное мгновение. Он должен победить. Что, если мистер Кейд перекупит его? Я пытаюсь не показывать своей паники, но здесь, наверху, у меня дрожат пятки.

Почему он так поступил со мной?

— Мистер Грант за одиннадцать тысяч, — кричит мужчина.

— Пятнадцать, — рявкает мужчина впереди.

— *Двадцать*, — отвечает Эмерсон.

Я едва могу пошевелиться, пока мужчины мечутся взад-вперед, в комнате царит напряжение, поскольку они постоянно переигрывают друг друга.

Когда человек в черном кричит:

— Пятьдесят.

С самодовольной ухмылкой на лице, мне хочется плакать. Я примерно в двух секундах от того, чтобы сказать им остановиться. Я не стою таких больших денег. Они никак не могут быть готовы заплатить за меня столько.

Я качаю головой в сторону Эмерсона, делая это так незаметно, что, надеюсь, никто не заметит, но, думаю, я могу сорваться, если он действительно выложит больше пятидесяти

тысяч долларов всего за час со мной.

— Пожалуйста, не надо, — шепчу я, хотя меня никто не слышит. Я знаю, что он может прочитать слова по моим губам.

Он стискивает челюсти и гневно смотрит на меня.

Человек в черном оглядывается на Эмерсона, ожидая, что тот сделает ставку. Я прикрываю щеки, молясь, чтобы это поскорее закончилось. Я никто, даже близко не такая сексуальная, как Иден, и вполосину не такая красивая и не такая интересная, как любая другая женщина, которая приходила сюда. Как он может вот так просто выбрасывать деньги на ветер?

— Пятьдесят тысяч, один раз...

— *Семьдесят пять*, — говорит Эмерсон, глядя на меня так, как будто он на меня сердится.

Мои глаза расширились, как блюдца, и я, должно быть, бледна, как привидение.

Человек в черном громко смеется.

— Ты стоишь каждого копейки, милая, но я думаю, мистер Грант хочет, чтобы ты принадлежала только ему.

Я все еще пялюсь на Эмерсона с открытым ртом, пытаюсь осмыслить семьдесят пять тысяч.

— *Продано!* — кричит диктор. — *За семьдесят пять тысяч долларов владельцу клуба Эмерсону Гранту!*

Толпа начинает аплодировать, и я замечаю, что Иден хлопает с лучезарной улыбкой, сидя у кого-то на коленях в глубине зала.

Прежде чем я понимаю, что происходит, я наблюдаю, как Эмерсон направляется ко мне, выглядя скорее раздраженным, чем обрадованным своей победой.

Он злится на меня? Я сделала что-то не так?

— Я... я... извини, — заикаюсь я, когда он берет меня за руку и перекидывает через плечо.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

Реакция окружающих представляет собой смесь смеха и одобрительных возгласов, когда меня поднимают через всю комнату, а мою голую, покрытую следами укусов задницу перекидывают через плечо Эмерсона.

Он не останавливается, когда мы исчезаем в коридоре справа. Это не зал для вуайеристов, а тот, в котором находится комната, в которой мы были сегодня, где мы по-быстрому трахнулись на кровати.

— Куда мы идем? — Вскрикиваю я.

Сзади темно, но я слышу, как за нами закрывается дверь, когда мы добираемся до тускло освещенной комнаты с черной кроватью, которую я помню.

Мой желудок сжимается одновременно от возбуждения и страха.

— Я заплатил за час твоего времени, Шарлотта.

Он швыряет меня на кровать и смотрит на меня сверху вниз с плохо скрываемым гневом.

— *Пришло время забрать то, что я выиграл.*

Его большие руки хватают меня за лодыжки и притягивают к себе. Я взвизгиваю.

Я не боюсь Эмерсона. Я доверяю ему, но прямо сейчас... он кажется расстроенным. Злится на меня по причинам, которых я не понимаю, и я не могу точно сказать, должны ли

мы участвовать в игре или он говорит по-настоящему.

— Напомни мне, Шарлотта, — просит он, когда что-то мягкое обвивается вокруг моей правой лодыжки.

Когда я пытаюсь убрать ногу, я понимаю, что это ограничение. Он приковывает меня наручниками к кровати.

— Что ты внесла в этот маленький список наказаний?

— Я... Я не... За что меня наказывают?

Он дергает меня за другую ногу и обматывает еще одним мягким манжетом мою лодыжку. Мои ноги раздвинуты, и мое сердце начинает бешено колотиться в груди.

— Что ты сказала сегодня утром об аукционе? Что произойдет, когда ты оказалась бы на сцене?

— Что?

В его словах нет никакого смысла, и я, кажется, не могу избавиться от нервозности.

К тому же, то, как я сдержана, и предвкушение того, что должно произойти, затуманивают мой мозг. Он такой злой и ведет себя грубее, чем обычно, и это так горячо и пугающе, что мое тело не знает, напугано оно или возбуждено.

— Сверчки, Шарлотта. Ты сказала, что там будут сверчки.

— Эм... да, — отвечаю я.

Он пересекает комнату и открывает ящик стола. Я пытаюсь заглянуть за его спину, чтобы увидеть, что он достает. Когда он снова поворачивается ко мне, в его пальцах полоска черного шелка.

— Там были сверчки, Шарлотта?

— Нет... — Отвечаю я.

Он стоит у изножья кровати и смотрит на меня, нахмутив брови, пропуская шелк сквозь пальцы.

— Сколько я заплатил за этот час с тобой?

— Эмерсон, ты не можешь заплатить столько...

— Ложись, — рявкает он строгой командой.

— Я не понимаю.

Он приподнимает бровь, наклоня голову в мою сторону.

— Ты хочешь, чтобы я остановился, Шарлотта? Если ты боишься, мы можем выйти прямо за дверь.

— Нет... — Шепчу я.

— Ты доверяешь мне?

— Да.

— Тогда ложись.

От его холодного голоса у меня по спине пробегает холодок, и я заставляю свои легкие дышать, откидываясь назад и уставившись в потолок.

Эмерсон приближается к моей голове и тянется за спину, взяв за застежку моего лифчика. Оно расстегивается, и он снимает его, освобождая мою грудь. Затем он сводит мои запястья вместе, связывая их черным шелком.

У меня едва заметная дрожь в костях, но я делаю все возможное, чтобы скрыть это. И теперь я понимаю, что если Эмерсон злится на меня, он собирается сделать что-нибудь, чтобы наказать меня.

И, как ни странно, это именно то, чего хочу я.

Я наблюдаю, как он возвращается к ящику и достает еще один кусок шелка.
— Мы не установили стоп-слово, потому что оно нам еще не понадобилось.

Стоп-слово?

Мой желудок переворачивается.

— Если ты хочешь, чтобы я остановился, просто скажи, *пощади*. Хорошо?

— *Да, сэр.*

Я снова и снова повторяю это слово в своей голове, стараясь не забыть его.

Пощади. Пощади. Пощади.

Но мне это не понадобится, не так ли? На самом деле он не собирается причинять мне боль.

— Шарлотта, скажи мне, почему ты думаешь, что я наказываю тебя сегодня вечером.

Я делаю вдох, глядя на него снизу вверх. Черты его лица смягчились, и я сосредотачиваюсь на ткани в его руках, зная, что через минуту он закроет мне глаза, и мне нужно подготовиться к этому.

— Потому что я... эм, — заикаюсь я. — Это из-за денег, не так ли? Потому что я обошлась в семьдесят пять тысяч долларов?

Он рычит, делая шаг ко мне. Закрывая мне глаза тканью, он холодно отвечает:

— Нет.

Комната погружается во тьму, когда он завязывает шелк у меня на затылке, и мое дыхание учащается. Все мгновенно становится более напряженным, мои ноги хотят бороться с ограничителями, потому что я чувствую себя такой незащищенной.

Когда я чувствую, как его мягкие руки гладят мои щеки, я вздрагиваю.

— *Ты стоила мне так много денег, потому что ты того стоишь, Шарлотта. Я вывел тебя на эту сцену, надеясь, что ты увидишь это сама, но, наблюдая за тобой там, наверху, я могу сказать, что ты все равно не поверила в это.*

Что? Это из-за того, что я не верю, что стою столько денег? Он не может быть серьезным.

— Мне не нравится игра с ударами, и, если я правильно помню, тебе не понравилась идея того, что тебя будут грести или шлепать, верно?

— Эм... да, я имею в виду...

Он гладит меня по голове.

— Расслабься.

Мне приходится напрячь всю грудь, чтобы вдохнуть. Я просто хочу, чтобы он снова прикоснулся ко мне.

— К счастью, есть и другие способы преподать тебе урок. И я признаюсь тебе в чем-то...

Я слышу, как он что-то делает в другом конце комнаты — выдвигает ящик, передвигает вещи, раскладывает их на кровати. Я не могу сказать, что это такое, но меня переполняет любопытство.

— Что? — Спрашиваю я.

Он приближает свой рот к моему уху и шепчет:

— *Я запомнил все, что ты написала в этом списке.*

Блять. Мой мозг лихорадочно работает, пытаюсь вспомнить, за что я поставила плюсы, но их было больше двухсот. Мог ли он действительно запомнить это?

— Глубокий вдох, — бормочет он мне на ухо.

Как только я делаю вдох, что-то сильно сдавливает мой правый сосок, и я издаю крик, извиваясь, пытаюсь отодвинуться от боли, но она не ослабевает. Мне требуется секунда, чтобы понять, что это зажим для сосков.

Моя грудь вздымается, когда я принимаю боль, позволяя ей поселиться внутри.

— Сколько я заплатил, Шарлотта?

Мой мозг лихорадочно ищет ответ.

— Семьдесят пять... — Я дышу.

— Тебе не кажется, что это было слишком?

— Да. — Вздыхаю я, зная, что сейчас произойдет, еще до того, как успеваю вымолвить хоть слово.

Когда второй зажим затягивается, я не вскрикиваю, потому что это не так удивительно, как первый, но почему-то больнее.

Теплые, влажные губы прижимаются к плоти моей груди, и я мычу в ответ.

— Ты понимаешь, почему я злюсь?

— Нет, — отвечаю я.

Его руки чертят глубокие линии по моим бокам, по бедрам, забираясь под трусики. И я знаю, что будет дальше, еще до того, как он это сделает. Быстрым рывком он разрывает мои стринги, легко разрывая их надвое.

Я лежу голая, привязанная к кровати, и меня наказывают. Это жарко и пугающе, и я вроде как не хочу, чтобы это заканчивалось.

Когда его пальцы касаются меня между ног, я вскрикиваю. Я уже настолько возбуждена, что от одного прикосновения чувствую, что готова взорваться.

— Потому что *ты моя, Шарлотта*. И я не люблю, когда кто-то плохо отзывается о чем-то, что принадлежит мне. Ты думаешь, у меня плохой вкус?

— Нет... — Шепчу я.

Он проводит указательным пальцем между моими складками, и я жажду большего.

Затем он вводит свой палец внутрь меня, как будто играет со мной, дразнит меня.

— Ты думаешь, я дурак, что плачу за тебя так много?

— Нет!

Он кружит вокруг моего клитора, и я борюсь с ограничителями.

— Ты стоишь семьдесят пять тысяч, Шарлотта?

Я пытаюсь откликнуться на его прикосновения, жажду этого давления. Но он расслабляется каждый раз, когда я приближаюсь к кульминации.

— Ответь мне, — настаивает он.

— Нет, — отвечаю я, зная, что это не то, чего он хочет услышать.

И в ту секунду, когда это слово слетает с моих губ, он отстраняется. Я могла бы солгать. Я знала, каков правильный ответ, но по какой-то причине я не хочу избавляться от этого наказания.

Он на мгновение исчезает, и я слышу, как он собирает еще какие-то вещи, открывает ящики и что-то ставит на место. Затем я слышу безошибочно узнаваемый звук, с которым он зажигает спичку. До моего носа доносится запах серы. Секунду спустя я слышу, как он задувает спичку.

Зачем ему нужен огонь?

На мгновение становится тихо, затем я слышу шорох одежды и расстегивание его ремня.

— Хотел бы я, чтобы ты видела то, что вижу я, — бормочет он, и я чувствую его вес на

кровати рядом со мной.

— И мне неприятно наказывать тебя за то, что ты всегда так плохо отзываешься о себе, но я не собираюсь лгать, Шарлотта. Я собираюсь насладиться этим.

Его рот прижимается к моему, наши губы переплетаются, когда его язык проскальзывает в мой рот. Я мычу ему под нос, пытаюсь углубить поцелуй.

Мои соски онемели, и боль утихла. Но что-то в его поцелуе снова заставило их заболеть.

— Глубокий вдох, — шепчет он мне в губы, и я делаю, как он говорит, вдыхая теплое дыхание, пахнущее им.

Он расслабляет и успокаивает меня, как раз в тот момент, когда жгучая боль пронзает мою грудь, заставляя меня закричать.

— Шшш... Не заставляй меня затыкать тебе рот кляпом, детка, — бормочет он мне в рот.

— Это больно! — Кричу я, извиваясь от жара, но он уже начинает остывать.

Воск. Он только что облил меня гребаным свечным воском!

— Тебе нужна милость? — спрашивает он, но моему мозгу требуется минута, чтобы сообразить.

Он спрашивает, не хочу ли я остановиться. Правда ли это? Боже, это больно, но он делает это не просто так. И, несмотря на все это, мое тело бодрствует, чувствительно и немного возбуждено из-за боли.

— Нет, — хнычу я.

— Хорошая девочка.

Прежде чем снова прикоснуться ко мне, он садится, и я чувствую, как его руки скользят вверх по моим ногам, массируя бедра.

— Хотел бы я, чтобы ты видела, как ты сейчас прекрасна. Ты само совершенство, Шарлотта. И я ненавижу причинять тебе боль, но почувствуй, что это делает со мной.

Его бедра прижимаются к моей ноге, и я чувствую его твердую, как камень, эрекцию. Он обнажен, и я извиваюсь, пытаюсь почувствовать его сильнее.

— Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя, малышка?

— Да, — кричу я.

— Скажи мне, что ты этого стоишь. Скажи мне, какая ты красивая.

Эмоции обжигают мне горло.

Нет, нет, нет. Пожалуйста, не поддавайся эмоциям. Пожалуйста, блять, не плачь.

Предполагается, что это будет сексуальный момент, и я собираюсь все испортить, потому что знаю, что он прав. Я знаю, что никогда не говорю о себе ничего хорошего, но ничего не могу с собой поделать. Не имеет значения, насколько я красивая и какой меня видят другие люди. Голос в моей голове, говорящий мне, что меня недостаточно, становится громче.

Я действительно не ожидала, что все это всплывет прямо сейчас, но остаточная боль и напряженность от того, что мне завязали глаза и связали руки, делают все это таким трудным для удержания.

— Я не могу, — говорю я и мой голос дрожит.

— Все в порядке. Ты это сделаешь.

Огонь снова обжигает мою грудь, и я прикусываю нижнюю губу, чтобы не закричать. Это безумие, насколько сильная эта боль заставляя меня чувствовать себя почти под кайфом. Эта интенсивность переносит меня на другой уровень существования. Это

подпространство?

— Зачем Ронан Кейд так дорого заплатил бы, чтобы заполучить тебя, если бы ты не была такой красивой, Шарлотта?

— Я не знаю, — плачу я.

— Ты думаешь, что те женщины красивее тебя?

— Да!

На этот раз горячий воск ложится мне на живот, делая его еще более чувствительным.

— Ты ошибаешься, Шарлотта.

Моя повязка на глазах промокает. Боже, я надеюсь, он не заметит, что я плачу.

— Скажи это. Скажи мне, что ты этого стоишь.

Рыдание вырывается наружу, и я закрываю лицо связанными руками. Эмерсон отводит их и прижимается своими губами к моим.

— Почему ты не можешь просто сказать это, Шарлотта? Почему ты просто не можешь признать, какая ты замечательная?

— Потому что это не так, — всхлипываю я. — Я просто все порчу. Я не заслуживаю тебя. Сейчас ты думаешь, что я такая замечательная, но в конце концов ты поймешь, что я недостаточно хороша, и бросишь меня. Как и все остальные.

Я все испортила.

Я рыдаю, и это унижительно, и я уверена, что теперь он действительно покончит со мной. В комнате воцаряется тишина, и я дрожу.

Мгновение спустя с моего лица сдергивают повязку, и я пытаюсь отвернуть свое залитое слезами лицо. Я уверена, что по моим щекам стекает косметика.

— Господи, Шарлотта.

Он берет мое лицо в ладони и прижимает меня к себе.

— Посмотри на меня, — рявкает он.

Я проглатываю комок в горле и перевожу взгляд на него.

— Ты ошибаешься, — убежденно говорит он, встречаясь со мной взглядом.

Когда я пытаюсь покачать головой, он останавливает меня.

— Скажи это. Скажи, что ты ошибаешься.

— *Я ошибаюсь, — шепчу я.*

— Громче, — рявкает он.

— Я ошибаюсь.

— Громче!

— Я ошибаюсь! — Вскрикиваю я, слезы текут по моим щекам и падают на волосы.

Когда он целует меня, плотина прорывается, и меня захлестывает чувство эйфории. Наклоняясь, он по очереди расстегивает ремни на моих ногах, и я быстро оборачиваю их вокруг него.

— *Ты моя,* — рычит он в кожу моей шеи, и я поднимаю свои связанные руки и обхватываю ими его голову.

— Забудь всех, кто был до меня, Шарлотта. Просто сосредоточься на мне. Я бы заплатил миллион долларов за этот час с тобой. Ты меня слышишь?

— Да, — выдыхаю я.

Его пальцы находят зажимы для сосков, отпускают их, и это почти так же больно, как когда он их надевал.

Когда его губы смыкаются вокруг правого, впитывая боль, я толкаю свои бедра вверх.

Теперь они очень чувствительны, заставляя все мое тело петь, когда он ласкает их своим языком.

— *Пожалуйста, трахни меня, Эмерсон,* — умоляю я.

Мне нужно знать, что он все еще хочет меня после того, как я только что выставила себя полной дурой.

Он, не колеблясь, прижимает мои бедра к кровати и вонзает свой член мне между ног. Сильно толкаясь, он крепко сжимает меня в своих объятиях.

— *Черт возьми, посмотри, что ты делаешь со мной, Шарлотта. Ты сводишь меня с ума.*

Я не могу насытиться им. Мои ноги обвиваются вокруг его талии, и я притягиваю его губы к своим для еще одного поцелуя.

С Эмерсоном я не чувствую себя такой неполноценной. Каким-то образом этот идеальный, удивительный мужчина заставляет меня чувствовать себя достойной, и мое сердце разрывается в груди каждый раз, когда я думаю об этом.

— *Я зависим от тебя,* — стонет он, трахая меня.

— *Ты была создана для меня, Шарлотта. Ты моя, и я никогда не хочу тебя отпускать. Ты меня понимаешь? Я бы трахал тебя вечно, если бы мог.*

Мое тело кричит, когда он вонзается в меня все сильнее и сильнее, ощущение того, что он делает с моим телом, смешивается со словами, которые он использует, чтобы разбить мне сердце.

— *Я бы хотела, чтобы ты мог,* — плачу я.

Глядя ему в глаза, я шепчу:

— *Я была создана для тебя.*

Выражение его лица, кажется, на мгновение удивленным моим признанием.

Прижимаясь своим лбом к моему, он доводит меня до экстаза, прижимаясь своим телом к моему, как будто пытаюсь заставить меня поверить в то, что он мне говорит.

Когда я кончаю, мои ногти впиваются ему в спину, прижимая его так крепко, как только могут. В соответствии с моей интенсивностью, он рычит мне на ухо, замедляя свои толчки и входя в меня.

Подхватив меня на руки он ложится на матрас.

Я опираюсь на его грудь и позволяю моменту окутать меня.

Он ослабляет узлы на моих запястьях. Схватив мокрую мочалку со столика рядом с кроватью, он осторожно проводит ею по моей коже. Когда я смотрю вниз, то вижу черные пятна у себя на груди и животе. Мне больно, когда он счищает воск с моей нежной кожи, но по проществу последнего часа это ничего не значит. И сейчас я почти приветствую эту боль, как будто она сближает нас.

Затем он берет мое лицо в ладони и притягивает к своим губам, нежно целуя.

— *Ты больше не злишься на меня, не так ли?* — спрашиваю я, мой голос дрожит от эмоций.

Его лицо смягчается.

— *Я никогда не злился на тебя, Шарлотта. Я просто хочу, чтобы ты увидела то, что вижу я.*

Я не вижу того, что видит Эмерсон, но хотела бы увидеть. Может быть, я никогда этого не сделаю.

Дело было не только в Бо, но я думаю, что с тех пор, как мой отец бросил нас, я

воздвигла стену между мужчинами и собой, заставила себя поверить, что если я была недостаточно хороша для них с самого начала, я никогда не смогу быть хороша для кого либо. Мне никогда больше не пришлось бы переживать ничье разочарование.

— Я бы тоже хотела, — шепчу я, позволяя ему крепко обнять меня.

ПРАВИЛО № 29: ПОСЛЕДУЮЩИЙ УХОД — САМЫЙ ЛУЧШИЙ

Шарлотта

— Могу я отвезти тебя домой? — спрашивает Эмерсон, целуя меня в лоб.

— Конечно, — шепчу я, как будто это вообще разумный вопрос.

— Мы можем продолжить твой последующий уход там.

Мое сердце исполняет небольшой танец восторга, потому что мне не нужно спрашивать, что такое последующий уход — в конце концов, я провела свое исследование. И мадам Кинк — э-э, Иден была очень непреклонна в отношении важности последующего ухода, и я имею в виду...кто бы не хотел, чтобы его баловали и в нем души не чаяли? Как будто Эмерсон делает этого недостаточно.

— Я вроде как думала, что это последующий уход, — замечаю я.

Он уже смыл весь воск, заставил меня выпить бутылку воды и последний час нежился со мной в уютных объятиях.

Но он смотрит на меня сверху вниз и убирает волосы с моего лица. На его лице невеселое выражение.

— Ты была расстроена. Я просто не хочу отсылать тебя домой. Я бы предпочел, чтобы ты была со мной всю ночь.

— О Боже.

Я пытаюсь спрятать свое лицо, все еще немного униженная тем, как я плакала. Однако он не позволил мне отвернуться. Возвращая мой взгляд к своему, он ждет моего ответа.

— Не смущайся, Шарлотта. Это нормальная реакция на боль. Я сделал это с тобой нарочно.

— Ты хотел заставить меня плакать?

Он проводит большим пальцем у меня под глазом, с которого, я уверена, просто капает тушь от моих слез.

— Да. Я хотел, чтобы ты отпустила все, за что держалась. Это было сильно, я знаю. Сейчас ты хорошо себя чувствуешь?

Я киваю. Я чувствую себя лучше, чем хорошо. Я чувствую себя одновременно измученной и разбитой, но в то же время обновленной.

— Хорошо. — Он целует меня в висок.

— Давай пойдем домой.

Когда мы одеваемся и тихо выходим из задней части клуба, чтобы нам не пришлось ни с кем сталкиваться, я задаюсь вопросом, понимает ли Эмерсон, что он делает со мной, когда говорит подобные вещи.

Дом, как будто он наш. Пока мы занимались сексом, он называл меня своей. Он сказал мне, что хочет трахать меня вечно, что могло бы быть сиюминутным разговором о сексе, но подобные вещи продолжают лезть мне в голову.

Я чувствую, что принадлежу ему, а Эмерсон — мне.

Мне удалось отбросить все мысли о вечности с ним и о том, как это будет выглядеть, потому что две недели назад, когда все это началось, мы заключили сделку, о которой никто не мог узнать. Что мы возьмем все, что сможем достать.

Так что сделка, которую мы заключили, похоже, не соотносится с тем, как мы

действуем сейчас, и мне интересно, замечает ли он это тоже.

Дорога до его дому проходит тихо, но за рулем он держит мою руку над консолью, мягко поглаживая мой большой палец, пока из динамиков тихо играет радио.

Я не могу заглушить вопросы в своей голове, и я слишком боюсь поднимать их, если я это сделаю, и он скажет мне, что то, что он сказал, было просто разговором о сексе, и что у нас просто почти секретная интрижка, тогда это сломает меня.

Я понимаю, что то, чего я хочу, нелепо. Абсолютно иррационально и безумно. Потому что я хочу, чтобы Эмерсон ставил меня на первое место, даже перед Бо. Я хочу, чтобы он сказал мне, что наши отношения волнуют его больше, чем те, которые он пытается наладить со своим сыном.

Больно сознавать, что это невозможно. Я глупа, что даже подумала об этом.

Когда мы добираемся до его дома, он ведет меня прямо наверх. Мы не останавливаемся и в его спальне, он тянет меня в свою огромную ванную. Там есть стеклянный душ, и, все еще держа меня одной рукой, а другой включает воду.

Затем, не говоря ни слова, он начинает снимать с меня одежду. Его действия медлительны и обдуманно, как будто я больна или ему больно, и он пытается побаловать меня.

Когда он стаскивает с меня блузку, то целует покрытую черными пятнами кожу в том месте, куда попал воск от свечи. Когда он расстегивает мой лифчик, то целует красные следы от зажимов. И когда он опускает мою юбку, он нежно прижимается губами к тому месту, где укусил меня ранее.

Это не страстные поцелуи. Он не пытается разогреть меня для большего секса. Больше похоже на то, что он пытается залечить рану, и я хочу сказать ему, что исправлять нечего. По крайней мере, ничего физического. Но если он сможет утихомирить эти голоса сомнения и страхи в моей голове, это было бы здорово.

Как только я раздеваюсь, он открывает дверь душа и шепчет:

— Входи.

Затем он раздевается и следует за мной. Мы стоим вместе под горячими струями, позволяя им омыть нас обоих.

Обнимая его за талию, я прижимаюсь лицом к его груди. Эмерсон достаточно высок, чтобы я могла уткнуться носом в его шею, и мне нравится, как хорошо наши тела прилегают друг к другу. Он просто достаточно мягкий, чтобы быть уютным, и достаточно сильный, чтобы быть точеным. Я серьезно не думаю, что мужские объятия когда-либо были такими манящими.

Мы стоим так некоторое время, и я сдерживаю все, что хочу сказать или спросить. Этот момент слишком хрупок, и одно слово опасения может привести к тому, что все вокруг нас рухнет.

Что будет со мной после этого?

На что будет похожа моя жизнь после Эмерсона Гранта и Клуба непристойных игроков?

Я никогда не смогла бы пойти туда без него, не так ли?

Встречаться с другим мужчиной?

Называть кого-то еще *сэр*?

Сейчас все это кажется таким невозможным. Более чем невозможно — непостижимо.

Когда я отстраняюсь и тянусь за мылом, он останавливает меня.

— Позволь мне.

Я наблюдаю, как он набирает в ладонь шампунь и втирает его в мои волосы, медленно и чувственно. Он моет мне волосы так, словно я самое нежное создание на свете. Как будто я значу для него все, и я закрываю глаза, чтобы отогнать боль от этой мысли.

Боже, я бы все отдала, чтобы почувствовать себя самой важной вещью в жизни Эмерсона. Быть всем его миром.

Когда он ополаскивает мои волосы, я смотрю на него снизу вверх. И, может быть, он видит покраснение в моих глазах, но он останавливается, глядя на меня сверху вниз.

И он не произносит ни слова.

Я клянусь, он чувствует то, что чувствую я, и знает, чего я на самом деле боюсь, но он не говорит мне, что все будет хорошо или что он сохранит меня навсегда. Он просто наклоняется и целует меня в губы.

Затем он проводит пальцами по моим волосам, нанося кондиционер, прежде чем намылить мочалку и нежно вытереть каждый дюйм моего тела.

— Ничего из этого не было тем, чего я ожидала, — бормочу я, когда он встает на колени и с особым вниманием проводит мочалкой вверх и вниз по моим ногам.

— А чего ты ожидала? — спрашивает он.

— Ну, я думала, что я та, кто должна была доставлять тебе удовольствие, — говорю я, запуская пальцы в его волосы.

— Ты действительно доставляешь мне удовольствие.

Говорит он это с такой холодной уверенностью, как будто это очевидно.

Я не совсем уверена, чем доставляю ему удовольствие. Ему уже дважды пришлось наказывать меня, и я больше не чувствую, что делаю для него достаточно.

— Тогда почему это ты стоишь на коленях?

Он медленно поднимает на меня взгляд, его руки все еще на моей лодыжке.

— Ты думаешь, что из-за того, что я доминант, я не могу позаботиться о тебе?

— Вроде того, — отвечаю я, пожимая плечами.

— Но я должен заботиться о тебе, Шарлотта.

Он поднимает мою ногу к себе на колени и пускает мыльные пузыри под моим сводом стопы и между пальцами ног.

— Эти отношения — это компромисс, а не улица с односторонним движением. Не говоря уже о том, что когда мы не находимся в этом режиме Дом/саба, я не хочу, чтобы ты подчинялась мне. Я хочу, чтобы ты позволила мне поклоняться тебе и...

Его голос затихает, и мое сердце бешено колотится в груди, пока я жду, когда он продолжит. Но он этого не делает. И мой разум остается блуждать и прокручивать в голове каждое слово, пытаюсь понять, к чему он мог клонить.

Когда он встает, я позволяю ему смыть пену с моего тела, но когда он начинает умываться, я хватаю его за запястье.

— Ты сказал, что это улица с двусторонним движением.

И я вижу, как он начинает спорить, но останавливает себя.

Ему приходится немного наклониться, чтобы я могла намылить ему волосы, и это заставляет нас обоих смеяться.

Я медленно провожу пальцами по редким седым прядям и пытаюсь вспомнить, каково это было, когда я думала, что Эмерсон намного старше меня. Я имею в виду... он все еще намного старше, но мне так больше не кажется. Эта разница в возрасте когда-то казалась стеной между нами, но теперь ее нет.

Ополоснув его волосы, я намыливаю его тело, не торопясь, чтобы изучить изгибы и текстуру его тела. Это чувство близости захлестывает меня, когда я исследую каждый дюйм его тела, не находя ни единого места, которое бы мне не нравилось.

Широкий наклон его плеч. Клочок волос на его груди и тонкая линия, ведущая вниз по его прессу. Эта восхитительная V-образная форма его бедер и крепкие мышцы.

Это опасно. Так привыкает к своему телу, слишком привязана, на самом деле.

Люди, которые просто занимаются сексом, этого не делают. Они не смотрят на руки другого человека, его плечи и спину и не думают, что это мое.

— Я тоже должна заботиться о тебе, Эмерсон, — шепчу я, проводя мочалкой по его ногам.

Я веду себя безрассудно, но мой фильтр можно сдерживать только до такой степени. Я просто хочу, чтобы он знал, что в его игру могут играть двое. Если он думает, что забавно играть с моими эмоциями, то я тоже могу играть с его эмоциями.

И когда я падаю на колени, как он сделал это передо мной минуту назад, он гладит меня по голове. Я смотрю на него снизу вверх и вижу в нем намек на напряжение.

— Когда ты в последний раз позволял кому-то заботиться о себе? — Спрашиваю я.

Я не слепая. Я вижу, как его член твердеет прямо перед моим лицом, но пока не обращаю на это внимания.

Я все еще смотрю на него снизу вверх. Мне нужно знать, ведет ли Эмерсон себя так с каждой девушкой, с которой он встречается, или я чем-то отличаюсь от других, и звучит ли хоть капля правды в тех сладких словах, которые он мне говорит.

— Очень давно, — бормочет он, глядя меня по голове.

— Я хочу заботиться о тебе, — шепчу я, и надеюсь, он понимает, что я имею в виду нечто большее, чем просто заставить его кончить в этом душе.

Можете называть это принятием желаемого за действительное, но я знаю, что скрываю свои настоящие чувства под обещаниями секса.

Он блокирует от меня струи душа, позволяя ей струиться по спине и каскадом стекать по его телу.

Я откладываю мочалку и провожу руками по его бедрам, каждый раз останавливаясь, прежде чем добраться до верха. Его дыхание учащается, когда он смотрит на меня.

— Это я должен заботиться о тебе, — говорит он, не поднимая меня на ноги.

— Ну, может быть, я хочу тебя побаловать, — говорю я в легкой, почти шутливой манере. — Может быть, я хочу сделать тебя настолько зависимым от меня, чтобы ты никогда не захотел покидать меня. Я хочу быть настолько хорошей для тебя, чтобы ты сохранил меня навсегда.

Скрывай свои чувства, Шарли.

— Тогда покажи мне, какой хорошей ты можешь быть.

Легким толчком он направляет свой член к моим губам, и я смотрю на него снизу вверх, обводя языком головку. От его слов и того, как он дразнит меня этим тоном, у меня внутри мурашки.

Он мурлычет, низко и хрипловато, когда я обхватываю его губами. Сначала я играю с головкой его члена, облизывая щель и позволяя своим зубам прикоснуться к нижней стороне. Его бедра подаются вперед, и я дразню его еще немного, прежде чем позволить ему скользнуть глубже.

Расслабляя горло, я с каждым разом втягиваю его все дальше и дальше. Обхватив рукой

основание, я поглаживаю его в ритме с моим ртом, двигаясь быстрее и плотнее, ожидая его стонов или слов похвалы.

Я умираю от желания услышать, как он радуется.

Наконец, он сдавленно выдыхает:

— О черт, Шарлотта.

За это он получает награду, и я сосу еще усерднее, уделяя головке его члена немного больше внимания.

Он вздрагивает и сжимает в своих руках прядь моих волос.

— Продолжай делать это.

Так я и делаю, двигаясь от основания к головке, извиваясь, сжимаясь и практически купаясь в столах удовольствия, которые вызывают мои действия.

Я протягиваю другую руку ему между ног и нежно мну его мошонку, наблюдая, как меняется выражение его лица. Свободной рукой он ударяется о стену, чтобы удержаться на ногах, и закрывает глаза.

— *Это моя девочка*, — стонет он, и я загораюсь изнутри.

Мои движения набирают скорость, и я знаю, что сейчас произойдет, когда его рот приоткрывается, а голова откидывается назад.

— Я собираюсь кончить, детка.

И, возможно, это должно было стать предупреждением, но когда я не двигаюсь и не отнимаю губ, он, кажется, понимает намека.

— Ты собираешься проглотить меня, Шарлотта? Ты собираешься принять мою сперму, как грязная девчонка, которой ты и являешься? Моя грязная девчонка.

Его голос напряжен, и едва он произносит последнее слово, как я чувствую, как соленые струи попадают мне на язык. Я ожидаю, что это вызовет отвращение, но в ту минуту, когда я пробую его на вкус, я понимаю, что это он. Это мой Эмерсон, и я хочу всего этого. Мне нравится в нем все.

Поэтому, когда он заполняет заднюю стенку горла, я жадно сглатываю, прежде чем оторвать рот. Струйки спермы стекают с его члена на мои губы, когда он двигает своим телом, позволяя воде смыть все это. Затем меня резко поднимают с колен и прижимают к стене.

Его рука находится у меня под подбородком, поднимая мое лицо вверх, чтобы видеть его.

— Это было так чертовски горячо, — говорит он, целуя меня.

Я пытаюсь оттолкнуть его из страха, что он все еще может ощутить свой вкус на моем языке, но он мне не позволяет.

Его рот с жаром атакует мой. Когда он отрывается от нашего поцелуя, его слова звучат убежденно.

— Как раз тогда, когда я думаю, что ты не можешь быть более чертовски идеальной, ты это делаешь. Ты продолжаешь удивлять меня, Шарлотта. И не только в сексе. Ты так идеально подходишь мне, и я действительно хочу сохранить тебя навсегда.

Мой рот приоткрывается, когда я смотрю на него снизу вверх, думая, что это все. В тот момент, когда он, наконец, скажет мне, что собирается поставить меня на первое место и рассказать Бо все, чтобы мы с ним могли быть вместе по-настоящему. На длительный срок.

Но потом он утыкается лицом мне в шею и бормочет:

— *Боже, как бы я хотел.*

И вся эта надежда и восторг летят насмарку.

ПРАВИЛО № 30: ДАЙ ЕЙ ВСЕ — ОНА МОЖЕТ ЭТО ПРИНЯТЬ

Эмерсон

— Я немного смущен, что мне потребовалось так много времени, — говорит Гарретт, заходя в служебный кабинет клуба, где я просматриваю цифры за вчерашний вечер.

— Чтобы сделать что? — Спрашиваю я, не поднимая глаз.

— Чтобы найти свою новую подружку в Интернете.

Что ж, это привлекает мое внимание. Я вскидываю голову, глядя на своего партнера, протягивающего мне свой телефон, на котором открыта страница Шарлотты в *Instagram*.

Вам даже не нужно далеко листать, чтобы найти фотографии, на которых она и Бо вместе. По понятным причинам там нет ни одной моей фотографии, но это все равно действует мне на нервы.

Я замираю, глядя на фотографии и ожидая, что он что-нибудь скажет.

Он кладет свой телефон в карман и говорит:

— Я, конечно, не из тех, кто судит.

— Это хорошо, — холодно отвечаю я.

— Почему ты мне не сказал?

Когда я замечаю обиженное выражение на его лице, я чувствую вину, которую, вероятно, должен был чувствовать две недели назад.

— Никто не должен был знать.

Он издает смешок.

— Ну, ты сам свистнул в этот свисток прошлой ночью, когда ввязался в эту торговую войну с Кейд и увез ее со сцены, как пещерного человека.

— Я в курсе, — ворчу я. — Но мне не нужно, чтобы все знали о ее связи с Бо, так что, если бы мы могли сохранить это в тайне...

— Я понял, — говорит он, поднимая руки.

Когда он проходит дальше в кабинет и садится в одно из кресел, я знаю, что он не собирается менять тему.

— Итак, я полагаю, ты не хотел, чтобы это произошло.

— Конечно, нет.

Я откидываюсь на спинку стула.

Признаюсь... приятно наконец-то рассказать об этом, по крайней мере, Гаррету. Мне не нужно, чтобы остальные знали, но мне было трудно не иметь возможности поговорить со своим лучшим другом. Особенно в последние две недели, когда мои чувства к бывшей девушке моего сына стали еще более сложными.

Вчера я многое упустил из виду. Я был в том моменте, и когда я с Шарлоттой, я чувствую, что могу сказать все, что угодно, и это опасно, потому что она внезапно заставляет меня говорить ей, что я хочу трахать ее вечно.

Она, должно быть, думает, что я сумасшедший.

Во-первых, я сказал, что это будет просто временно. Потом я начинаю появляться на мероприятиях ее семьи и умолять о встрече с ней по выходным. Даже сегодня я заставляю себя работать, чтобы удержаться от того, чтобы не написать ей.

— Итак, что случилось? — Спрашивает Гаррет.

— Они с Бо расстались. Однажды она пришла за залогом из их квартиры, которую я оформил для него, и я принял ее за одну из девушек, которых ты присылаешь.

— Уф, — говорит он с гримасой.

— Да.

Я позволяю себе на мгновение задержаться, вспоминая тот день, тот момент, когда я впервые увидел ее в своем кабинете, то, как она упала на колени, как в тот момент я понял, что она другая. *Всего за пять секунд я понял, что она каким-то образом создана для меня.*

— Я предложил ей эту работу. Я очень ясно дал понять, что это была всего лишь обычная работа секретарши, но потом... Я переступал каждую маленькую черту по очереди, пока мы не начали трахаться две недели назад.

— Господи.

— Я знаю...

— Я полагаю, Бо понятия не имеет.

— Он все еще по-настоящему не разговаривает со мной, но я буду честен... после того, как все началось с Шарлоттой, я не так часто ему звонила.

Он наблюдает за мной, в то время как я отвожу глаза, позволяя всему этому дерьмовому шоу снова прокручиваться у меня в голове.

Как я позволил этому случиться? Я старался быть таким осторожным. Я установил для себя строгие правила, но она заставила меня нарушить их все.

Когда я, наконец, поднимаю на него взгляд, на его лице больше сочувствия, чем осуждения.

— Что, черт возьми, со мной не так?

— Я не думаю, что с тобой что-то не так.

— Но...

— Но... — Он ерзает на своем месте.

— Я могу сказать, что она тебе действительно нравится. Может быть, больше, чем нравится?

Я не собираюсь отвечать на этот вопрос. Если я облеку эту мысль в слова, я очень многим рискую. Позволяю себе поверить, что наши отношения с Шарлоттой — это нечто большее, чем спутанные эмоции и горячий, как грех, секс, и все становится намного серьезнее, чем я предполагал.

Я провожу рукой по лбу.

— Она мне действительно нравится. Я имею в виду... ты же видел ее.

Он кивает, невысказанные слова отчетливо слетают с его губ.

— Что означает этот взгляд?

После минутного раздумья он вздыхает и наклоняется вперед.

— Эмерсон, я знаю тебя больше десяти лет. Я видел тебя со многими девушками. Все они были прекрасны. Это совсем другое дело.

— Я знаю, что это так, но я ничего не могу с этим поделать.

Кажется, я не могу скрыть легкое разочарование в своем голосе. Он указывает на очевидное, но не видит проблемы. Это не так просто, как просто признать, что у меня серьезные чувства к Шарлотте, потому что, несмотря ни на что, я не могу заполучить ее.

— Почему нет?

Я должен дать своему другу минутку передышки, потому что он еще не отец, поэтому понятия не имеет, каково это.

Это мучение — бороться с мыслью о том, что я навсегда потеряю своего сына.

— Потому что, что бы я ни делал, я потеряю одного из них. Каким бы я был отцом, если бы выбрал...

Остальная часть предложения повисает у меня на губах, когда я издаю разочарованный звук, и у моего друга нет ответа.

Мы сидим в напряженной тишине еще мгновение, прежде чем он говорит:

— Это просто мое мнение, так что принимай его или нет...

Он поднимает руки вверх и продолжает:

— Но Бо взрослый человек, Эмерсон. Он больше не ребенок. Он может быть зол на тебя, но это не то, с чем ты не смог бы разобраться, если бы он действительно заговорил с тобой. Я думаю, ты отличный отец, раз хочешь дать ему так много, но, похоже, ты действительно счастлив с этой девушкой, и мне бы не хотелось видеть, как ты этим пренебрегаешь.

Он прав. Я знаю это, но это не так просто.

— И чем дольше ты будешь хранить этот секрет, тем труднее тебе будет рассказать ему.

— Я знаю.

— Но не принимай от меня слишком много советов. У меня нет ни девушки, ни ребенка, так что я мог бы быть самым большим идиотом в мире, но я действительно знаю тебя. И ты нравишься мне намного больше с тех пор, как она появилась в твоей жизни.

Я издаю тихий смешок.

— Спасибо, — бормочу я, когда он встает и хлопает меня по плечу.

— Что бы ты ни выбрал, я здесь.

Я киваю ему, грызущий комок беспокойства в моем животе становится еще больше от этого разговора.

— Как прошло шоу? — спрашиваю я, когда Шарлотта сворачивается калачиком у меня на груди на диване наверху. На заднем плане тихо играет какое-то настоящее криминальное шоу.

— Это был настоящий взрыв. Софи была на седьмом небе от счастья.

— Хорошо, — отвечаю я, целуя ее в щеку.

— Ты голодна? — спрашиваю я.

— Не совсем. Мы захватили перекусить после закрытия. Чем ты занимался весь день?

— *Скучал по тебе.*

Внутренне я вздрагиваю. Я действительно должен держать подобное дерьмо при себе.

— *Я тоже по тебе скучала,* — отвечает она, не глядя на меня.

Между нами растет напряженность. Этот невысказанный спор о Бо и нашем будущем продолжает разрастаться, отодвигая в сторону весь тот восторг, который мы испытывали неделю назад, когда все это было ново и весело. Теперь, боюсь, все это слишком реально. И я хочу всего этого слишком сильно.

Как только она пришла сюда, мы вместе забрались на диван. Обычно мы уже кончали, она выкрикивала мое имя, пока я трахал ее на разных поверхностях моего дома, но ни один из нас не потянулся к одежде другого. Еще.

— Ты хорошо ладишь со своей сестрой, — бормочу я, целуя ее в висок.

Мне нравится, как она обнимает меня и как уютно прижимается к моей груди. Мне нравится, что независимо от того, что мы чувствуем, ей удобно прикасаться ко мне первой,

вместо того чтобы ждать, пока я сделаю первый шаг.

— Она хороший ребенок.

— Ты хочешь когда-нибудь иметь детей? — Спрашиваю я, потому что...

Я не знаю. Возможно, самосаботаж. Потому что тот разговор с Гарреттом ранее заставил меня почувствовать, что я мог бы закончить его еще до того, как он начался. И что может быть лучше для этого?

— Я не знаю, — небрежно отвечает она. — Я могла бы представить свою жизнь с ними или без них.

Не совсем тот ответ, которого я ожидал.

— А как насчет тебя? — Добавляет она.

— Ты бы когда-нибудь хотел вновь стать отцом?

Я стискиваю зубы.

— Много лет назад мне сделали вазэктомию.

Она напрягается.

— Ой.

В воздухе повисает облако разочарования. И по какой-то причине мне просто хочется забить этот гвоздь в гроб.

— Учитывая, что мой единственный ребенок не хочет со мной разговаривать, я бы сказал, что это к лучшему.

Она поднимает голову и пристально смотрит на меня.

— Прекрати это. Я вижу, как сильно ты о нем заботишься. Ты хороший отец.

— Да, такой хороший, что я трахаюсь с его бывшей девушкой.

Она отвечает не сразу, но смотрит на меня скептически. Она может сказать, что что-то происходит, и, похоже, справляется со своими собственными чувствами.

— Это было немного грубо, — тихо бормочет она.

— Мне жаль.

Убирая волосы с ее лица, я целую ее в лоб.

Вместо того чтобы снова положить голову мне на грудь, она принимает сидячее положение и тербит край своей рубашки, лежащей у нее на коленях.

— Ты не возражаешь, если я спрошу, что произошло? Почему Бо так зол на тебя?

— Он не злится на меня. Я вызываю у него отвращение.

Ее взгляд устремлен в мою сторону.

— Из-за клуба?

Я киваю.

— Большую часть своей жизни я проработал в различных сферах развлечений. Когда я начал непристойничать с Гарреттом и остальными, я сказал ему, что это служба знакомств. Затем он превратился в танцевальный клуб. Внезапно ему исполнилось двадцать один год, и он узнал, что я лгал ему всю его жизнь и что танцевальный клуб на самом деле был клубом извращенцев. Что-то, с чем он просто не мог смириться.

Она сглатывает. От разговора с ней о моем сыне у меня по спине пробегает холодная дрожь, потому что она знает его так хорошо, возможно, даже лучше, чем я. И прямо сейчас я вижу, какие мысли зреют в ее глазах. Я одновременно умираю от желания услышать, о чем она думает, и боюсь этого.

— Что это? — Спрашиваю я, беря ее за руку.

— Я просто... Я думаю, Бо не прав, осуждая тебя так строго. Но это просто то, кто он

есть. Он отвергает то, чего не понимает, и быстро осуждает других...

— Шарлотта, прекрати.

Она быстро смыкает губы. Ее брови приподняты, и на лице появляется извиняющееся выражение, которое убивает меня. Но я не могу слушать, как она так о нем говорит. У него есть свои недостатки — я буду нести бремя этих недостатков, и он может злиться на меня столько, сколько захочет.

— Я думаю, ему просто нужно побыть одному, чтобы прийти в себя...

Я снова бросаю на нее взгляд. Мне кажется, я знаю, на что она намекает.

Взяв ее руку в свою, я прикасаюсь костяшками ее пальцев к своим губам, желая поцелуем прогнать подкрадывающуюся грусть. Это потому, что я трус, и у меня не хватает духу убить надежду, о которой, я знаю, она умоляет меня. Поэтому вместо этого я выбираю тишину.

Но это Шарлотта... или, скорее, Шарли, и мне нравится все ее юное упрямство и неспособность пускать все на самотек.

— Чем скорее мы ему скажем, тем скорее он придет в себя.

— Шарлотта.

— Мы должны хотя бы попытаться. Если он узнает об этом позже, лучше от этого не станет.

— Я не могу, — возражаю я, но она не останавливается.

— Что произойдет, когда он узнает об этом до того, как ты ему расскажешь? Это сделает все только хуже.

— *Шарли, остановись.*

Мой голос звучит как низкий лающий приказ, и она таращится на меня, мои слова повисают в воздухе. Я не могу больше ни минуты выносить ее обиженное выражение лица, поэтому вскакиваю с дивана и в отчаянии расхаживаю по комнате.

Я назвал ее Шарли. И, наверное, от этого ей больнее, чем от всего остального. Как будто я только что лишил ее имени.

Оглядываясь на нее на диване, я наблюдаю, как она прикусывает нижнюю губу. Это не та девушка, которую я нашел на полу своего офиса два месяца назад. Неужели я создал ее только для того, чтобы сломать? Почему я так сильно все испортил?

Два месяца. Вот сколько времени потребовалось одной девушке, чтобы войти и заморочить мне голову так сильно, что я даже сам себя больше не узнаю. Трудно вспомнить время до Шарлотты. И мне больно думать о том, что будет после нее.

— Я бы хотел, чтобы ты просто сказала мне, о чем ты думаешь, — говорю я, глядя на нее через всю комнату. — Ненавижу видеть, как ты сдерживаешься.

Ее глаза наполняются слезами, когда она делает глубокий, успокаивающий вдох.

— Я не хочу этого делать.

— Почему?

— Потому что... Я просто хочу сделать тебя счастливым.

Мне больно сглатывать ком в горле.

— Сейчас я тебе не *сэр*. Не пытайся угодить мне, Шарлотта. Просто будь честна.

Она встает и подходит ко мне, останавливаясь всего в футах от меня. Сделав еще один глубокий вдох, она расправляет плечи, и я не могу не восхищаться ею с этого ракурса.

Упрямая, жесткая, красивая девушка, которая отказывается верить, что она абсолютно идеальна.

— Ты думаешь, что, позволив Бо узнать о нас, ты станешь плохим отцом, но, Эмерсон, ты уже спишь со мной. Ты уже сделал это, но это не делает тебя плохим отцом. Это делает тебя человеком. Никто из нас не ожидал, что это произойдет, но это произошло. И это намного серьезнее, чем кто-либо из нас ожидал. Ты думаешь, что ты плохой отец, раз хочешь меня, но это не так. На самом деле ты добр к недостаткам, потому что готов пожертвовать собственным счастьем, чтобы избавить своего сына от оскорбленных чувств, но ты должен позволить ему справиться с трудностями самостоятельно. Он переживет это, но... Я не знаю, переживу ли я когда-нибудь.

— Не говори так. Конечно, ты это сделаешь.

Мое израненное, ноющее сердце жаждет хоть какого-то облегчения, которое я мог бы ей предложить.

— Тебе всего двадцать один, Шарлотта.

— Я не буду, — возражает она, и эти угрожающие слезы наконец-то проливаются.

Вот уже две ночи подряд я вижу, как она плачет, и я не могу этого вынести. Мои руки находят ее талию, притягивая ближе, как будто одно мое прикосновение могло решить любую из этих проблем.

— Мне сорок, детка, — нежно шепчу я ей в волосы. — У тебя нет будущего со мной.

— Мне все равно, сколько тебе лет. Для меня это не имеет значения.

Теперь она всхлипывает всерьез у меня на груди. Прежняя ноющая тревога в моем животе превратилась в зияющую, кровоточащую рану, но так лучше.

Выплеснуть чувства. Никаких секретов. И мы пройдем мимо них.

Я поднимаю ее лицо так, чтобы она могла видеть мои глаза.

— Ты же понимаешь, это не потому, что я тебя не хочу. Ты ведь знаешь это, верно?

— Тогда скажи мне, что ты хочешь меня, — кричит она.

— Я хочу тебя. Конечно, я хочу тебя.

Она протягивает руку, отыскивая мои губы для отчаянного поцелуя, и я знаю, что не должен, но целую ее в ответ.

Я думаю, мы установили, что я не принимаю мудрых решений там, где замешана эта девушка, и я не хочу этого делать.

Она обвивает руками мою шею, и я притягиваю ее к себе за бедра, позволяя ей обхватить меня ногами.

Я закончил разговор. Все, что мы установили, — это то, что мы оба не можем получить то, чего хотим, но, по крайней мере, у нас может быть это. В этом доме, где больше никого нет, есть только мы.

Она и я, и эта необъяснимая связь.

Мне повезло иметь что-то подобное хотя бы раз в жизни, так что, если этот краткая, горячая фаза моей жизни — это все, что я получу, то я собираюсь выжать из нее все до последней капли.

Я несу ее к дивану и опускаю на подушки.

— Ты нужен мне, — кричит она, вцепляясь в мою рубашку.

Садясь, я быстро стаскиваю с себя рубашку и занимаюсь своими штанами, срывая их, пока она вылезает из своих. Как только мы обнажаемся, я накрываю ее своим телом, опустошая ртом ее драгоценную, бледную кожу, покусывая и целуя каждый квадратный дюйм. Когда я достигаю вершины ее бедер, она извивается подо мной, постанывая и пощипывая свои соски.

Этого недостаточно. Отрывая свой рот от ее идеальных розовых складочек, я хватаю ее за талию и переворачиваю нас, так что я ложусь, а она сверху. Затем я хватаю ее сзади за шею, притягивая к себе для страстного поцелуя, и шепчу:

— Я хочу, чтобы ты была у меня на лице.

Ее глаза расширяются, и я вижу, что она собирается запротестовать, но я не даю ей шанса. Приподнимая ее за бедра, я располагаю ее лицом к себе и тяну вниз, пока ее киска не оказывается у меня во рту.

Она вскрикивает от восторга, когда мой язык скользит глубоко в нее. И я смотрю на нее снизу вверх, пока она находит свое удовольствие, прижимаясь к моим губам.

Глядя на нее снизу вверх, поглощая ее, чувствуя себя полностью поглощенным ею, я на мгновение задумываюсь, не делает ли это меня монстром. Развращать эту идеальную молодую девушку, делая ее своей и гублю ее, чтобы она никогда не смогла испытывать подобных чувств к другому мужчине.

Но мне все равно. Если я монстр, значит, я монстр. Я могу с этим смириться.

Она сильнее прижимается ко мне, отказываясь от парения и, наконец, перенося свой вес на мой рот. Я жадно посасываю ее клитор, и она вскрикивает, костяшки ее пальцев белеют, когда она вцепляется в диван.

— О Боже мой, Эмерсон. Не останавливайся, не останавливайся, не останавливайся.

Ее позвоночник изгибается внутрь, когда она кончает, ее киска пульсирует у моих губ, а ее бедра сжимаются вокруг моей головы. Я выпитываю каждую прекрасную каплю, как будто это последний раз, когда я могу пожирать ее таким образом.

Я отказываюсь в это верить. Даже если нам не суждено быть вместе вечно, я еще не закончил с ней.

Как только ее мышцы расслабляются и она падает, я снова поднимаю ее. Мой член жаждет ее. Принимая сидячее положение на диване, я направляю ее влажную сердцевину к своему члену, наблюдая за ее лицом, когда она скользит вниз по мне.

— Черт возьми, Шарлотта, — стону я, хватая ее за волосы и притягивая ее губы к своим. Она стонет от нашего поцелуя, пробуя себя на вкус у меня на языке.

— Оседлай меня.

Устремив на меня свои завораживающие карие глаза, она держит меня сзади за шею и насаживается на мой член жесткими, глубокими толчками. Она трахает меня так же, как я трахаю ее.

Наблюдая за ней, я понимаю... *что люблю ее.*

Если это не то, на что похожа любовь, тогда ее не должно быть.

Это не значит, что я могу дать Шарлотте все, чего она хочет, — все, чего хочу я. Это ничуть не облегчает мой выбор, но я чувствую себя свободнее, когда могу признаться в этом самому себе. После двадцати лет ожидания это то, что окончательно разрушило веру в то, что я никогда этого не найду. Никогда не найду свою любовь. Но у меня есть... из-за нее.

И я так сильно хочу сказать ей об этом прямо сейчас, но не могу. Я отказываюсь больше давать этой девушке какие-либо обещания, которые я не могу выполнить. Если я скажу ей, что люблю ее, это только укрепит ее надежду еще больше, а я и так уже сокрушаю ее.

Крепко схватив ее за бедра, я прижимаю ее к себе еще сильнее, и она откидывает голову назад, наполняя комнату восхитительно звучащими стонами экстаза.

— Я хочу кончить в тебя. Я хочу, чтобы ты взял это, — стону я.

— Дай это мне.

Требуется всего два толчка на моем члене, прежде чем я издаю стон облегчения, мой член входит в нее. Она висит у меня на руках, измученная и прекрасная. Поэтому я притягиваю ее тело к своим губам, целую то место, где колотится ее сердце в груди.

Она задыхается больше обычного, ее сердце колотится от напряжения. На ее спине блестят капельки пота.

— Я была хорошей девочкой? — Шепчет она, ее губы в нескольких дюймах от моих.

Улыбка расплзается по моему лицу когда я заключаю ее в объятия.

— *Ты всегда была хорошей девочкой.*

ПРАВИЛО № 31: НИЧТО ХОРОШЕЕ НЕ ДЛИТСЯ ВЕЧНО

Шарлотта

Когда я слышу его приближающиеся шаги в понедельник утром, меня охватывает чувство спокойствия. В этом звуке что-то есть. Повторяющийся щелк-щелк-щелк вызывает реакцию в моем теле, выброс серотонина, который мгновенно погружает меня в состояние безмятежности. Тревога, в которой я погрязла с тех пор, как проснулась в его объятиях вчера утром, рассеивается, когда я слышу, как он входит в комнату.

Он подходит к тому месту, где я стою на коленях, и нежно гладит меня по голове.

— Доброе утро, Шарлотта, — говорит он с той же интонацией, с какой сказал бы *Доброе утро, красавица*. Или *Я люблю тебя, Шарлотта*. И, может быть, последнее мне только кажется, но в моем сознании оно звучит правильно.

— Доброе утро, сэр.

Мы вписываемся в эти роли так легко, словно кусочки головоломки встают на свои места. С субботнего вечера не было сказано ни слова о Бо, нашей тайне, о нашем будущем или о наших чувствах. Как будто этот разговор напугал нас обоих и заставил замолчать. Мы были так близки к тому, чтобы положить всему конец, поэтому вместо того, чтобы смотреть в лицо и признать то, что, как мы оба знаем, грядет, мы вернулись к тем ролям, которые играли раньше.

Держи это в секрете.

Отрицай наши чувства.

Не думай о будущем.

Само по себе это кажется неправильным, но поскольку я все еще здесь, стою перед ним на коленях, мне кажется, этого достаточно.

Две недели назад я сказала ему, что возьму все, что смогу получить, и это по-прежнему так.

Пока он сидит в своем кресле, я жду инструкций. Обычно он говорит мне поработать за моим столом или посидеть у него на коленях, пока он работает. Но пока я жду, минуты проходят в тишине. Желание посмотреть, что он делает, очень сильно.

Наконец, он бормочет:

— Ползи ко мне.

Я прикусываю губу, чтобы удержаться от улыбки, и поднимаюсь на четвереньки, глядя на него снизу вверх. Он подпирает подбородок рукой, облокотившись на подлокотник кресла, и наблюдает за мной. На его лице читается едва уловимое одобрение, и я вдыхаю его, как будто это впитывает во мне жизнь.

Добравшись до его кресла, я снова опускаюсь на колени. Его пальцы тянутся, чтобы погладить меня по щеке, и я наклоняюсь навстречу этому прикосновению.

— Я не хочу сегодня работать, — тихо бормочет он.

И когда мои губы сжимаются, сдерживая улыбку, он продолжает:

— Я хочу поиграть.

— Да, сэр, — сладко отвечаю я.

— На стол, — командует он, постукивая по твердой поверхности перед собой.

Поднявшись на ноги, я сажусь перед ним, и он мгновенно раздвигает мои колени,

перемещаясь между ними.

Сегодня на мне платье длиной до колен, черное, с пуговицами спереди и в мелкий белый горошек. Оно хорошо подчеркивает мои изгибы, плотно облекая грудь и бедра. Под платьем на мне пара светло-голубых кружевных трусиков.

Руки Эмерсона скользят вверх по моим бедрам, и меня охватывает пульсирующее возбуждение, когда он добирается до подола и осторожно опускает его вниз. Поднося голубую шелковистую ткань к носу, он вдыхает, не сводя с меня глаз. Я прикусываю губу, наблюдая за ним.

Затем он открывает ящик своего стола и бросает туда трусики. Я наблюдаю, как он достает что-то еще. Это знакомый розовый силикон, и у меня перехватывает дыхание, когда я узнаю его.

— Я нашел это на твоём столе, — говорит он. — Помнишь это?

— Да, сэр.

Я смотрю, как он начисто вытирает игрушку и сушит ее. Трудно оставаться такой неподвижной в ожидании чего-то столь полезного, как эта игрушка, потому что я знаю, что сейчас произойдет.

Когда она чистая и сухая, он подносит тупой конец к моим губам.

— Открой.

Я открываю приветствуя игрушку, и как только она оказывается у меня на языке, он говорит:

— Соси.

И я так и делаю, покрывая силикон своей слюной. Затем он осторожно вытаскивает его и приподнимает мое платье.

Я едва могу дышать, наблюдая за ним. Подтягивая мои бедра к краю его стола, он медленно работает круглым, покрытым слюной концом, и мне приходится подавить вздох. Вторжение происходит по-другому, когда его вводит кто-то другой, и то, как он это делает, ощущается почти клинически. Это эротическое, почти грязное ощущение — и мне это вроде как нравится.

Как только она полностью вошла в меня, он восхищается своей работой, прикасаясь ко мне и проводя пальцами по моим складочкам. Я еще не могу сказать, возбужден ли он, и продолжаю пытаться украдкой взглянуть. Я уже знаю, что сегодняшней день будет мучительно долгим, но в конце, когда он наконец будет у меня, это будет стоить того.

Когда он достает маленький черный пульт дистанционного управления, который я помню с прошлого раза, я улыбаюсь. С одним легким щелчком игрушка начинает жужжать у моего клитора и точки G, и я пытаюсь сдвинуть ноги вместе, но он мне не позволяет.

— Давай посмотрим, сколько времени ты продержишься, прежде чем кончишь.

Я хочу протестовать, но не могу. Сегодня он сэр, немного другой, чем в прошлый раз.

Вибрация низкая, но так даже хуже, медленно приближая меня к кульминации. И тот факт, что я почти не могу реагировать, усугубляет ситуацию.

Прикусив нижнюю губу, я крепко зажмуриваю глаза и заставляю себя дышать. Затем он начинает поглаживать мои бедра, проводит руками вверх по моим грудям, пощипывая пальцами каждый сосок.

— Я вижу, ты приближаешься к цели, — говорит он, и он прав.

Мое тело извивается на его столе, а дыхание превращается в прерывистые вздохи.

— Прямо... там.

Внезапно вибрация пропадает. Как раз в тот момент, когда я была близка к пику своего оргазма, он остановил это. Я чувствую, как у меня на лбу выступают капельки пота, когда я делаю долгий, тяжелый вдох. Когда я оглядываюсь на него, он ухмыляется, довольный собой.

— Я был прав?

— Да, сэр, — отвечаю я.

— Тебя не наказывают, но я собираюсь делать это с тобой весь день. Если ты будешь хорошей девочкой, то в конце дня будешь вознаграждена. Поняла?

— Да, сэр.

Он наклоняется вперед и прижимается губами к мягкому местечку на внутренней стороне моих бедер.

— Я собираюсь оставить твои трусики у себя. Постарайся не испачкать свой стул.

Затем он нежно похлопывает меня по заднице и отправляет на работу.

Следующие пару часов он дразнит меня постоянными вибрациями, подводя к краю и снова опуская вниз. Хотела бы я сказать, что ненавидела это, но пока все не так уж плохо. В любом случае, мне нравится это. И больше всего мне нравится его внимание, которое я получаю сегодня.

— На улице красиво, — говорит он, пока я пишу Мэгги электронное письмо. — Давай вместе прогуляемся до гастронома.

О, Эмерсон, думаю я про себя. Конечно, ты хочешь выставить меня на публику с этой штукой внутри меня.

Но разве я спорю? Нет. Я просто улыбаюсь, киваю головой и соответственно отвечаю ему:

— Да, сэр.

Я сделаю тебе массаж ног сегодня вечером, — говорит он на обратном пути в милю, глядя вниз на мои пятки.

Эти немного удобнее предыдущих, но я не собираюсь отказываться от растирания ног.

В гастрономе он заставил меня чуть не плакать, когда пытал меня. Там было битком набито, люди толпились на всех открытых пространствах, когда он включал игрушку, заставляя меня цепляться за его руку в поисках поддержки, боясь, что я в любую секунду упаду на пол.

Он нашел в этом столько юмора, но я также могла сказать, что он тоже был возбужден. Настолько, что ему пришлось все время держать меня перед собой, чтобы люди не видели его твердую длину, когда мы заказывали наши сэндвичи.

Там я заказала индейку, а твердый член Эмерсона Гранта прижимался к моей спине, в то время как вибратор чуть не довел меня до оргазма на середине слова *майонез*.

Если люди не заметили, как странно мы себя вели, то это было чудом, или они были слепы. Но нам было все равно. Мы пообедали в маленькой кабинке в глубине зала с улыбками на лицах. Это могло бы сработать, думала я про себя все это время.

Я могла бы быть его секретаршей для прикрытия и его девушкой втайне, и никому не нужно было бы знать. Этого было бы достаточно.

Но когда мы подъезжаем к его дому, и я вижу знакомую фигуру, стоящую на крыльце Эмерсона, все эти идиотские надежды рушатся вокруг меня.

— Бо? — шепчет Эмерсон, заметив своего сына.

Когда он поворачивается, чтобы ответить на зов своего отца, я замираю. Я не знаю,

испытывает ли Эмерсон ту же волну вины, что и я, но встреча с Бо сейчас для меня как удар под дых. И он выглядит... хорошо. Лучше, чем в прошлый раз. Он подстригся, на лице у него улыбка, и не похоже, что он хочет убить собственного отца.

— Все в порядке? — спрашивает Эмерсон.

— Да, я в порядке.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я.

На лице Эмерсона появляется выражение скептического удивления, его внимание приковано к сыну, как лазер, и я не могу поверить, что меня охватывает растущая ревность, когда я это замечаю.

Это его сын, Шарли. Конечно, он собирается уделить ему свое внимание.

— Я работал в этом районе и увидел здесь машину Шарли и решил немного с ней поговорить.

— Поговорить?

Взглянув на дорогу, я замечаю его белый грузовик, припаркованный у обочины. Как я раньше этого не заметила? Должно быть, он потратил деньги, которые отец дал ему в прошлый раз, чтобы отремонтировать его.

Все это кажется неправильным, но я ничего не говорю, когда Эмерсон открывает дверь, чтобы впустить его. Он выглядит таким обрадованным, что снова видит своего сына, и я не могу быть той, кто отнимет это у него. Поэтому я веду себя непринужденно, когда мы вместе входим внутрь.

Эмерсон опустошает карманы на столике у входа, бросая ключи в вазу.

— Ты голоден? — спрашивает он у Бо.

Бо качает головой, прежде чем повернуться ко мне.

— Так где вы были, ребята? — спрашивает он.

Мой взгляд на мгновение перебегает с одного мужчины на другого, пытаюсь привлечь внимание Эмерсона, но он слишком насторожен, слишком напуган.

— Мы зашли в гастроном дальше по улице. Ты уверен, что не голоден? — отвечает Эмерсон.

— Нет, я в порядке. Я получил новую работу, — добавляет он, и улыбка на его лице кажется почти заразной. Если бы я не была такой встревоженной в этот момент, я могла бы на самом деле почувствовать хоть каплю радости за него, но я слишком выбита из колеи.

Я продолжаю ждать, когда он заметит, что мы с Эмерсоном трахаемся, как будто он мог прочесть это по нашим лицам.

Я имею в виду, хотелось бы мне прямо сейчас прочесть выражение лица Эмерсона, но он так насторожен, что это невозможно.

— Я собираюсь взять что-нибудь выпить. Вы, ребята, идите посидите в гостиной, а я сейчас приду. Я хочу услышать все о твоей новой работе, — говорит Эмерсон, поворачиваясь в сторону кухни.

— Да, сэр, — отвечаю я по привычке, тут же морщась, когда слова слетают с моих губ.

Эмерсон застывает в дверях, и я пытаюсь изобразить, что в этом нет ничего необычного, вальсируя прямо в гостиную в передней части дома.

— Сэр? — отвечает Бо со смехом.

Я тоже смеюсь, пытаюсь отмахнуться от этого, но чувствую себя такой фальшивой. Почти механически, как будто я даже не знаю, как вести себя нормально. Мы болтаем о

пустяках, пока ждем возвращения Эмерсона, и Бо, кажется, ничего не подозревает, что должно меня радовать, но вызывает лишь легкую тошноту.

Затем Эмерсон возвращается с тремя бутылками пива, зажатыми в пальцах, и Бо скептически смотрит на них.

— Я подумал, что мы могли бы пропустить по стаканчику, чтобы отпраздновать твою новую работу.

Бо одаривает его легкой полуулыбкой, берет одну из банок пива и опускается в огромное кожаное кресло. Эмерсон выглядит на мгновение довольным собой, когда протягивает мне мою бутылку, и это чуть не разбивает мое сердце вдребезги.

Посмотри, как он счастлив. Бо здесь, и он действительно улыбается, и они собираются восстановить свои отношения. Я это чувствую.

Как я могу отнять это у него? И как я могу быть такой эгоисткой, ожидая, что Бо просто переживет это? Что со мной не так?

Не сводя глаз с Эмерсона, сидящего в кресле напротив его сына, я медленно опускаюсь на последний стул, и в тот момент, когда моя задница касается сиденья, мои глаза расширяются.

Вибратор.

Я совсем забыла. И теперь я должна сидеть здесь с дилдо с дистанционным управлением и без трусиков, пока мы притворяемся, что все в порядке и мы не трахаемся за спиной Бо.

Я едва слышу слова из того, что они говорят, из-за скандирования *позор*, эхом отдающегося в моей голове — это все моя вина. К счастью, ни один из них, похоже, этого не замечает.

На самом деле, в течение следующих тридцати минут ни один из них вообще не замечает, что я здесь.

Я цепляюсь за то, как Бо смотрит на своего отца. Между глотками пива он рассказывает ему о новой работе в качестве подмастерья у какого-то крупного ландшафтного дизайнера в этом районе. Потом я замечаю выражение удовлетворения и гордости на лице Эмерсона, и я сижу здесь и спрашиваю себя, как, черт возьми, это произошло.

Минуту назад все было так просто. Мы с Эмерсоном могли бы продолжать наши тайные отношения под видом того, что я его секретарша. И никто бы не пострадал. И вот так просто появляется Бо, жестокое напоминание о том, что никогда ничего не бывает легко, и ничто хорошее не может длиться вечно.

— Значит, тебе нравится здесь работать?

Мне требуется минута, прежде чем я понять, что это Бо обращается ко мне. Сделав глоток пива, он пристально смотрит на меня и ждет моего ответа.

— О, эм, да. Это хорошая работа.

Я не могу смотреть на Эмерсона. Я буквально не могу этого вынести, но на мгновение чувствую на себе его пристальный взгляд. Наверное, больше всего он смотрел на меня с тех пор, как появился Бо.

— Хорошо, — отвечает он, кивая головой.

— Что ж, в следующий раз, когда я буду работать в этой части города, я бы хотел заехать сюда снова. Может быть, мы все вместе пообедаем или еще что-то в этом роде.

То, как он смотрит на меня, как будто цепляется за что-то, надеясь на что-то, так тяжело смотреть на это, что мне приходится опустить взгляд на свою пивную бутылку, с

которой я полностью содрал этикетку из-за своей нервозности.

— Это было бы здорово. Я бы с удовольствием, — говорит Эмерсон, вставая.

Бо все еще смотрит на меня, но я замираю, мой взгляд прикован к холодным каплям конденсата на коричневом стекле бутылки.

Когда Бо встает, я вздыхаю с облегчением. Мне просто нужно побыть наедине с Эмерсоном. Нам не обязательно возвращаться к тому, что было до обеда, но, может быть, мы сможем просто обсудить это.

Здесь есть что спасти... если только он не захочет порвать с этим сейчас. Я уверена, что, учитывая то, как хорошо обстоят дела у него с Бо, я больше ничего не значу.

Нет, я не могу так думать.

Бо топчется возле входной двери, и они снова заводят светскую беседу. Когда я вижу, как его рука тянется за ключами, которые он положил рядом с ключами отца на столик в прихожей, я вижу что-то знакомое, сидящее рядом с ними. Жар заливает мои щеки, и я начинаю паниковать, когда замечаю черный пульт всего в нескольких дюймах от руки Бо.

Он просто возьмет свои ключи и уйдет. Он не заметит пульт дистанционного управления.

Когда я бросаю взгляд на Эмерсона, он кажется невозмутимым, настолько погруженным в разговор со своим сыном, что даже не замечает, что он уронил на стол у всех на виду.

Я быстро встаю, надеясь добраться до пульта первой.

— Ладно, мне пора идти, — небрежно говорит Бо.

Я замираю на месте, пересекая комнату, когда его рука сжимает ключи и черный пульт, который так похож на пульт от его грузовика, что это жутко. Когда он пытается их подобрать, пульт с грохотом падает на пол.

Когда Бо наклоняется, чтобы поднять его, он должно быть нажимает на одну из кнопок, потому что внезапная, интенсивная вибрация между моими ногами нежелательна и совершенно неправильна. Я издаю крик и зажимаю рот рукой, искажая лицо страдальческим выражением, когда поворачиваюсь и пытаюсь убежать. Я должна вынуть его прямо сейчас.

Энергетика в комнате мгновенно меняется, как будто кто-то только что выключил свет в кажущийся ярким солнечный день.

Бо с любопытством смотрит на меня, ожидая понять, почему я так отреагировала, но что я могу сказать?

Его взгляд останавливается на мне с пультом дистанционного управления в руке.

— Что не так?

Внезапно начинается потасовка, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть, как Эмерсон вырывает пульт из рук своего сына. Одним быстрым нажатием кнопки вибрация исчезает.

— Что происходит? — Кричит Бо.

Я должна уйти. Мне нужно выбраться из этой комнаты, из этого дома, из всей этой ситуации, но я застряла — пойманная взглядом Эмерсона, когда он смотрит на меня с напряженным, извиняющимся выражением лица.

Я думаю, это все. Это тот момент, когда он, наконец, может признаться своему сыну, что он облажался, когда он, наконец, может признать, что я что-то значу для него, и что все, что он сказал мне наедине, было правдой.

Я, затаив дыхание, жду момента, который, как я уже могу сказать, не наступит. По крайней мере, не так, как я этого хочу.

— Кто-нибудь, скажите что-нибудь, пожалуйста, — рывкает Бо после минутного напряженного молчания.

Как, черт возьми, мы могли бы объяснить наш выход из этого положения? Нет невинного способа отговориться от того, что я ношу вибратор с дистанционным управлением. И именно в этот момент взгляд Бо переводится с пульта в руке его отца на место между моих ног, где я сжимаю бедра вместе и сжимаю платье в кулаке.

— Я так и знал, — бормочет он в гневе, внезапно осознав, что его подозрения с самого начала были верны.

— *Ничего особенного*, — заикается Эмерсон, не сводя с меня своих очаровательных зеленых глаз.

Клянусь, я наблюдаю за происходящим как в замедленной съемке, за моментом, когда он пытается на самом деле отрицать очевидное. Когда он пытается отказать мне, вернее, нам. У меня отвисает челюсть, когда я смотрю на него в ответ.

— Ничего? — Огрызается Бо, его взгляд мечется между нами двумя.

— Да, ничего, — бормочу я себе под нос, прежде чем развернуться на каблуках и выйти из комнаты.

С таким же успехом стены могли бы рухнуть вокруг меня. Прямо сейчас мне кажется, что так оно и есть. И, может быть, мне не стоит так злиться. Я имею в виду, это его сын. Я не ожидала, что он так легко это признает, но, шагая по офису, я вижу, как все, что произошло за последние два месяца, разворачивается — только на этот раз в другом свете.

Я вижу себя, наивную и полную надежд, такой, каким хотел меня видеть Эмерсон Грант. Я вижу, как меняюсь ради него. Преклоняла перед ним колени. Лгала и жертвовала собой... *ради него*.

Я слышу малейшую похвалу из его уст и то, как легко я уступала и пускала слюни из-за этого, отказываясь от всего, во что верила, только для того, чтобы слышать это снова и снова. Как будто вся моя ценность зависела от этих двух соблазнительных слов: *хорошая девочка*.

Разговор между ними становится все более жарким, но это звучит у меня за спиной в виде приглушенной болтовни, которую я не могу перевести. Я слишком потерялась в своем собственном тумане ярости и опустошения.

Я хватаю свой телефон со стола, пытаюсь сосредоточиться на окружающем сквозь затуманенное слезами зрение. Когда я разворачиваюсь и направляюсь к двери за своей сумочкой, теплая мозолистая ладонь сжимает мою руку.

Я поднимаю глаза и вижу, как лицо Бо искажается от гнева.

— Скажи мне правду. Он прикасался к тебе? — Кричит он, и я не могу ответить.

Я даже не улавливаю смысла вопроса. Страхивая его с себя, я продолжаю свой путь к двери.

— Куда ты идешь? — спрашивает Эмерсон, преграждая мне путь.

Когда я наклоняюсь, чтобы забрать свою сумку, слеза падает на блестящую черную поверхность моих туфель на высоком каблуке. И я секунду смотрю на них.

Кто я вообще такая? Я потеряла свою личность в ту минуту, когда вошла в эту дверь. Я отдала его мужчине, которому на меня наплевать.

Ничего особенного, сказал он.

Обо мне. О нас. Каждая обнадеживающая, тоскующая по любви, влюбленная мысль в моей голове внезапно кажется глупой.

— Боже, я такая чертовски глупая.

Когда я распахиваю дверь, он снова преграждает мне путь.

— *Не уходи*, — говорит он, и я слышу тон, которым он это говорит, ожидая, что я послушно отвечу *Да, сэр*.

Я отвожу взгляд от его лица и упрямо бормочу:

— Нет.

Нет, к твоим командам. Нет, к твоим обещаниям. Нет, к твоей похвале.

Между ними происходит еще одна потасовка, и мне удается обойти Эмерсона.

Все, что регистрирует мой разум, — это необходимость уйти. Поэтому, как только дверь открывается, я исчезаю за ней и не осмеливаюсь оглянуться. В следующую секунду я уже в своей машине, а мгновение спустя мчусь по шоссе в сторону своего дома. Мне удастся дойти до своей кровати, прежде чем я истерически рыдаю в подушку.

ПРАВИЛО № 32: ВО ВРЕМЯ ТЯЖЕЛОГО РАССТАВАНИЯ РУКОВОДСТВУЙТЕСЬ ПРАВИЛОМ № 4. ТАКО И МАРГАРИТА — ЭТО ВСЕГДА ВЫХОД

Шарли

— Вставай, — говорит Софи, захлопывая за собой дверь, когда входит в комнату.

Прошло восемь дней, четыре часа и тридцать две минуты с тех пор, как я в последний раз видела Эмерсона Гранта. И я не сделала нечего, кроме как сделала глубокую вмятину на своей кровати с размером Шарли, проглотила целый криминальный сериал Netflix и наелась рыбы по-шведски.

И плакала. Много.

Когда я оглядываюсь назад, на последние два месяца, я чувствую укол горя и стыда. Я не могу не скучать по тому, как все было, и по тому, что я чувствовала, когда была с ним, но все это было иллюзией. Я буквально сыграла свою роль, и сыграла ее хорошо. То, что я делала для него только для того, чтобы привлечь его внимание, — это унижительно.

Но потом я вспоминаю ощущение его рук, обнимающих меня, когда я просыпаюсь, и выражение его глаз, когда он смотрел на меня сверху вниз. Та потрясающая ночь в субботу, когда он признался, как сильно обо мне заботится...

Трудно не чувствовать, что я выбрасываю эту любовь на ветер. *Но он любил Шарлотту, а не Шарли.*

— Сегодня вторник с Тако. Давай наедемся чипсов и сальсы и будем есть до тех пор, пока едва сможем ходить.

Я ворчу в подушку.

— Ты платишь? У меня нет работы, помнишь?

— Если ты украдкой принесешь мне глоток *маргариты*, я это сделаю.

Я выдавливаю из себя смешок. Как бы сильно мне ни хотелось перевернуться на другой бок и проигнорировать ее приглашение, я не могу так поступить с Софи. Это не ее вина, что я неудачница, которая влюбляется не в тех парней.

— Хорошо... Позволь мне принять душ.

Мой голос звучит как гравий, а в голове стучит от бутылки белого вина, которую я уничтожила прошлой ночью. Может быть, *маргарита* поможет мне почувствовать себя лучше.

Час спустя мы с Софи поглощаем *Карне Асада из говядины*. Я имею в виду, что это точно не решит всех моих проблем в личной жизни, но это определенно помогает. Вы не можете быть несчастливы в мексиканском ресторане.

Примерно в середине ужина я замечаю кабинку напротив нас. Это семья с двумя мальчиками-подростками, и я сразу замечаю, как они пялятся на Софи. Когда я слышу, как они перешептываются друг с другом, сопровождаемые смехом, я так сильно сжимаю свой бокал с *маргаритой*, что боюсь, он разобьется.

Софи, должно быть, замечает, потому что она смотрит на меня поверх своей газировки и шепчет:

— Просто не обращай на них внимания.

Глядя на нее снизу вверх, я понимаю... разве не я должна говорить ей это? Я имею в виду, мы уже привыкли к этому, и мы все научились игнорировать невежественных придурков этого мира, но почему моя младшая сестра каким-то образом храбрее и увереннее в себе, чем я?

— Хотела бы я, чтобы у меня была хоть капля твоей уверенности, Софи.

Я допиваю остатки своего напитка и переключаюсь на воду.

Софи замирает и смотрит на меня, нахмутив брови.

— О чем ты говоришь? Как ты думаешь, где я научилась насрать на то, что думают люди?

— Язык, — шучу я. — И что ты имеешь в виду под *мне насрать, что думают люди*? Я всегда беспокоюсь о том, что подумают люди.

— Ну, ты этого не показываешь. Когда я пришла к тебе, ты помнишь, что ты мне сказала?

Я смотрю в свой стакан и пытаюсь вспомнить. Я чувствую, что сказала ей миллион вещей в тот год, сказала все, что могла, чтобы помочь ей пережить это.

— Напомни мне.

— Ты сказала, что, то что люди думают в своих головах, — это их проблема. Не делай это своей.

— Черт. Я это сказала?

— Ага. Я думала, ты самый уверенный в себе человек в мире.

— Ха!

— Потом ты начала встречаться с Бо...

Ее голос затихает, и я наблюдаю, как она с беспокойством кривит губы.

Какое-то время мы сидим молча в шумной болтовне ресторана, пока я жду, когда она закончит это предложение.

— И что?

— И ты просто не выглядела такой счастливой. Это было похоже на то, что ты потеряла всю свою уверенность. Особенно после того, как папа ушел.

Я выпускаю тяжелый вздох.

— Я просто продолжаю связываться не с теми парнями, не так ли?

— Ты знаешь... Я знаю, что Эмерсон, его отец, верно?

Я чуть не задыхаюсь, выпуская глоток воды не в ту трубу.

— Ты это знаешь?

— Ну, давай посмотрим... — Говорит она саркастическим тоном.

— Я была с тобой в тот день, когда Бо дал тебе адрес своего отца. Два дня спустя у тебя появилась новая работа. А месяц спустя ты приводишь этого таинственного пожилого мужчину на мой день рождения. Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять это, Шарли.

Я опускаю голову, потирая лоб.

— А мама знает?

— Я полагаю, что да.

— Почему вы, ребята, ничего не сказали?

— *Ты была счастлива!* — огрызается она. — Такой счастливой я тебя не видела с тех пор, как была до Бо

— Разве ты не знаешь, как это было неправильно? Встретаться с отцом моего бывшего? Она наклоняет свою синеволосую голову и добавляет:

— Ты имеешь в виду, подумают ли люди, что это неправильно? Это похоже на их проблемы.

Я не могу удержаться от смешка.

— Туше, Смурфик. Но Бо узнал, и это стало нашей проблемой.

— Вы, ребята... расстались? — спрашивает она.

Я торжественно киваю.

— Но дело было не только в Бо. Это... сложно.

— Стреляй. Я могу с этим справиться.

Я снова смеюсь.

— Хорошо... вот версия PG-13.

Софи морщит нос, изображая отвращение.

— Да, пожалуйста.

Натянуто улыбаясь, я рассказываю ей все. Как Эмерсон всегда был главным. Как мне пришлось полностью изменить свою личность, чтобы быть с ним. Как я бы сделала все, чтобы доставить ему удовольствие. И каким ядовитым он стал.

И вместо того, чтобы согласиться со мной или посочувствовать мне, она смотрит на меня так, как будто ей есть что сказать.

— Что означает этот взгляд?

— Ничего, — говорит она, пожимая плечами.

— Дело просто в том, что... Я не думаю, что ты сменила свою личность. С моей точки зрения, это было похоже на то, что к тебе вернулась вся эта уверенность. Он действительно заставил тебя измениться или позволил тебе быть самой собой?

В моей голове полный бардак. Я знаю, что на каком-то уровне она права, но что-то мешает мне смотреть на это таким образом. Это напоминает мне о том первом дне, когда я начала работать секретаршей Эмерсона, и о том, как он сказал:

— *Иногда я хочу, чтобы ты была просто Шарлоттой.*

Что он имел в виду под этим? Достаточно ли ему понравилась я, как обычно, или он просто не хотел иметь дело с хлопотами по обучению меня в нерабочие дни?

Он позволил мне быть самой собой? Это была моя идея взять на себя роль заместителя секретаря. Я была единственной, кто бродил по темным коридорам клуба. Я была единственной, кому не терпелось узнать все это.

И я единственная, кто действительно хочет вернуться в этот клуб.

— Папа ушел, потому что не смог принять меня такой, какая я есть. Он предпочел бы видеть меня несчастной, чем принять перемены, в которых, как я знала, я нуждалась. Но ты нашла мужчину, который хочет тебя такой, какая ты есть.

— Я бы хотела, чтобы он хотел меня, Софи. Но он должен ставить своего сына на первое место... и это не оставляет места для меня.

Она закатывает глаза.

— Скажи Бо, чтобы он смирился с этим.

Смех снова вырывается из моей груди.

— *Поверь мне, я бы сделала это, если бы могла.*

Той ночью я лежу в постели и смотрю на восемь сообщений от Эмерсона, которые я

оставила без ответа.

Мы можем поговорить?

Я просто хочу извиниться.

Я совершил ошибку.

Я скучаю по тебе.

Я понимаю, тебе нужно время. Я могу подождать. Моя входная дверь всегда открыта.

Теперь Бо знает все. Он зол, но мы можем с этим разобраться.

Я не выбираю его вместо тебя. Мне жаль, что я когда-либо намекал на это.

Пожалуйста, Шарли.

Слезы подступают к моим глазам, когда я перечитываю каждое из них. Также есть шесть пропущенных звонков и несколько голосовых сообщений, которые мне не хочется слушать.

Он прав, мне действительно нужно время. Мне нужно спуститься из школы Эмерсона Гранта, чтобы я могла ясно мыслить. Может быть, немного свободного времени поможет мне понять, чего я действительно хочу.

От Бо ни одного сообщения, что удивительно. Никакого язвительного осуждения. Никаких назойливых расспросов. Он просто исчез из моей жизни. Наверное, так будет лучше. Я даже не знаю, что бы я ему сказала.

Как раз в этот момент появляется новое сообщение, и я мгновение смотрю на него, прежде чем понимаю, кто это.

Эй, малышка. Надеюсь, у тебя все хорошо.

На премьере у нас был фотограф. Эти фотографии не будут опубликованы в Интернет, но я подумал, что тебе, возможно, захочется взглянуть на эту.

Гаррет.

Я могу сказать это только по тону и тому, как он назвал меня малышкой. Не то чтобы он называл меня так раньше. Но он просто такой игривый.

Под его первым текстом фотография. Снимок сделан в тусклом клубе. Люди вокруг нас размыты, но мы с Эмерсоном находимся посередине. Мое золотисто-голубое платье плотно прилегает к его сапфировому костюму.

Мы на танцполе, и пока я смотрю куда-то в сторону, глаза Эмерсона сосредоточены на моем лице. В его чертах теплое, обожающее выражение. Намек на улыбку, который появляется в его зеленых глазах.

На это трудно смотреть. Ни для кого не секрет, что Эмерсон считает меня красивой, но в отношениях должно быть нечто большее. И определенно больше, чем когда меня называют *хорошей девочкой*, потому что я хорошо подчиняюсь или становлюсь на колени рядом с ним, как и положено его сабе. Видит ли Эмерсон во мне нечто большее?

Бросив свой телефон, я издаю крик разочарования. Хотела бы я доверять своему собственному суждению. Если бы я хоть что-нибудь знала о любви и отношениях, я действительно могла бы найти подходящего парня, но я этого не делаю. Я просто наивная, отчаявшаяся девушка, которая жаждет смехотворного количества похвалы и внимания и достаточно глупа, чтобы ради этого пойти на все.

Но это не вина Эмерсона. Она моя.

ПРАВИЛО № 33: ПРАВДА ПРИЧИНЯЕТ НЕВЫНОСИМУЮ БОЛЬ

Эмерсон

Когда-то мне нравилось, что мой стол обращен к ее столу. Я мог наблюдать за ее профилем, пока она работала, восхищаясь изгибом ее носа и тем, как она прикусывала губу, когда печатала, или клала голову на стол в конце рабочего дня. Теперь на столе мучительно пусто.

И это все моя вина.

В тот день, когда Бо нашел нас, он даже не потрудился остаться и накричать на меня. Мы просто снова вернулись к молчаливому обращению, и я действительно хотел бы, чтобы он позволил мне это сделать, пока был здесь. Я бы предпочел, чтобы мой сын кричал на меня, а не игнорировал.

Я практически стерл буквы на экране своего телефона, отправляя им обоим текстовые сообщения. Сейчас я стараюсь проводить большую часть своих дней в клубе, но даже там воспоминания о ней преследуют меня. Гаррет говорит мне не сдаваться, дать им обоим время, но я не знаю, как долго я смогу это делать.

Я хочу их обоих, и, может быть, это эгоистично и нереалистично, но мне, черт возьми, все равно.

Сегодня я застрял за своим столом. Прошло две недели с тех пор, как она ушла, и у меня нет планов заменять ее в ближайшее время. Или когда-либо еще. Гаррет, Мэгги и Хантер пытались подбодрить меня, а я ненавижу, когда меня подбадривают. Прямо сейчас я хочу погрязнуть в своей жалости, зная, что, возможно, никогда больше не увижу ее и не заговорю с ней.

И это все для меня. Мне не нужна другая саба или другая девушка. Шарлотту невозможно заменить так же, как и Бо, а это значит, что нет.

Я ловлю себя на том, что провожу пальцем по линиям на своей ладони, вспоминая, как она сказала, что у меня длинная линия сердца, что в моей жизни будет большая любовь. Неужели я превратился в самого большого болвана в мире? Вероятно.

Стук в дверь отвлекает мое внимание от моей руки. Наверное, это доставка или Мэгги принесла мне что-то. Тем не менее, я спешу ответить и вздыхаю с облегчением, когда нахожу своего сына на крыльце, ожидающего меня.

— Бо, — тихо говорю я.

Он лишь мельком смотрит мне в глаза, прежде чем отвести взгляд.

— Я хочу знать больше. Я не могу перестать думать об этом, и я хочу знать, что на самом деле произошло между вами двумя.

Я заставляю себя успокоиться.

— Конечно. Заходи.

Мы находим место, чтобы присесть в гостиной, и я предлагаю ему выпить или поесть, но он качает головой.

Его колено подпрыгивает, когда он смотрит в пол. Готовясь к тому, что может оказаться самым трудным разговором в моей жизни, я сажусь напротив него.

— Спрашивай меня о чем угодно.

— Ты спал с ней? — спрашивает он.

Моя челюсть сжимается.

— Да.

Его губы сжимаются, и его сжатая челюсть отражает мою.

— Все это время?

— Нет, совсем недавно.

— Ты причинял ей боль? — спрашивает он язвительным тоном.

— Никогда. Я бы никогда не причинил ей вреда.

Мой ответ уверен в себе. Я знаю, о чем он думает... что я манипулировал ею, заставляя переспать со мной. Что я играл роль властелина над ней и принуждал ее к чему-то, чего она не хотела. Я на сто процентов уверен, что это не то, что произошло.

— Ты водил ее в клуб? — спрашивает он.

Напряжение нависает над нами, когда он поднимает вопрос о клубе, что является катализатором его презрения ко мне. Мой сын отказывается верить, что я не какой-нибудь подлый извращенец, потому что я дал людям возможность безопасно выражать свои сексуальные потребности. Хотел бы я заставить его понять, но это не совсем приятный разговор между отцом и сыном.

— Да, я это сделал.

Он качает головой.

— Она не такая. Ты потратил все это время, развращая ее. Неудивительно, что она хочет тебя, а не меня.

— Подожди минутку, — перебиваю я. — Я вовсе не развращал ее. Ты думаешь, она не такая? Но я скажу тебе, что это так.

Шарлотта — взрослая женщина и может сама принимать решения. Я вовсе не принуждал ее, но я дал ей возможность найти себя, и я провел последние несколько месяцев, наблюдая, как она растет.

Он усмехается.

— Во-вторых, — добавляю я. — Она никогда не предпочитала меня тебе. Вы двое уже расстались...

— О, заткнись, — рывкает он. — Не тыкай мне этим в лицо.

— Я не хотел.

Я протягиваю к нему руки.

— Я только указываю на то, что она полностью отдавала себе отчет в том, что делала. И прежде чем ты увековечишь это убеждение, что мой клуб — грязное, постыдное место, я обещаю тебе, что это не так. Мы принимаем все меры предосторожности в области охраны труда и техники безопасности. Все происходит по обоюдному согласию, и у женщин там даже больше власти, чем у мужчин, поэтому, пожалуйста, перестань говорить себе, какой я плохой.

Он на мгновение замолкает, уставившись в пол, заламывая руки и размышляя про себя.

— Ты любишь ее? — спрашивает он, не поднимая на меня глаз.

Я колеблюсь. Слово *да* вертится у меня на кончике языка, умирая от желания сорваться с него, но я не уверен, что это то, что он хочет услышать.

— Это не имеет значения, — отвечаю я, сдерживая свое разочарование. — Если ты не хочешь, чтобы я преследовал ее, я не буду.

Его голова резко поворачивается в мою сторону. Он читает выражение моего лица, прежде чем с силой выдавить:

— Я не хочу, чтобы ты это делал.

Я должен напомнить себе, что нужно дышать. Мое сердце, которое только что билось со скоростью миллион ударов в минуту, теперь рухнуло на пол. Вот и все. Он сказал *нет*, и я не могу этого нарушить. Мне нужно, чтобы он снова доверял мне.

— Хорошо.

— Ты не ответил на мой вопрос, — добавляет он. — Ты любишь ее?

На этот раз я позволяю ему услышать мой ответ.

— *Да. Очень сильно.*

Его лицо искажается наполовину отвращением, наполовину жалостью. С закрытыми глазами он качает головой.

— Ей всего двадцать один. Тебе сорок. Это полный пиздец.

Я пожимаю плечами.

— Мне жаль.

Нет смысла рассказывать ему, как мы были счастливы. Как мы перестали видеться из-за нашего возраста и даже больше из-за того, что мы предлагали друг другу. Шарлотта смешила меня и увидела насквозь мою эмоциональную броню, которую я носил в течение двадцати лет. Казалось, она всегда точно знала, что мне нужно.

— Значит, если бы я действительно сказал тебе больше с ней не встречаться... ты бы не стал?

Наклонившись вперед, я упираюсь локтями в колени.

— Ты мой сын, Бо. Твое счастье важнее моего собственного. Если ты не хочешь, чтобы я встречался с твоей бывшей, как я могу?

Его брови хмурятся еще глубже, когда он внимательно изучает меня.

— Мне нужно идти.

Воздух выходит из моих легких.

— Не уходи, Бо. Не сердись на меня больше, пожалуйста.

Когда он встает со своего стула, тяжелый груз разочарования подкатывает к моему горлу, отчего мне трудно глотать.

— Мне просто нужно время... чтобы понять это.

— Приходи в любое время. Мы можем поговорить о чем угодно, о чем ты захочешь. Я сделаю все, что угодно, — умоляю я, глядя ему в спину, когда он уходит, чувствуя себя полным дураком.

Но мне все равно. Я буду вести себя как дурак, только чтобы вернуть его в свою жизнь.

Когда дверь закрывается, без единого слова, я некоторое время стою там, прокручивая все в своей голове. Затем я мрачно возвращаюсь к своему столу, где продолжаю быть совершенно непродуктивным и пялиться в никуда, в то время как мой разум прокручивает все мои ошибки.

Открывая верхний ящик, я вижу светло-голубые трусики, которые она оставила в тот день, когда все закончилось. Поверх них лежит черный пульт дистанционного управления. Они оба пристально смотрят на меня, как напоминание о том, что я больше никогда не увижу Шарлотту. Не до тех пор, пока у Бо есть с этим проблемы.

Взяв трусики, я бросаю их в мусорное ведро рядом со своим столом. Затем, держа пульт в руке, я представляю, как она выглядела, когда я играл с ней. Эта яркая улыбка и великолепные карие глаза.

— Блять! — Кричу я, с силой швыряя пульт о стену и испытывая мгновенное

удовлетворение, когда он разлетается на куски.

Не обращая внимания на беспорядок, который я устроил, я беру свои ключи со столика у входной двери. Я должен убраться отсюда к чертовой матери, и есть только одно место, куда я хочу пойти. Я устал хандрить и чувствовать себя одиноким. Желчь подступает к моему горлу, когда я думаю об этом, но сегодня вечером мне нужна компания. Может быть, если мне повезет, я смогу забыть о том, как сильно я по ней скучаю, и вернуть себе хоть какое-то подобие того мужчины, которым я был раньше.

ПРАВИЛО № 34: КОГДА ТЫ ЯВЛЯЕТЕСЬ ЧЛЕНОМ ЭКСКЛЮЗИВНОГО СЕКС-КЛУБА, НА САМОМ ДЕЛЕ НЕТ ПРИЧИН ОСТАВАТЬСЯ ДОМА ОДНОЙ В ПЯТНИЦУ ВЕЧЕРОМ

Шарли

Оказывается, вести группу восьмилетних детей на роликовых коньках в перетасовке купидонов недостаточно, чтобы поднять мне настроение. Я могу изобразить улыбку и выглядеть соответственно, но внутри я просто хочу пойти домой и забраться в свою постель.

После окончания песни я возвращаюсь на коньках к стойке регистрации, где раздаю коньки и продаю светящиеся палочки.

Когда становится тихо, я вспоминаю, как Эмерсон два раза приходил на каток — в первый раз, чтобы шокировать меня до чертиков, а во второй раз, чтобы шокировать еще больше. Я все еще вижу, как он стоит здесь, разговаривая с Софи и моей мамой, и это только заставляет меня скучать по нему еще больше.

Когда открывается входная дверь, я мельком вижу входящего мужчину, силуэт которого вырисовывается на фоне солнца у него за спиной, поэтому я не могу разобрать, кто это. Его тело и походка настолько знакомы, что мое сердце чуть не замирает в груди.

Он бы не пришел сюда, не так ли?

Но затем мужчина проходит немного дальше, и я разглядываю эти песочно-каштановые кудри и немного худощавую фигуру. Какого черта Бо здесь делает?

Он замечает меня за прилавком и неловко машет мне рукой.

О Боже... это будет ужасно. Я почти не встречалась лицом к лицу со своим бывшим парнем с тех пор, как он узнал, что я сплю с его отцом.

Когда он подходит к стойке, я вроде как ожидаю, что он разозлится и начнет разглагольствовать на меня и обзывать, но он этого не делает.

— Привет, — говорит он.

— Привет.

— Извини, что беспокою тебя на работе. У тебя есть время на перерыв?

— Эм... — Заикаюсь я.

Когда на меня кричит мой бывший, это не совсем то, как я хотела бы провести свой отпуск.

— Я не злюсь, — говорит он, очевидно, читая мои мысли. — Я просто чувствую, что нам следует поговорить.

— Э-э-э... конечно.

Отвернувшись от него, я возвращаюсь в офис, где работает Шелли, и прошу ее подменить меня, пока у меня перерыв, что она и делает.

Я снимаю коньки и надеваю шлепанцы. Затем я иду с Бо на парковку. Сейчас начало мая, а это значит, что тепло, немного ветрено и не видно ни облачка.

Если бы была какая-нибудь погода, подходящая для этого разговора... Пожалуй, это она.

Когда мы добираемся до его грузовика, он открывает заднюю дверь, и я забираюсь внутрь. Раньше мы часто занимались этим в перерывах между сменами на работе или на

обед. Это заставляет меня чувствовать себя прежней собой, а не Шарлоттой, девушкой, которая носила туфли на шпильках и играла сексуальную секретаршу своего босса.

Несколько минут мы с Бо сидим в тишине.

Наконец, он смотрит в мою сторону и говорит с гримасой:

— Мой папа, Шарли?

К черту это. Я спрыгиваю с заднего сидения и начинаю свой марш обратно к входной двери. Он зовет меня вслед, прежде чем я успеваю до него дотянуться.

— Прости, просто вернись.

— Я не собираюсь тратить свой перерыв на то, чтобы ты мучил меня чувством вины.

— Я не пытаюсь вызвать у тебя чувство вины! — возражает он. — Я просто хочу услышать твою версию этой истории.

— Мою версию? — спрашиваю я, оборачиваясь. — Ты уже говорил с ним?

— Да. Я только что оттуда.

Я застываю на месте, спрашивая себя, хочу ли я услышать то, что сказал Эмерсон.

— Нет, я не хочу с этим разбираться.

— Шарли, вернись. Я серьезно. Я буду добр.

Прежде чем хорошенько обдумать это, я разворачиваюсь и медленно иду обратно к Бо.

— Итак, если ты уже поговорил с ним, что ты хочешь услышать от меня?

— Я просто хочу убедиться, что он не...

Я наблюдаю, как он запинается, подбирая слова.

— Что не так?

— Ты знаешь... принуждал тебя к чему либо.

Мои брови сводятся вместе, когда я в шоке смотрю на него. Он сейчас это серьезно?

— Принуждал меня?

— Да... он твой босс, Шарли. Не говоря уже о моем отце.

— Фу! — Стону я, вскидывая руки вверх.

— Нет, Бо. Он не принуждал меня и не манипулировал мной. Я ценю твою заботу, но твой отец на самом деле был добр ко мне. Наверное, самый хороший мужчина, который у меня когда-либо был, если честно. Если уж на то пошло, именно он отталкивал меня в течение нескольких недель.

— И ты ходишь в этот... клуб?

— Не прикидывайся таким святошей, Бо. Я действительно была счастлива с ним там.

— Это просто на тебя не похоже, — добавляет он, вздернув подбородок и расправив плечи, язык тела, который я привыкла видеть на нем, означает, что он думает, что знает лучше меня.

Моя кровь начинает закипать, и мне требуется все мое мужество, чтобы просто не уйти и не проигнорировать его, прежде чем я сделаю что-нибудь действительно глупое.

— Бо... Откуда тебе знать, какая я?

— Мы встречались полтора года, Шарли. Я знаю тебя.

Я качаю головой, уставившись в землю. Я не хочу продолжать с ним спорить. Я думала, мы с этим покончили.

— Ты действительно была с ним счастлива? — спрашивает он.

— Да, но он никогда не собирался связывать себя обязательствами со мной. Нет, если он когда-нибудь захочет меня вернуть.

— Вы, ребята, действительно думали, что я просто смирюсь с этим? — В его голосе

слышится ужас, и желание убежать снова становится яростным.

— Да, Бо. К тебе это не имеет никакого отношения. В кои-то веки я решила, что ты сможешь смириться с тем, что не все зависит от тебя! — Огрызаюсь я.

— Он мой отец, Шарли! Не говоря уже о том, что он владелец этого... клуба. Взгляни на это с моей точки зрения. Ты ведешь себя так, будто с ним ты намного счастливее, чем была со мной.

Моя челюсть чуть не ударяется об пол.

С меня хватит. Хватит щадить его чувства. Надоело мириться с его газовым освещением, обвинениями и покровительственными манерами.

— Может быть, потому, что я была такой! Даже когда он обращался со мной как с собственностью, я чувствовала себя более ценной, более... любимой, когда была с ним, — кричу я.

— Ты намекаешь, что я не обращался с тобой так, как будто ты мне нравилась?

Он спрыгивает с заднего сиденья и встает со мной лицом к лицу.

— Да, Бо. Это именно то, на что я намекаю. Эмерсон ни разу не заставил меня почувствовать себя глупой и не вел себя так, будто я все порчу. Он никогда мне не изменял.

— Опять это? — Он вскидывает руки вверх.

— Забудь об этом. В чем смысл? — Спрашиваю я, разворачиваясь, чтобы оставить его на парковке.

— Он сказал мне, что любит тебя. Ты знала об этом?

Его слова останавливают меня на полпути.

Моя спина выпрямляется, когда я перевариваю эту новость. Знала ли я, что Эмерсон любил меня? Может быть, где-то в глубине души я так и думала. Я определенно знаю, что люблю его. Эта новость должна взволновать меня. Это должно быть лучшее, что я когда-либо слышала, но мне от этого только больнее.

— Как я уже сказала... это больше не имеет значения.

С этими словами я оставляю Бо на парковке, оставляя прошлое позади, где ему и место, так что я больше не вижу того, что могло бы быть.

Когда около семи на катке все стихает, Шелли отпускает меня. Но, кажется, каждый раз, когда я еду домой, у меня в костях возникает беспокойное жужжание. Я чувствую, что вылезая из собственной кожи. Стены домика у бассейна начинают смыкаться вокруг меня в считанные минуты. Я никогда так сильно не ненавидела находиться дома, как сейчас.

Но мне в буквальном смысле больше некуда идти. Софи на вечеринке с ночевкой. Мама работает по ночам, и я совсем одна. Это жалко.

Захватив с кухни бутылку вина, я устраиваюсь на диване в гостиной и включаю телевизор на самое дрянное шоу, какое только смогла найти. Затем я выпиваю половину бутылки и листаю свой телефон, не обращая внимания на идущее шоу.

Через некоторое время прокрутка становится скучной, но, по крайней мере, вино избавляет от беспокойства. Я бездумно листаю инстаграмные истории, замечая, что все, кого я знаю, похоже, сегодня проводят время гораздо лучше, чем я.

Затем я нажимаю на историю, которая заставляет меня сделать паузу. Это Иден, делающая селфи в тускло освещенной комнате, ярко-розовый свет каскадом падает на черную кирпичную стену позади нее. Я бы узнала эту стену где угодно. Она не указывает свое местоположение в истории... Я имею в виду, это был бы не такой уж эксклюзивный

клуб, если бы все знали, где он находится, но она раскрывает достаточно информации о своем местоположении, как будто пытается похвастаться перед небольшой группой людей. Такие люди, как я, которые знают толк в непристойностях.

Члены непристойного... как я.

Да, очень жаль, но я ни за что не пойду туда сегодня вечером.

Нет. Это безумие. Мне там даже не место. Я пошла только потому, что была с Эмерсоном. Что бы я вообще делала, если бы пошла одна? Люди будут заняты тем, что трахают друг друга, и я не смогла бы...

Прежде чем я успеваю сообразить, что происходит, я оказываюсь в элегантном черном платье с глубоким вырезом и подолом выше колен. На моем телефоне запущено приложение Uber, и я жду снаружи, дрожа в своих туфлях на шпильках, потому что винный кайф проходит, и теперь я понимаю, насколько это безумно.

Прежняя Шарли никогда бы этого не сделала. Я не уверена, что нынешняя Шарли тоже поступила бы так. Но Шарлотта — она определенно сделала бы это. Поэтому, когда машина приближается с конца улицы, я напоминаю себе, что на сегодня я Шарлотта. Ничего не должно случиться. Я просто собираюсь потусоваться, может быть, снова немного понаблюдаю в коридоре.

Может быть, столкнусь с ним... нет.

Его там даже не будет. Он не любит ходить в клуб ночью, если только там не происходит какое-нибудь мероприятие. Так что, если он там, то, возможно, он там для того, чтобы найти кого-то или убить немного времени. Эта навязчивая мысль неприятно оседает у меня в голове, но я пытаюсь отмахнуться от нее, садясь в машину.

Когда водитель подъезжает ко входу в клуб, я машу ему на прощание и провожу свою нервную задницу до двери. Удивительно, но я чувствую себя немного спокойнее, когда вхожу через парадную дверь в маленький темный вестибюль.

Молодая блондинка за прилавком бросает на меня один взгляд и улыбается. Жаль, что я не могу вспомнить ее имя, поскольку она, очевидно, помнит меня.

— Добрый вечер, мисс Андервуд, — говорит она с лучезарной белозубой улыбкой.

— Добрый вечер, — вежливо отвечаю я.

Странно возвращаться. Ярываюсь между чувством комфорта, как будто я все еще работаю здесь, и ощущением себя самозванкой.

Будь Шарлоттой. Я напоминаю себе об этом.

Девушка машет мне, и я улыбаюсь вышибалу, который открывает передо мной темную занавеску и тяжелую звуконепропускаемую дверь.

— Развлекайтесь, — тихо бормочет он.

Прежде чем войти в главную комнату, я расправляю плечи, насколько могу, и поднимаю подбородок. Это похоже на притворную уверенность, но, честно говоря... в чем разница между настоящей уверенностью и фальшивой? Скорее ничем.

Итак, зажав клатч подмышкой, я с важным видом вхожу в комнату и замечаю, что здесь гораздо оживленнее, чем я когда-либо видела. Даже в ночь открытия и аукциона здесь было не так много людей.

Быстро осмотрев зал и заметив лишь несколько смутно знакомых лиц, я направляюсь к бару. Барменом сегодня будет Гео, самый милый парень, которую я когда-либо встречала, он слишком мил, чтобы быть барменом.

Его глаза загораются, когда он замечает меня, и я улыбаюсь в ответ, внезапно чувствуя

себя немного комфортнее. Люди узнают меня. Мое место здесь.

— Жаль, что у меня нет с собой фотоаппарата, — говорит Гео вместо приветствия. — Я бы записал, как ты только что вошла в эту комнату. Как будто это гребаное место принадлежит тебе.

Я смеюсь, пытаюсь скрыть свой румянец.

— Я этого не делала.

— Да, ты это сделала, — знакомый, теплый голос присоединяется к мягкой руке, обвивающей мою.

Поворачивая голову, на меня накатывает волна облегчения, когда я узнаю Иден, прижавшуюся к моему боку.

— Я так рада, что ты здесь, — тихо шепчет она мне на ухо.

— Мне нужно выпить, — отвечаю я, потому что это единственное, что сейчас имеет для меня хоть какой-то смысл.

— Принеси этой женщине выпить, — говорит Иден Гео, который с улыбкой качает головой.

— Чего бы ты хотела, моя королева?

Он покровительствует мне, но удивительно, как быстро я чувствую себя здесь комфортно. Когда Иден держится за мою руку, а милый бармен вроде как флиртует со мной, хотя я знаю, что мы с ним не играем в одной команде, вся моя нервная дрожь проходит.

О, и этот огромный белокурый строитель, которому иногда нравится превращать мою жизнь в ад, ухмыляется мне с другого конца бара. Когда он подмигивает мне, я качаю головой в его сторону.

Хорошо, что существует ограничение на выпивку в два раза, потому что я бы не доверяла себе рядом с ним, если бы была хоть немного навеселе.

— Мне, пожалуйста, сельтерскую водку с лаймом, — говорю я Гео, и он быстро отворачивается, принимаясь за приготовление моего напитка.

Мы с Иден ведем светскую беседу. Кажется, она потягивает клюквенный сок без алкоголя, в то время как я незаметно осматриваю комнату. Я хочу знать, здесь ли Эмерсон, но я также не хочу этого знать, потому что, если он здесь и находится в одной из этих комнат, меня стошнит.

Я узнаю того же знакомого мужчину с вечера открытия клуба, который пристально смотрел на меня, и сегодня вечером у него суровый, скептический взгляд. У меня мурашки бегут по коже, особенно потому, что я примерно на девяносто процентов уверена, что это не тот, с кем я познакомилась через Эмерсона или клуб.

Ну что ж, у меня есть полное право быть здесь, и он не собирается заставлять меня чувствовать себя неловко. Отворачиваясь от него, я смотрю на Иден.

— Могу я кое-что сказать? — спрашиваю я, допив половину своего первого бокала.

— Конечно, — отвечает Иден с коварной ухмылкой.

— Я узнала тебя по твоему блогу.

Ее глаза расширяются в ответ, и на лице расплывается яркая улыбка.

— Я не знала, что кто-то действительно читает эту вещь. Но мне все равно нравится это писать.

— Ты что, шутишь? Я была одержима. После того, как я узнала об этом месте и впервые встретила Эмерсона, именно твой блог заставил меня почувствовать... Я не знаю... Не знаю... как будто я не была такой странной.

— Хорошо, — объявляет она, кладя руку мне на ногу.

— Таково было намерение. Как ты думаешь, мужчины когда-нибудь расстраиваются из-за того, что им нравится? Их называют шлюхами, развратными или противными? Нет. Я думаю, мы все устали от того, что нас стыдят и запихивают в эти тихие, идеальные, маленькие невинные версии самих себя, в то время как мужчины могут быть настолько девиантными, насколько захотят.

Я не могу сдержать ухмылку, которая появляется на моем лице.

— Я думаю, что люблю тебя, — отвечаю я.

Она быстро поднимает мой бокал, прежде чем объявить:

— Хорошо. Нам всем не помешало бы больше любви, верно?

— Верно, — отвечаю я, допивая то, что осталось в моем стакане.

— Гео, кое-кому нужно еще, — объявляет Иден, когда замечает, что выражение моего лица становится мрачнее.

После того, как Гео ставит мой бокал, я тяжело вздыхаю. Иден, должно быть, читает мои мысли, потому что она наклоняется ко мне и говорит:

— Он здесь, но я ни с кем его не видела. Он, наверное, в офисе.

Или в одной из комнат с кем-то еще.

— Я не знаю, зачем я пришла, — тихо бормочу я себе под нос.

— Да, — немедленно отвечает она. — Чтобы показать ему, чего ему не хватает.

— Сидя здесь в одиночестве в баре? — Смеюсь я.

Иден смотрит на меня с расчетливым выражением на лице.

— Скажи мне, Шарлотта. Ты когда-нибудь раньше была с женщиной?

Мои глаза расширяются, когда я давлюсь своим напитком. Она отвечает легким смешком.

— Именно так я и думала. Если я пообещаю не торопиться, не хочешь ли ты свести своего мужчину с ума от ревности? Я не думаю, что это займет много времени.

Может быть, дело в двух напитках, которые я уже выпила, или в предвкушении неизвестности, но я не могу придумать ни одной причины, по которой я отказалась бы от этого предложения.

Иден потрясающе красива, и в ней определенно есть что-то привлекательное. Мы не говорим о полноценном сексе, но от идеи привлечь внимание Эмерсона я не могу отказаться.

— Определенно.

— Пойдем. — Она хватается за руку и тянет прочь от бара.

— *Пойдем немного повеселимся.*

ПРАВИЛО № 35: ЛУЧШЕЕ МЕСТО ДЛЯ УМОЛЕНИЯ — ЭТО НА КОЛЕНЯХ

Эмерсон

Какая пустая трата времени. У меня гребаный секс-клуб, и я провожу свой пятничный вечер, прячась в офисе, вместо того, чтобы общаться с его членами.

На самом деле я думал, что смогу найти здесь кого-нибудь, с кем можно было бы развеять мою депрессию, но у меня даже не возникло желание посмотреть женщине в глаза. Вместо этого я бездумно смотрю в камеры, потягивая свой бурбон, когда входит Мэгги.

— О, — говорит она, замирая в дверях. — Я не знала, что ты здесь.

Она выглядит странно взволнованной, и я, прищурившись, смотрю на нее. Чем она занималась? Впрочем, спрашивать бесполезно. Мэгги никогда не разглашает свои истории так, как это делают остальные из нас. На самом деле, она по большей части закрытая книга, и если она когда-либо с кем-то встречалась или что-то делала, то ни один член нашей группы не узнал бы об этом.

— Не обращайтесь на меня внимания, — отвечаю я. — Я просто хандрю.

На ее лице появляется сочувственное выражение. Затем она входит и закрывает за собой дверь, заглушая музыку, доносящуюся из главной комнаты.

— Гарретт рассказал нам все вчера вечером, когда ты не пришел выпить.

Я киваю в свой стакан.

— Я пил... В одиночестве. Ты, должно быть, считаешь меня жалким.

Она опирается бедром о стол и смотрит на меня сверху вниз.

— Знаешь что... это первый раз, когда я вижу тебя таким жалким.

Мой лоб хмурится, когда я поднимаю голову.

— Что ж... спасибо.

— Я серьезно. За те десять лет, что я тебя знаю, я никогда не видел, чтобы тебя так беспокоила девушка.

— Все когда-нибудь случается в первый раз, — шучу я, поднимая свой бокал.

Она тяжело вздыхает.

— Значит, ты не собираешься преследовать ее?

— Я пытался. Она не отвечает на мои звонки, и мой сын очень ясно дал понять, что хочет, чтобы я держался от нее подальше.

— Во-первых, — говорит она, забирая напиток у меня из рук, — тебе лучше попросить прощения, а не разрешения.

Я наблюдаю, как она опрокидывает в горло остатки моего ликера, морщась, когда ставит стакан на стол.

Я никогда не видел, чтобы Мэгги выпивала что-то тяжелое.

— Во-вторых, она здесь и только что сняла двенадцатую комнату у Иден Сент-Клер.

Я чуть не вскакиваю со стула, с легкостью избавляясь от дурмана от бурбона.

— Что?

— Просто сделай мне одолжение и не устраивай сцен. Нам нужно поддерживать бизнес.

В моей голове звучит тонкий голос, говорящий мне, что я не должен туда идти. Шарлотта не моя, и я не имею права запрещать ей что-либо с кем-либо делать, но это

объяснение быстро исчезает, когда я вылетаю из своего кабинета и несусь по коридору к двенадцатой комнате.

Прежде чем войти в темный коридор для вуайеристов, я останавливаю себя. Я не могу вот так расхаживать по округе. Мэгги была права, я бы устроил сцену, и это выглядело бы совсем нехорошо. Итак, я останавливаюсь перед входом, поправляю галстук, делаю глубокий вдох, перегруппировываюсь и осторожно открываю дверь.

Держась у дальней стены, чтобы меня не было видно, я осторожно пробираюсь сквозь толпу людей, пока не добираюсь до окна тронного зала.

И вот она здесь.

Стоя в черном платье, которое показывает больше декольте и ног, она улыбается и смеется вместе с Иден.

Что она делает? Она не собирается...

Шарлотта прислонилась к стене. Иден теснится к ней, когда она убирает длинные каштановые волосы Шарлотты со своего плеча и наклоняется, прижимаясь губами к ее бледно-белой кожи. Глаза Шарлотты закрываются от удовольствия.

Желание броситься туда и остановить это конкурирует с желанием наблюдать достаточно долго, чтобы увидеть, к чему это приведет.

Руки Шарлотты скользят вверх по бокам Иден, и я не могу оторвать глаз, когда она достигает женской груди, и, клянусь, у меня перехватывает дыхание, когда их взгляды встречаются, они обе улыбаются.

Иден что-то тихо говорит Шарлотте, которая отвечает кивком и улыбкой, как будто спрашивает ее согласия, но на что?

Мой рот приоткрывается, когда Иден нежно оттягивает вырез платья Шарлотты, освобождая ее груди проводя по ним пальцами.

Боже, посмотри на нее, думаю я про себя. Ее руки даже не дрожат, когда она проводит ими по бокам другой женщины. Я никогда в жизни не видел, чтобы Шарлотта выглядела так чертовски сексуально. И она собирает небольшую толпу у их окна.

Оглядывая людей, собравшихся посмотреть, на мгновение мой взгляд натывается на Гаррета, задержавшегося в задней части зала и наблюдающего за девушками с безмятежным восхищением. Как ему всегда удается так довольствоваться тем, что он подглядывает снаружи? Это сводит меня с ума.

Когда Шарлотта кладет руку на затылок Иден, кажется, что она направляет свой рот вниз, туда, где ей хочется. И моя челюсть чуть не падает на пол, когда ее губы прижимаются к мягкой бледной плоти ее груди.

Я почти не могу поверить в то, что вижу.

Шарлотта выгибает спину и прижимается бедрами к бедрам Иден, откидывая голову назад от удовольствия. Затем она медленно поворачивает голову, переводя взгляд на окно, за которым наблюдают зрители — куда смотрю я.

Я знаю, что она меня не видит, но мне кажется, что мы пристально смотрим друг на друга.

Как бы она отнеслась к тому, что я это смотрю? Неужели она действительно пришла в клуб, чтобы заняться сексом в вуайеристской комнате с Иден?

В этот момент Иден берет лицо Шарлотты в ладони и притягивает к себе для жадного поцелуя.

Я, блять, не могу дышать.

Их мягкие языки переплетаются, пока руки исследуют тела друг друга, и в ту секунду, когда я вижу, как руки Иден ощупывают холмик задницы Шарлотты, задирая ее платье так, что я вижу черное кружево под ним, я срываюсь.

Быстро пробираясь сквозь толпу, я пробираюсь ко входу в комнату, скрытую за задней стеной. Отчаянно потянувшись к ручке, я останавливаю себя.

Успокойся, черт возьми, Эмерсон.

Затем я слышу пронзительный стон, доносящийся из глубины комнаты.

Да, к черту успокоение.

Моя кожа гудит, когда я распахиваю дверь. Девочки вздрагивают, но когда Иден поворачивается ко мне, на ее лице появляется лукавая улыбка.

— Эмерсон! — Шарлотта визжит, поправляя вырез платья, чтобы прикрыть грудь, и я знаю, что должен рассмотреть толпу за стеклом, но все, что я вижу, — это она.

Ее невинные карие глаза расширяются, когда я пересекаю комнату, ее нижняя губа отвисает, когда она потрясенно смотрит на меня. Но я не останавливаюсь.

— Иден, — отвечаю я грубым тоном, не сводя глаз с Шарлотты.

— Привет, Эмерсон, — мило отвечает Иден.

— Убирайся.

Она отвечает понимающей улыбкой, прежде чем уверенно направиться к двери. Я даже не слышу, как за ней закрывается дверь, прежде чем беру Шарлотту, *мою Шарлотту*, на руки.

Когда я шел сюда, у меня были другие планы, в основном связанные с тем, чтобы отвезти ее домой, увезти как можно дальше от этого места и всех грехов, которые могли ее постичь, но прямо сейчас, когда она на расстоянии вытянутой руки, я бессилен.

Мои руки обхватывают ее за талию, притягивая к своему телу, когда я прижимаюсь своими жесткими, неумолимыми губами к ее гибким, нежным губам. На секунду она позволяет мне поцеловать себя, жадно прижимаясь к моей шее, и мое тело становится горячим и напряженным от предвкушения.

Но это длится всего мгновение. Один удар. Достаточно, чтобы я почувствовал надежду, прежде чем она упадет на пол, разбившись, как стекло.

— Эмерсон, остановись! — Кричит она, хватая меня за грудь и отталкивая с достаточной силой, чтобы я остановился.

Я высвобождаюсь из наших объятий и смотрю в эти знакомые глаза лани, умоляя ее душу дать мне еще один шанс.

— Ты не можешь просто ворваться сюда и ожидать, что я снова брошусь в твои объятия.

— Ладно, — ворчу я. — Тогда тебе нужно идти домой.

Она реагирует так, словно я дал ей пощечину, недоверчиво наклоняя голову.

— Я тебе не принадлежу, — выплевывает она с таким ядом, что слова причиняют боль, как кинжалы. — Больше нет.

Когда она пытается обойти меня и направиться к двери, я хватаю ее за талию, но она снова вырывается.

— Может, я и не владею тобой, но я владею этим клубом.

— Я принадлежу этому месту так же, как и ты, — кричит она, отталкивая меня, но меня притягивает ее сила притяжения, и я не могу отодвинуться.

Прежде чем она подходит к двери, я загоняю ее в угол и приподнимаю ее подбородок, чтобы встретиться с ней взглядом.

— Что ты собираешься делать, Шарлотта? Ты пришла сюда, чтобы позволить Иден трахнуть тебя ради забавы?

— Ну и что с того, если я это сделаю? Ты был тем, кто заставил меня поверить, что я достаточно сексуальна и красива.

То, как она высоко держит голову, сила ее убеждений — это как экстаз в моей крови, но мне неприятно видеть, как она направляет эту враждебность на меня.

— Ты сексуальна и красива, Шарлотта. *И ты моя.*

— Больше нет, — огрызается она, но я улавливаю легкую дрожь в ее ответе, достаточную, чтобы заставить ее оставаться на этом месте, в моих руках, пока она не перестанет это говорить.

— Да, это так, — ворчу я, сжимая ткань ее платья в кулак.

— Ты назвал нас никем, Эмерсон. Когда Бо стоял в твоей гостиной и у тебя была возможность рассказать ему все, ты сказал, что это ерунда.

Ее голос дрожит, и я не могу оторвать рук от ее лица, прикасаясь к ее подбородку и шее. Время, проведенное вдали от нее, превратило меня в отчаявшегося мужчину, нуждающегося в прикосновении ее кожи и вкусе ее губ.

— Я не идеальный мужчина, Шарлотта, и я подвел тебя. Мне очень жаль.

— Ты сказал мне, что отношения, которые мы построили, будучи твоей сабой, означали, что я всегда могу доверять тебе.

Эти слова пронзают мою жесткую внешность, как кинжалы.

— Ты можешь доверять мне, Шарлотта. Я был неправ в том, что сказал. Позволь мне загладить свою вину перед тобой. Я могу заслужить твое прощение.

— Каким образом?

Есть гораздо лучший ответ, который она ищет, но в данный момент я не совсем соображаю своим умом. Я мыслю строго своим сердцем и своим членом, они оба борются за доминирование, и хотя это самая глупая идея, которая когда-либо приходила мне в голову, в данный момент она нам на руку.

— Что ты делаешь? — Визжит она, когда я поднимаю ее и перекидываю через плечо.

Вынося ее на середину комнаты, я осторожно кладу ее на трон. Как только она садится, я расстегиваю рубашку у шеи, всего на пару пуговиц, чтобы я мог двигаться и дышать. Затем я расстегиваю манжеты своей рубашки и закатываю рукава до локтя. Она не вскакивает со стула и не пытается убежать из комнаты, так что я думаю, это хороший знак.

— Эмерсон... — Пытается возразить она.

Стоя перед ней на коленях, я провожу руками вверх по ее бедрам, задирая ее платье до бедер. Она прикусывает нижнюю губу и наблюдает за мной с беспокойным, но в то же время любопытным выражением.

— Я стою перед тобой на коленях, Шарлотта. Я знаю, что обещал заботиться о тебе, но совершил ошибку. Позволь мне загладить свою вину перед тобой.

— Едва ли этого достаточно, Эмерсон.

— Это начало, — стону я, подтягивая ее бедра к краю сиденья.

Мое лицо почти зажато между ее коленями, я вдыхаю аромат ее тепла, и мой рот наполняется слюной в ответ. Я готов нырнуть прямо сейчас, ласкать ее безупречную киску, как животное, которым я и являюсь, но я должен выждать время.

Она ахает, когда я прокладываю поцелуями путь вверх по внутренней стороне ее бедра, мягкими губами и влажным языком, оставляя за собой дорожку из мурашек. Когда я

достигаю пульсирующей, влажной вершины ее бедер, ее ногти впиваются в мои волосы, притягивая мое лицо ближе к тому месту, где она этого хочет.

Мои пальцы нащупывают тонкий край ее трусиков, деликатно стягивая их вниз по ногам. Именно в этот момент я вспоминаю, что у нас за спиной сплошная стеклянная стена и нетерпеливые посетители, наслаждающиеся шоу. Я был так сосредоточен на Шарлотте и на том, что она снова в моих объятиях, что забыл, что мы в комнате для вуайеристов.

Я мог бы задернуть занавеску или приглушить свет в комнате для уединения, но когда я украдкой бросаю взгляд на ее лицо, Шарлотта, кажется, она не так уж сильно возражает против наблюдающих глаз.

На самом деле, она выглядит более возбужденной, чем, когда-либо я ее видел. Я вижу рельефные очертания ее сосков, проступающие сквозь черную ткань платья.

Ее бедра наклоняются, и рука в моих волосах направляет мое лицо ближе к тому месту, где она этого хочет, озорная улыбка растягивается на моем лице. Притягивая ее бедра ближе, я зарываюсь лицом между ее бедер, проводя своим нетерпеливым языком между ее складочек.

Гул ее удовольствия вибрирует во мне, когда я делаю это снова и снова, поглощая ее лоно, как развратный и отчаявшийся грешник, которым я и являюсь.

— Соси мой клитор, — хнычет она, и я почти колеблюсь.

Это та же самая девушка, которая когда-то боролась с малейшими непристойностями, а теперь она трахает меня и говорит мне, чего она хочет.

Гордость переполняет мою грудь, и я рычу в ответ, обхватывая губами ее самое чувствительное местечко, посасывая его так, как ей нравится.

Ее крики эхом разносятся по комнате, отражаясь от голых стен. Протянув одну руку, я дергаю ее за вырез, обнажая грудь и разминая мягкую плоть, пока трахаю ее своим языком. Другой рукой я легко провожу пальцем внутрь нее.

Ее бедра приподнимаются, и я хочу, чтобы это никогда не заканчивалось. Я держу ее наслаждение в своей ладони, рычащее, ноющее напоминание о том, что она моя.

Снова поднимая на нее взгляд, я не вижу слишком юной девушки, которая, спотыкаясь, вошла в мой офис в тот первый день. Я вижу Шарлотту в том виде, в каком она всегда должна была быть — уверенной, сексуальной и счастливой.

— Это прямо здесь, — выдыхает она. — Не останавливайся.

Загибая палец, я ввожу другой и сильно накачиваюсь, жадно посасывая ее клитор, чувствуя, как напрягаются мышцы ее миниатюрного тела вокруг меня.

Ее прерывистое дыхание прерывается, когда она достигает кульминации, оставляя ее в дрожи, когда она кончает.

Она тает на сиденье, как свечной воск, и я осторожно вытаскиваю пальцы, прокладывая дорожку поцелуев вдоль ее бедер.

Мой член ноет в штанах, умирая от желания погрузиться в ее влажный жар, но я пока не двигаюсь, чтобы освободить его из оков. Я здесь не для того, чтобы трахать ее. Я здесь, чтобы вернуть ее.

— Пойдем со мной домой, — шепчу я, медленно провожу руками вверх по ее ногам, возвращая трусики на место.

Ее голова все еще откинута назад, глаза закрыты, когда она переводит дыхание.

— Ты действительно думаешь, что этого достаточно, чтобы загладить свою вину передо мной, Эмерсон?

Открыв глаза, она смотрит на меня сверху вниз, поглаживая мое лицо своими мягкими руками.

— Скажи мне, чего ты хочешь, и я это сделаю, — умоляю я.

Теплота в выражении ее лица исчезает, оставляя выражение разочарования с плотно сжатыми губами. Затем она встает с трона, одергивает платье и топает к двери. Через секунду я вскакиваю на ноги и бросаюсь за ней.

— *Этого недостаточно, Эмерсон.*

Когда она тянется к дверной ручке, я замечаю, что она колеблется, ее решимость напрягается, и какая-то часть меня хочет увидеть, как она сломается. Простит меня, примет меня обратно вопреки здравому смыслу, не заставляя меня по-настоящему расплачиваться за ту боль, которую я причинил.

А другая часть хочет, чтобы она осталась сильной, забрала всю власть и контроль, которые я хранил все это время, и делала то, что правильно для нее. Даже если для этого придется оставить меня здесь.

Когда она это делает, я так горжусь ею, но это все равно чертовски больно.

Стоя один в тускло освещенной комнате, я думаю о том, что она сказала. *Этого недостаточно.* Я знаю, чего было бы достаточно, но я не знаю, хватит ли у меня духу сделать это.

ПРАВИЛО № 36: НЕ ПОЗВОЛЯЙ ИМ СТАВИТЬ ТЕБЯ В НЕЛОВКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Шарлотта

Я не могла заснуть всю ночь. Видения того, что произошло в тронном зале, повторяются в моем сознании.

Поцелуй Иден... которое сработало как заклинание, как она и говорила. Он не смог удержаться в ту секунду, когда увидел ее руки на мне.

И уходить от него было настоящей пыткой. Но я должна была это сделать. Хотя я провела остаток ночи, ворочаясь с боку на бок, желая отбросить осторожность и позвать его. Я могла бы пойти к нему домой, позволить ему уложить меня в постель и притвориться, что последствий не существует и не было никакого риска, что мне будет боль.

Но тогда это только вопрос времени, когда Бо снова появится, и меня оттолкнут в сторону, проигнорируют и забудут. Какое будущее на самом деле было у меня с таким Эмерсоном? Он никогда бы не связал себя обязательствами, никогда бы не женился на мне. Мы не могли жить вместе или планировать нашу жизнь, пока он держал меня в грязном секрете под своим столом.

Я заслуживаю лучшего. Я знаю, что это правда, но все равно трудно убедить свое сердце, которое, кажется, думает, что единственное решение этой проблемы — это проигнорировать мои убеждения и приползти обратно к нему.

Глупое сердце.

Я лежу в постели и смотрю на фотографию, которую Гаррет прислал мне несколько дней назад, где мы с Эмерсоном в клубе на премьере, когда слышу, как перед домом хлопает дверца машины. Моя мама и Софи уже дома, так что что-то во всем этом кажется неправильным.

Затем я слышу зловещий звук моего имени, произносимого единственным человеком, которого я меньше всего ожидала.

— Шарлотта, иди сюда! — Орет мой отец снаружи моего домика у бассейна, и я замираю.

Какого хрена?

Выпрыгнув из кровати в пижамных шортах и футболке, я подкрадываюсь к двери и выглядываю в окно. И вот он здесь. Мужчина, которого я не видела больше года, расхаживает за моей дверью с выражением сильной ярости на лице. Я не могу пошевелиться... Чувство стыда и вины разливается по моим венам, хотя я понятия не имею, о чем я сожалею.

Мгновение спустя я наблюдаю, как моя мать выходит из дома с выражением шока на лице.

— Джимми, что ты здесь делаешь? — Окликает она его.

Его кулак стучит в мою дверь, прежде чем он поворачивает ручку, обнаруживая, что она заперта, и снова стучит.

— Шарли, выходи отсюда сейчас же!

Холодок пробегает у меня по спине, когда я возюсь с замком.

— Что... — Начинаю я, открывая дверь.

Едва я успеваю открыть дверь, как он уже кричит на меня.

— Мне позвонил мой коллега. Я слышал, чем ты занималась.

— Что — заикаюсь я, переводя взгляд с матери на него. — *Коллега?*

— О чем ты говоришь? — Отвечает моя мама, встречая нас у двери.

— Конечно, ты не знаешь, чем занимаются твои дети, Гвен, — говорит он с жгучей ненавистью к моей матери, и я чувствую непреодолимое желание выйти вперед и защитить ее.

У меня остались счастливые воспоминания о моем отце. Воспоминания о его смехе и улыбках. Его объятия, шутки и нежности на диване. Но прямо сейчас... все, что я вижу, — это лицо, которое я не видела больше года, искаженное яростью, когда он смотрит на меня с выражением, в котором больше отвращения и стыда, чем любви и принятия.

— Я не ребенок, — возражаю я.

— Да, но ты мой ребенок, и я не позволю, чтобы ты продавала свое тело кучке богатых извращенцев! — Кричит он, и мои щеки заливаются краской.

Я улавливаю движение за спиной мамы и замечаю Софи, выходящую из дома посмотреть, что происходит.

Сдерживая свои нервы, я быстро качаю ей головой. На ее лице выражение страха, от которого мое сердце разбивается вдребезги, и мне плевать на себя или на то, что мой папа или мои родители узнают, чем именно я занималась последние несколько месяцев. Но если мои действия причинят ей хоть какую-то боль или страх, то я никогда себе этого не прощу.

— Говори потише, — бормочу я сквозь стиснутые зубы.

— Почему? — Отвечает он.

— Ты же не хочешь, чтобы твоя мать узнала, что ты была в каком-то секс-клубе и выставляла себя на аукцион за семьдесят пять тысяч?

Моя мать ахает и прикрывает рот рукой.

— Так вот откуда эти деньги, Шарли?

— Нет! — Кричу я.

За спиной моего отца я наблюдаю, как Софи достает свой мобильный телефон, что-то печатает, прежде чем исчезнуть в доме. Я просто хочу, чтобы она была подальше отсюда.

— О чем он говорит, Шарли? — Спрашивает моя мать, и в ее голосе слышится страх.

Мои плечи опускаются, когда я смотрю на нее.

— Я не проститутка, мам, — говорю я, и она делает глубокий вдох.

— Она ходила в какой-то... какой-то... секс-клуб, — говорит он с отвращением, и я вздрагиваю.

Мне не нужно было, чтобы моя мать узнала об этом подобным образом. Это нечестно по отношению к ней.

— Это там ты работаешь? Это там, где Эмерсон...

— Эмерсон Грант? — Вмешивается мой отец с язвительностью в голосе.

Я не могу поверить, как сильно я хочу, чтобы земля поглотила меня целиком прямо сейчас. Это выше всяких похвал, и у меня не хватает духу посмотреть на свою мать. Я замечаю, как она отстраняется.

Мои глаза не отрываются от земли, пытаюсь заглушить яростного мужчину, стоящего рядом со мной.

— Клуб принадлежит Эмерсону, — деликатно говорю я.

Я бы хотела, чтобы мы с ней могли поговорить об этом наедине. Я ненавижу себя за то, что жду так долго. Моя мама все понимает; ей было бы все равно, если бы я просто

рассказала ей все до того, как он узнал.

— О, Шарли... — Говорит она, опуская голову и потирая лоб.

— Но я никогда не продавала себя, — огрызаюсь я в ответ, на этот раз направляя свое разочарование на него.

— Чушь собачья! — Кричит он.

— Дай ей договорить, Джимми. Она взрослая...

— Парень, с которым я работаю, видел тебя, Шарли! Он видел тебя там три раза. Он сказал, что ты вышла на сцену на каком-то аукционе и продала себя!

Темные, пристальные глаза мужчины, которого я видела прошлой ночью, всплыли у меня в памяти. Я знала, что где-то видела этого человека, и теперь я вижу все это так ясно. Я встречалась с ним, когда была моложе, и знала, что он работает в юридической фирме моего отца.

Я вздрагиваю, думая о том, что он видел меня на той сцене почти без одежды, увозимой Эмерсоном, в комнате для подглядывания прошлой ночью с Иден. Я стону при этом воспоминании.

— Тот мужчина, который выиграл, был моим парнем, — отвечаю я, заставляя себя расправить плечи и не съежиться от стыда.

Снова и снова мысленно я просто продолжаю повторять: *я не сделала ничего плохого. Я не сделала ничего плохого.*

— О, твой парень, — отвечает папа. Я тоже все о нем слышал. Эмерсон Грант.

По тому, как он подчеркивает его фамилию, я понимаю, что он собирается сказать.

— Отец Бо, Шарли?

— О, Джимми, ты оставишь ее в покое? Она взрослая. Ты не можешь просто так приходить сюда и отчитывать ее как ребенка.

Он поднимает руку, прижимая ее прямо к ее лицу, чтобы заставить ее замолчать, и меня охватывает чувство раскаленной докрасна ярости.

— У тебя, блять, больше нет права голоса, Гвен. Мне не следовало оставлять их с тобой. Посмотри, как ты облажалась с ними. Во-первых, это было... — Он машет рукой в сторону дома, и я знаю, что он собирается втянуть в это Софи, и все во мне хочет взорваться от гнева.

— Не смей втягивать ее в это, — огрызается моя мать, останавливая его прежде, чем у него появляется хоть какой-то шанс.

— Ты упустил этот шанс, когда бросил ее.

Когда она пытается оттолкнуть его руку от своего лица, он отталкивает ее назад, и я огрызаюсь.

Мой папа никогда не был жесток ни со мной, ни с моей мамой, но он всегда доминировал в разговоре. Он постоянно заставлял ее молчать или разговаривал с ней свысока, и прямо сейчас, вид того, как он отталкивает ее, как будто ее голос ничего не значит, заставляет меня покраснеть.

— Не прикасайся к ней! — Кричу я, пытаюсь протиснуться между ними. Но моя мать тоже сопротивляется, а он слишком занят тем, что кричит на нее рядом со мной, и, похоже, его не волнует, что я пытаюсь его остановить.

Потасовка между нами быстро обостряется. Я смутно узнаю доносящиеся издалека звуки других голосов, закрывающиеся двери двух машин. Но у меня туннельное зрение, и я сосредотачиваюсь исключительно на том, чтобы увести своего отца как можно дальше от матери. Однако здесь так много криков, он кричит на мою мать, она кричит в ответ.

Внезапно я даже не могу поверить своим глазам, когда две большие, широкоплечие руки хватают моего отца за шиворот и с силой швыряют его о стену гостевого домика.

Должно быть, у меня галлюцинации, потому что Эмерсон уткнувшись лицом в лицо моего отца рычит на него, как разъяренный зверь.

— Тронь кого-нибудь из них еще раз, и я, блять, похороню тебя.

— Эмерсон! — Кричу я.

— Эмерсон? — Удивленно переспрашивает мой отец. — Ты тот мудака, который трахает мою дочь?

Я прикрываю рот рукой и снова бросаю взгляд в сторону дома, чтобы убедиться, что Софи поблизости нет и она не услышала этого.

Мама хватается меня за руку, оттаскивая, и я чувствую, как она дрожит. Но я не могу оторвать глаз от Эмерсона, гнев и ненависть сквозят в выражении его лица и тоне его голоса.

Он выглядит расстроенным, его брови хмурятся еще больше.

— Следи за своим языком, ты, кусок дерьма.

— Меня от тебя тошнит, — огрызается мой отец.

— Вы оба, остановитесь! — Кричу я, приближаясь к ним.

— Держись от него подальше, Шарли. Вызови полицию, — рычит мой отец, но Эмерсон снова прижимает его к стене.

— Пожалуйста, остановись, — умоляю я, обхватывая рукой руку Эмерсона.

Когда он смотрит на меня сверху вниз, в его глазах появляется намек на мягкость. И он, кажется, борется со своим следующим вздохом, когда тяжело вздыхает. Он осторожно убирает руки с рубашки моего отца и отступает. Момент наполнен напряжением, поскольку двое мужчин пронзают друг друга взглядами, полными кинжалов.

— Гвен, ты знала, что этот сорокалетний мужчина делал... Бог знает, что с нашей дочерью?

— Папа, пожалуйста, прекрати, — умоляю я, унижение снова захлестывает меня.

Большая рука ложится мне на спину, и я наклоняюсь, чтобы он успокоил меня.

Моя мать насмехается.

— Да, Джимми, я знала. Он пришел на вечеринку по случаю дня рождения Софи.

На краткий миг на лице моего отца появляется шок и замешательство, когда он переводит взгляд с нее на себя и меня. Я вижу, как все, что Эмерсон хочет сказать моему отцу, просто вертится у него на губах.

Я чувствую, что едва могу пошевелиться. Как будто одно неверное слово или движение, и все между ними взорвется.

— Почему я не знал об этой вечеринке? — Отвечает мой папа.

— Потому что тебя не пригласили, — резко отвечает моя мать.

Я никогда не слышала, чтобы она так с ним разговаривала, и я вроде как люблю ее за это.

— Я думаю, тебе следует уйти, — рычит Эмерсон.

— Я? Это мой дом, придурок.

— Я не думаю, что твоя семья хочет, чтобы ты был здесь прямо сейчас, пока ты так себя ведешь, — говорит Эмерсон ровным тоном. — Так почему бы тебе не уйти и не успокоиться? Возвращайся, когда сможешь говорить как настоящий мужчина.

Ни один из мужчин не двигается, и такое ощущение, что между ними находится бомба

замедленного действия.

— Настоящий мужчина? — С усмешкой отвечает мой папа.

— Ты думаешь, что ты настоящий мужчина? Манипулируя молодыми девушками. Я все знаю о твоём отвратительном клубе, и моя дочь заслуживает гораздо лучшего, чем ты, больной ублюдок.

— Эй! — кричит другой голос с линии забора, и мы все в унисон оборачиваемся, чтобы увидеть Бо, стоящего у ворот.

Мой рот приоткрывается, когда я смотрю, как он направляется к моему отцу с выражением неподдельной ярости на лице.

— Не разговаривай так с моим отцом.

Эмоции сдавливают мне горло, как будто кто-то сидит у меня на груди, и когда я смотрю на Эмерсона, я вижу, как меняется выражение его лица. Гнев проходит, и под ним проступает стыд.

Папа, с другой стороны, смеется.

— Твой отец? — спрашивает он. — Извини, но разве ты сначала не встречался с моей дочерью? Ты хочешь сказать, что тебя устраивает, что он забирает твою девушку? Что у вас за гребаная семья?

— Да, ну, по крайней мере, мой отец звонит мне, ему не наплевать на меня, и он не бросил меня, когда я больше всего в нем нуждался, — отвечает Бо, и мои глаза расширяются от шока.

Я протягиваю руку, чтобы успокоить его, потому что в данный момент он выглядит так, словно хочет проделать дыру в лице моего отца.

Но слова, слетающие с его губ, заставляют меня остановиться. Он... заступается за Эмерсона?

— Сынок, — говорит Эмерсон, протягивая руку, чтобы успокоить Бо, — Все в порядке.

— Нет, это не так, — отрезает Бо. — Я не собираюсь стоять здесь и позволять этому невежественному придурку обращаться с Шарли как с дерьмом, обращаться с тобой как с дерьмом и вести себя так, будто он намного лучше тебя.

— Вы, ребята, должны просто уйти, — огрызается мой папа, и я смотрю на маму.

Она посылает мне извиняющийся взгляд, прежде чем повернуться к моему отцу.

— Нет, Джимми. Тебе следует уйти. Эмерсон был прав. Возвращайся, когда успокоишься и захочешь поговорить, но сегодня ты и так устроил нам достаточно драмы.

— Я не оставлю тебя с этим извращенцем, — возражает он, указывая на Эмерсона.

Мы с Бо оба начинаем спорить, но Эмерсон только поднимает руку, чтобы остановить нас.

Затем он смотрит прямо на моего отца и делает долгий, успокаивающий вдох.

— Знаешь что, ты прав. У меня действительно есть клуб в центре города, и я действительно водил туда твою дочь, но я не промывал ей мозги, не манипулировал ею и не причинял ей никакого вреда. И мне не стыдно. Ты думаешь, что знаешь, что правильно для твоих дочерей, но ты понятия не имеешь. Ты просто хочешь, чтобы они жили так, как, по твоему мнению, они должны жить, а ты такой самодовольный, что потерял из-за этого свою семью.

— Может, я и не самый лучший отец в мире, но я бы каждый раз предпочел счастье своего ребенка своему собственному. *И я точно знаю, что ты никогда не смог бы любить Шарли так сильно, как я. Нет, если ты сможешь выдержать разлуку с ней хотя бы один*

день.

Я чувствую, как воздух покидает мои легкие, когда эти слова слетают с его губ, мое сердце чуть не взрывается в груди. В этот момент я понимаю, как сильно я люблю его, как сильно я изменилась с тех пор, как он начал любить меня, и как все, из-за чего мы ссорились до этого момента, было тривиальным.

В этот момент становится поразительно ясно — *Эмерсон значит для меня все.*

ПРАВИЛО № 37: НЕ ИЗВИНЯЙСЯ ЗА ТО, О ЧЕМ НЕ ЖАЛЕЕШЬ

Эмерсон

Мы с Бо были вместе в машине, что само по себе было маленьким чудом, когда нам позвонила Софи. Шарлотта, должно быть, дала ей мой номер после того, как я подарил ей билеты на фестиваль аниме на ее день рождения, потому что она написала мне несколько дней спустя, чтобы поблагодарить меня за них. Слава богу, мы с Бо были всего в нескольких минутах езды отсюда. Ее испуганный голос чуть не сбил меня с ног на дороге, когда я мчался к ее дому. Она сказала, что ее отец появился как гром среди ясного неба и кричал на Шарли, и что она была напугана.

Она боялась своего отца, поэтому позвонила мне. Это заставляет меня ненавидеть этого мудака еще больше, когда я думаю об этом.

Почти невозможно вежливо сдерживать свои слова в адрес перед этим человеческим куском мусора, но это то, чего Шарли, ее мать и ее сестра заслуживают прямо сейчас. Поэтому я рассказываю ему все. С таким же успехом мы могли бы поставить все это на карту прямо сейчас.

— Я не стыжусь того, кто я есть и что я делаю. И я люблю Шарли.

И... у меня даже не хватает смелости взглянуть ей в лицо, когда слова срываются с моих губ.

— Достаточно!

Голос Софи снимает напряжение, как раз в тот момент, когда ее отец открывает рот, готовый поспорить со мной. Мы все пялимся на дерзкую синеволосяную девушку-подростка, когда она выходит во двор. Я вижу в ней так много от Шарли — бесстрашную, безрассудную и чертовски умную.

— Папа, мама права. Тебе следует просто уйти. Это я позвонила Эмерсону, потому что ты напугал меня, когда появился, — говорит она, глядя на него с такой яростью в глазах, что моя грудь раздувается от гордости.

Шарли вскидывает голову и в шоке смотрит на меня.

— Софи звонила тебе?

Я киваю. Когда я смотрю на ее отца, я замечаю, что впервые с тех пор, как я приехал сюда, он выглядит скорее раскисающимся, чем сердитым. Его глаза прикованы к Софи, а брови сведены вместе. Он выглядит серьезно измученным, но я узнаю эмоцию, написанную на его чертах, — отцовскую вину.

— Папа... — говорит Шарли, привлекая его внимание.

Когда он, наконец, смотрит на нее влажными и извиняющимися глазами, она продолжает:

— Я не стыжусь того, с кем я встречаюсь или что я делаю, и тебе, возможно, трудно в это поверить, но Эмерсон не сделал ничего плохого. Я устала от того, что все ведут себя так, будто знают, что для меня лучше. Мне двадцать один год, и я не глупа и не слишком молода, чтобы знать, чего я хочу.

Ее маленькая рука находит мою, переплетая наши пальцы, и мне требуется все мое мужество, чтобы не заключить ее в объятия и не поцеловать крепче, чем я когда-либо целовал ее раньше.

— Ты решил уйти, и у тебя нет права разговаривать со мной так, как ты это сделал сегодня. Если бы ты был рядом в прошлом году, возможно, ты бы увидел, что я никогда не была так счастлива, как за последние три месяца.

Сейчас я ничего не могу с собой поделать. Я притягиваю ее к себе, прижимая к своей груди, обнимаю ее и целую в макушку.

— Гвен, ты действительно позволишь им? — спрашивает он, все еще сопротивляясь, но мать Шарлотты только тяжело вздыхает.

— Просто уходи, Джимми.

— К черту это, — ворчит он в мою сторону, но я игнорирую его, вдыхая знакомый аромат шампуня Шарлотты и нежную кожу ее рук, когда провожу по ним пальцами.

— Мы еще не закончили, — говорит он Гвен. — Нам нужно серьезно поговорить об этом позже.

Я смотрю, как он топает через задний двор к боковой калитке, на мгновение останавливаясь и пристально глядя на Софи. Она неловко протягивает свою руку, чтобы помахать, и мы все в предвкушении ждем, что сделает Джимми.

— Пока, малышка, — говорит он ей, посылая такой же неловкий взмах, прежде чем уйти, и трудно не заметить разочарование на лице Софи.

Звук двигателя его машины отдается эхом, прежде чем мы слышим, как он быстро удаляется по улице.

Гвен бросается к Софи, чтобы заключить ее в объятия. Я наблюдаю, как Бо следует за ней, успокаивающе кладя теплую руку на плечо Софи.

Отстраняясь, я смотрю на Шарли сверху вниз.

— Ты в порядке?

Эти свирепые карие глаза смотрят вверх, когда она кивает.

— Да. Я в порядке.

Хотел бы остановить себя, но я не могу. Я все еще не знаю, куда мы пойдём и что будет дальше, поэтому я беру то, что могу получить прямо сейчас, прижимаясь губами к ее лбу.

— Что случилось?

— Он появился из ниоткуда. Сказал, что кто-то, с кем он работает в своей юридической фирме, рассказал ему обо мне в клубе. Что меня выставили на аукцион, и я сплю с владельцем.

Сжав челюсти, я издаю стон.

— Я собираюсь разобраться с этим человеком и немедленно аннулировать его членство. Раскрывать информацию о других членах за пределами клуба противоречит нашей политике. Мне так жаль, Шарли.

— Все в порядке, — говорит она и, возможно, инстинктивно, откидывается назад в ответ на мои прикосновения, обнимая меня.

Облегчение от того, что она вернулась, огромно, но я пока слишком боюсь благодарить свою счастливую звезду.

— Почему ты был с Бо? — шепчет она.

— Я звонил ему сегодня утром. Сказал ему, что мне нужно с ним поговорить.

— О, — отвечает она, глядя на меня снизу вверх.

— Куда вы, направлялись?

— Хотели выпить чего-нибудь. Мне нужно было поговорить с ним кое о чем важном.

— О... — снова говорит она, ее глаза задерживаются на моем лице, вероятно, задаваясь

вопросом, что это была за очень важная вещь.

Мне требуется все, что у меня есть, чтобы отпустить ее и медленно отстраниться.

— Я должен поговорить с ним, — говорю я и наблюдаю, как она сглатывает.

Затем она кивает. Жаль, что я не могу точно передать то, о чем я сейчас думаю. Я хочу сказать ей, что собирался все рассказать своему сыну. Больше не нужно ждать разрешения или просить его принять нас такими, какие мы есть. Я хочу, чтобы она знала, что сейчас я выбираю ее так, как должен был сделать раньше. Но у меня будет время сказать ей об этом позже.

— Могу я позвонить тебе позже? — спрашиваю я.

Она нетерпеливо кивает. Затем я нежно глажу ее по щеке, борясь с желанием обнимать ее до конца дня и не отпускать. Но об этом я позабочусь чуть позже.

Оставив Шарлотту стоять снаружи, я поворачиваюсь к своему сыну. Я не могу точно прочесть выражение его лица. Я ожидал гнева и негодования, но все гораздо сложнее. Он задумчив и насторожен, но в то же время неуверен в себе.

— Пошли, Бо, — зову я, и он следует за мной, пока я веду его к переднему двору, где припаркована моя машина.

Я смутно помню, как в первый раз приехал к Шарлотте домой, забирая ее на вечер открытия клуба, насколько уверенным я был в то время, что не позволю событиям между нами выйти из-под контроля. Каким же чертовски глупым я был, думая, что это вообще возможно.

Слава богу, отца Шарлотты нигде нет. Хотя, я думаю, если я хочу быть частью ее жизни надолго, мне придется найти способ справиться с ним. Как бы он ни был плох для нее, это несправедливо по отношению к ней прожить остаток своей жизни без отца, потому что у него это чертовски плохо получается.

Глядя на Бо, я не могу себе представить, как ее отец мог так легко уйти от них. Насколько бредовым должен быть мужчина, чтобы прожить жизнь без собственных детей? И все же... вот я собираюсь сказать своему, что не планирую избегать ее только потому, что ему это не нравится.

На мгновение между нами повисает тишина, пока я готовлюсь к тому, как я собираюсь сказать ему это. Лучший мужчина мог бы извиниться первым, но я не могу заставить себя извиниться за то, что люблю Шарлотту. Я не сожалею об этом.

Когда он поднимает на меня взгляд, я могу сказать, что он хочет что-то сказать, поэтому я готовлюсь к этому.

— Ты знаешь... она пыталась предупредить меня. Я знал, что ее отец был придурком, и я не слушал. Когда я услышал, как он сказал это о тебе... Я просто сорвался.

— Мне жаль, что тебе пришлось это услышать. Но всегда найдутся люди, которыеотреагируют подобным образом. Которые видят вещи с одной стороны и отказываются открывать свой разум чему-либо другому. Я бы предпочел быть тем, кого люди считают развратным или греховным, чем быть узколобым и полным ненависти.

Он кивает, пристально вглядываясь в мое лицо.

— Ты действительно любишь ее? Это не просто...

— Да, — отвечаю я, прерывая его. — Я действительно люблю ее. И я никогда не хотел, чтобы это произошло таким образом. Ты ведь знаешь это, верно?

— Да.

Затем я готовлюсь к самой трудной части.

— И ты понимаешь, что я не собираюсь прекращать встречаться с ней? Я должен был сказать тебе раньше, и мне никогда не следовало вести себя так, будто это ничего не значит, но я действительно боялся снова потерять тебя.

Он сглатывает и смотрит себе под ноги, и меня впервые поражает, что мой сын теперь действительно мужчина. Он больше не ребенок, не тот долговязый подросток, которого я помню, и не тот маленький ребенок, который смотрел на меня снизу вверх, как будто я подвесил луну на небо. Бо такой же мужчина, как и я, и мне давно пора перестать обращаться с ним как с ребенком.

— Я все еще думаю, что это чертовски странно, — ворчит он, и мне приходится отвести взгляд, чтобы удержаться от смеха.

— И я не знаю, смогу ли я действительно смириться с этим, по крайней мере, какое-то время. Но... она, кажется, счастлива с тобой — чертовски счастливее, чем была со мной.

Я стараюсь не слишком волноваться или испытывать облегчение, потому что это маленький шаг, но в то же время важный, и этого более чем достаточно. Он не кричит на меня, не обзывает и не угрожает никогда больше со мной не разговаривать. Поэтому я молчу, пока он продолжает.

— На самом деле мне это не нравится... Я не собираюсь лгать и говорить, другое.

— Все в порядке, — быстро отвечаю я.

— Но... спасибо, что заступился за нее.

— Конечно.

— Спасибо, что заступился за меня, — отвечаю я с полуулыбкой.

Неловкое молчание пронизывает пространство между нами. И, кажется, проходят часы, прежде чем он, наконец, поднимает глаза и смотрит мне в глаза так, как я хотел. Того факта, что он не уходит и не посылает меня на хуй, достаточно, чтобы дать мне понять, что у нас все будет хорошо.

— Все еще хочешь сходить за выпивкой? — спрашиваю я, кивая в сторону машины.

Он поджимает губы и кивает.

— Черт возьми, да.

Я готов сесть в свою машину и уехать. К чему я не готов, так это к тому, что мой сын делает три шага, чтобы сократить расстояние между нами и порывисто заключить меня в объятия.

Хотел бы я это запомнить, и, черт возьми, я стараюсь. Прошло так много времени с тех пор, как он по-настоящему обнимал меня, что я хочу, чтобы время остановилось на мгновение и позволило мне насладиться этим.

Слишком скоро он отстраняется.

— Ладно, поехали.

Затем он забирается на пассажирское сиденье, оставляя меня ошеломленным.

Бо предстоит пройти долгий путь, и мы, возможно, никогда не сойдемся во мнениях по поводу клуба или моих отношений с Шарлоттой, но он все еще мой сын, и я не собираюсь позволять ему так легко уйти.

ПРАВИЛО № 38: ИНОГДА СЛОВА НЕ НУЖНЫ

Шарли

Когда я вхожу внутрь, моя сестра и мама сидят на диване. Вокруг носа и щек Софи появились красные пятна, верный признак того, что она плакала.

— О, Софи, прости, — говорю я, опускаясь на диван рядом с ней.

Сейчас только час дня, а сегодняшний день уже выдался утомительным. Нам еще так много нужно переварить. Какой-то подонок рассказал моему отцу обо мне в клубе. Мои мама и папа оба знают об Эмерсоне, клубе и обо мне, выставленной на аукцион, — вставьте унижение.

И главным событием дня должен был стать Эмерсон Грант, признавшийся мне в любви перед всеми. Довольно трудно заботиться о других вещах, когда это снова и снова прокручивается у меня в голове.

— Все в порядке, — бормочет моя сестра, кладя голову мне на плечо.

— Надеюсь, ты не сердишься, что я позвонила Эмерсону.

Я поднимаю голову и удивленно смотрю на нее.

— Сумасшедшая? Нет, конечно, нет. Ты поступила правильно.

— Ты видела, как он прижал папу к стене? — спрашивает она, пряча улыбку и зажимая губы пальцами.

Мы с мамой обе смеемся.

— Это было довольно круто, — говорит мама.

— Прости, что не сказала тебе...

Добавляю я, в основном для мамы, поскольку Софи вроде как сама во всем разобралась. И я думаю, что этот разговор может быть более подходящим наедине, но мне нравится идея, что у нас нет секретов друг от друга. По крайней мере, больше нет.

Моя мама гладит меня по колену и говорит:

— Все в порядке, милая. Не то чтобы я не могла сказать, сколько ему было лет. У меня были свои подозрения, но я доверяю тебе, Шарли. Ты сильная, умная девочка, и я знаю, что ты можешь позаботиться о себе.

Эмоции комом встают у меня в горле, когда я заставляю себя сглотнуть и не заплакать.

— Спасибо, мам.

Затем она взъерошивает волосы моей сестры.

— И никто из вас не должен видеть его или сталкиваться с ним лицом к лицу, пока вы не будете готовы. Мне жаль, что он напугал вас.

— Все в порядке, — бормочет Софи.

— Кто-нибудь еще в настроении для пижам и фильмов? Я думаю, нам нужна ленивая суббота.

— Ты единственная, кто все еще в пижаме, — говорит Софи со смехом.

— Так что иди, надень свою. Я включу по телевизору Дисней, а мама приготовит закуски.

— Звучит заманчиво, — отвечает мама, вскакивая и направляясь на кухню.

Схватив одеяла из корзины, я сворачиваюсь калачиком рядом с сестрой, а мама — напротив, и следующие несколько часов мы избегаем реальности, подпевая наши любимые песни из фильмов о принцессах и пытаюсь забыть о сегодняшнем дне и всей его драме.

Как бы сильно я ни хотела просто принять душ и отправиться напрямик к Эмерсону, мне нужно просто побыть какое-то время со своей семьей. Мне нужно знать, что с ними все в порядке.

Примерно в середине второго фильма раздается стук во входную дверь. Я оглядываюсь и вижу сквозь занавески лохматые каштановые волосы Бо.

Я испускаю тяжелый вздох. Если он здесь для того, чтобы наорать на меня или еще раз поговорить об этом, то я действительно не в настроении.

— Я поговорю с ним, — говорю я, со вздохом вставая.

— Не принимай его дерьмо, — говорит моя сестра с лучезарной улыбкой, и у моей матери отвисает челюсть.

— Софи! Следи за своим языком.

Я все еще улыбаюсь, когда открываю дверь. Бо смотрит на свои ноги, прежде чем поднять голову и посмотреть на меня.

— Привет, — приветствую я его, на что он затем отвечает своим ленивым

— Привет.

Ступив на крыльцо, я закрываю за собой дверь. Но он говорит не сразу, и я могу сказать, что ему неловко.

Если он хочет ненавидеть меня или злиться на меня, я готова забыть о нашем прошлом и нашей дружбе, но если мы с Эмерсоном собираемся попробовать, мне нужен Бо на моей стороне.

— Прости, — говорит он так быстро, что я почти не улавливаю его слов.

— Что?

— За то, что был дерьмовым парнем... Мне жаль, — бормочет он.

Его руки засунуты в карманы, когда он отводит взгляд от моего лица.

— Я никогда не должен был изменять тебе, и я должен был быть добрее к тебе, и я должен был знать, что ты несчастлива.

О, Боже милостивый, пожалуйста, не позволяй Бо говорить все это в надежде вернуть меня. Я не думаю, что смогу справиться с таким уровнем безумия.

— Спасибо... — Говорю я неуверенно, ожидая, к чему это приведет.

— Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, Шарли. Ты заслуживаешь быть счастливой.

Раздражение срывается с моих губ.

— Даже если я буду с твоим отцом?

Он громко вздыхает, и я могу сказать, что он борется с этим, но ему все же удастся кивнуть.

— Да. Даже если ты с моим отцом.

— Я надеюсь, ты это серьезно.

— После того, что я увидел сегодня... Я не знаю, я просто... теперь смотрю на вещи по-другому. Как будто это что-то настоящее. Очевидно, он заслуживает тебя больше, чем я.

Излучающая грусть на его лице притягивает меня ближе, и я беру в ладони его теплые, загорелые щеки.

— Перестань корить себя, Бо. Тебя любят, ты молод, и с тобой все будет хорошо. Ты найдешь кого-то, с кем тебе будет хорошо, кого-то такого же счастливого, как ты хотел бы, чтобы я была с тобой.

Наконец, он поднимает глаза и находит мои. Когда я заключаю его в объятия, он расслабляется, прижимаясь к моему телу.

— С Софи все в порядке? — Бормочет он мне в плечо.

— Да, с ней все в порядке.

— Хорошо. Я знаю, что она, вероятно, ненавидит меня.

— Она не ненавидит тебя, — отвечаю я, закатывая глаза.

— Она просто сердито посмотрела на меня через окно, — говорит он со смехом, и я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как задергивается занавеска.

Мы оба смеемся с минуты, прежде чем я поворачиваюсь к нему с грустной улыбкой.

— Не хочешь зайти и посмотреть фильм вместе с нами?

— Заманчиво... но нет. Я думаю, мне пора домой. Кроме того, я только что ушел от своего отца, и я почти уверен, что он позвонит тебе или захочет тебя увидеть.

Я не пропускаю выражение отвращения, промелькнувшее на его лице.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что он провел последние два часа, рассказывая мне, как сильно он тебя любит и не собирается ждать моего разрешения встречаться с тобой... открыто.

Я замираю.

— Он так сказал?

— Ага.

Больше никаких прятков. Больше не нужно лгать Бо или ждать его одобрения. *На этот раз все по-настоящему.*

Я должна показать свое удивление, потому что он просто хлопает меня по плечу и говорит:

— Тогда я пойду.

— Пока, Бо, — заикаясь, произношу я.

Потом он садится в свою машину и уезжает, а я практически бегу в душ. Когда я выхожу, я почти тянусь за своей юбкой-карандашом и блузкой, но передумываю.

Когда я вернусь к Эмерсону, я хочу остаться с собой. Он должен принять меня за Шарли, если хочет, чтобы я была Шарлоттой.

Я дрожу в своих черных *Doc Martens*, когда легонько стучу во входную дверь Эмерсона.

Быть здесь в качестве гостя — это как шаг назад. За последние три месяца я проходила через эту парадную дверь почти сотню раз, но такое ощущение, что это почти метафорически все начинается сначала, что бы это ни было. Второй шанс сделать все правильно.

Это не меняет того факта, что я жажду его близости так, как будто мне это нужно, чтобы выжить.

Когда он, наконец, открывает дверь, я замечаю его, стоящего по другую сторону в тех же синих брюках и обтягивающей серой рубашке, что были на нем раньше, но теперь они расстегнуты у шеи, открывая участок волос на груди, который я слишком хорошо знаю.

Просто находясь в его присутствии, все в мире кажется правильным. То суматошное утро, далекое воспоминание, унесенное прочь, пока мы стоим здесь и наслаждаемся видом друг друга. И хотя есть сотня вещей, которые нужно сказать, также нечего сказать, нет слов, которые придали бы этой ситуации смысл, кроме: *Я хочу тебя, Ты мне нужен, Я люблю тебя. И это все, что имеет для меня значение.*

Как будто он может читать мои мысли, он делает именно то, что я от него хочу. Протягивая сильную руку, он хватается за мою шею сзади, притягивая меня к себе, пока

между нами не остается ни унции пространства. Затем его рот оказывается на моем, его губы пожирают мои губы, а его язык находит свой путь к моему, пока мы не сливаемся воедино.

Его поцелуй не забирает, не претендует и не крадет ничего из того, что я не даю добровольно. Он низко и хрипло стонет мне в рот, в то время как его другая рука находит мою поясницу и прижимает меня к своему высокому телу. Та же рука скользит ниже, сильно сжимая мою задницу и заставляя меня вскрикнуть ему в рот, когда он поднимает меня, и я обвиваюсь вокруг него.

Он заносит меня внутрь, захлопывая за собой дверь. Он пытается подняться по лестнице, но мы слишком отчаянны, и я цепляюсь за его рубашку, когда он ставит меня на ступеньки, опускаясь передо мной на колени.

— *Черт, я скучал по тебе,* — стонет он, зарываясь рукой в мои волосы и хватая меня за голову, пока его рот спускается к моей шее.

— *Я так сильно скучала по тебе,* — отвечаю я, расстегивая пуговицы его рубашки, чтобы дотянуться до его кожи, потому что мне нужно чувствовать его. И не имеет значения, что мы видели друг друга только прошлой ночью, и я почувствовала его рот на себе меньше двадцати четырех часов назад, потому что это было не так.

Когда я, наконец, расстегиваю его рубашку, он быстро сбрасывает ее, открывая мне полный вид на свое тело, и я обвиваю руками его талию, прокладывая поцелуями путь вниз от груди к талии. От его стога по мне пробегает слабая вибрация, когда я облизываю его живот, дразня область чуть выше пояса.

— Разденься для меня, Шарлотта. Я хочу увидеть свою девушку. — Он берет меня за подбородок, приподнимая мое лицо, пока я не улыбаюсь ему.

Его девушка.

— Да, сэр, — сладко отвечаю я.

Затем я ловким движением стаскиваю с себя рубашку.

При первом взгляде на мою грудь он убирает руки с пояса и тянется ко мне, осыпая мое тело поцелуями и опустошая каждую сторону моей груди, пока я не начинаю хватать ртом воздух.

— Я хочу провести с тобой время, Шарлотта, — шепчет он мне на ухо. — Но я ничего не могу с собой поделать, когда вижу тебя. Ты сводишь меня с ума, черт возьми. Теперь я просто хочу кончить, и я хочу сделать это внутри тебя.

— Да, — выдыхает он, когда я расстегиваю пуговицу на своих черных джинсах. Как только я расстегиваю молнию, он хватается за талию.

— Перевернись, — командует он, ставя меня на колени на несколько ступенек выше и почти насильно срывая штаны с моих ног.

Громкий вздох срывается с моих губ, когда я чувствую его рот на своей спине, продолжающий свой влажный, теплый поцелуй вниз, пока он не пронзает меня своим языком, жадно постанывая у моего лона. Лаская мой клитор в неистовом оцепенении, он подводит меня к краю блаженства, прежде чем отстраниться и спустить свои штаны вниз.

— Ты моя, Шарлотта. Эта киска моя, поняла?

— Да, — кричу я, отталкиваясь бедрами назад, ища его — его рот, его руки, его член, что угодно, но он держит меня на расстоянии.

Оборачиваясь, я вижу, как он томно поглаживает себя, глядя на мою обнаженную киску с вождением в глазах.

— Скажи мне, что ты моя. Скажи это.

— *Я твоя*, — выдыхаю я, сжимая деревянную ступеньку пальцами так, что побелели костяшки.

— Мне не нужен никто, кроме тебя. Я твоя, а ты мой. Мой... сэр, — кричу я.

— Это моя девочка, — стонет он и без предупреждения заполняет меня, с ноткой боли, смешанной с удовольствием.

Я кричу, двигая бедрами назад, пытаюсь взять больше, столько, сколько смогу получить, пока я не получу всего его, а он — всю меня.

Его руки резко опускаются на ступеньки рядом с моими, и он накрывает мое тело, толкаясь внутрь с каждым резким наклоном бедер. Горячая кожа его груди прижимается к моей спине, а его дыхание — к моему уху.

С каждым ударом его бедер о мою задницу я издаю хриплый стон удовольствия, смешанный с его тяжелым ворчанием.

Он трахает меня быстро и жестко, пока мы, как одно целое, не приближаемся к кульминации, и когда я кричу от своего освобождения, он стонет и входит в меня в последний раз, мое имя на его губах, когда он кончает.

Прежде чем у меня появляется шанс рухнуть на ступеньки, он поднимает меня на ноги. Его член выскальзывает из меня, сперма стекает по моим ногам, когда он поворачивает меня, пока я не оказываюсь лицом к нему.

— *Я люблю тебя, Шарли*, — шепчет он мне в губы, скрепляя свои слова томным поцелуем.

Я прикусываю его нижнюю губу, заставляя его почувствовать напряжение, которое кипит внутри меня.

Когда наши рты приоткрываются, я облизываю следы зубов на его нижней губе, прежде чем прошептать в ответ.

— *Я тоже тебя люблю*.

И это все, что нужно нам. Больше никаких грязных секретов или украденных моментов, только это грубое выражение всего, что мы чувствовали за последние три месяца.

Оставив одежду, которую мы сбросили на лестнице, он несет меня к своей кровати и сдерживает свое обещание проводить со мной время, зная, что наконец-то у него есть все время в мире.

ПРАВИЛО № 39: У ХОРОШИХ ДЕВОЧЕК ВСЕГДА СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

ЭПИЛОГ

Шарлотта

Он вообще не сосредоточен на встрече. На совещании присутствуют трое потенциальных инвесторов, лица каждого из них прикованы к экрану, пока Мэгги и Гарретт знакомят их с новыми программами, которые клуб запускает в новом финансовом году, а глаза Эмерсона расфокусированы и нахмурены, когда он смотрит на экран компьютера.

Конечно, я облизываю его член языком, как будто это чертов леденец на палочке, и я делаю это нарочно, чтобы свести его с ума. Быстрым щелчком мыши я понимаю, что он отключает свой микрофон. Затем его пальцы зарываются в мои волосы, когда он мрачно бормочет:

— Перестань дразнить меня, Шарлотта, и отсоси мой член, как хорошая маленькая секретарша.

Я хнычу, когда желание пробегает по моему позвоночнику, достигая кульминации между ног и пропитывая трусики.

— Да, сэр, — шепчу я и жадно втягиваю его внушительную длину в свое горло.

Со стоном при каждом прикосновении моих губ к нему, я покрываю его член слюной и качаю головой вверх и вниз в ритме, который он любит.

— Я собираюсь кончить тебе в глотку, — стонет он, и я стону в ответ.

Как он и обещал, головка его члена сжимается между моими губами, а затем он изливается в заднюю часть моего горла кончая, пока я не проглатываю его целиком.

Когда я поднимаю на него глаза, он смотрит на меня сверху вниз с любовью в глазах. Нежно поглаживая меня по голове, он улыбается, наклоняется и прижимается своими губами к моим.

— Ты такая совершенная.

— Разве вы не на совещании, сэр? — Шепчу я.

— Я отключил свою камеру. У Гаррета все под контролем.

— Он собирается уволить меня, если вы не сможете сосредоточиться на работе, пока я здесь.

Я смеюсь. Он сажает меня к себе на колени, кладет на свой стол, затем поворачивает свой стул, пока не устраивается между моих бедер.

— Я бы хотел посмотреть, как он попробует.

Несколько минут спустя, когда его язык зарывается в мои складочки, а губы уносят меня совсем на другую планету, я на мгновение осознаю, что встреча окончена и на линии только голос Гаррета.

— Ты не можете продолжать скрывать встречи наших инвесторов, — ругает он Эмерсона.

Камера по-прежнему выключена, а микрофон по-прежнему приглушен, что хорошо, потому что я примерно в двух секундах от того, чтобы закричать во второй раз за сегодняшний день.

— Я знаю, ты меня слышишь, Грант.

Эмерсон посмеивается у меня между ног.

— Лучше помолчи.

Свободной рукой он щелкает по экрану, и я знаю, что он включил микрофон. К счастью, камера все еще выключена, иначе его партнер по бизнесу получил бы полный обзор моей задницы на столе Эмерсона.

— Я работаю во время обеда, Гаррет. Чего ты хочешь? — спрашивает он приглушенным голосом.

Я прикусываю губу, когда он жадно посасывает мой клитор, заставляя меня видеть звезды.

— Да, обед, черт возьми, — отвечает Гарретт по телефону.

— Я рад, что ты вернул свою девушку, но нам все еще нужно управлять компанией, так что, если бы ты мог тратить меньше времени на то, чтобы тебя уносили под стол, и больше времени на поиск способов угодить нашим инвесторам, это было бы здорово.

— Кому-то нужно потрахаться, — ворчит Эмерсон у меня между ног.

Мне удается сдерживать свой оргазм до тех пор, пока он не вводит в меня два пальца одновременно, и я не могу удержаться от вздоха, покачивая бедрами, чтобы почувствовать его глубже.

Гарретт прочищает горло по громкой связи.

— Привет, Шарлотта. Когда вы двое закончите, не могла бы ты, пожалуйста, прочитать сообщение, которое я только что отправил. Нам нужно уложиться в VIP-квоту к концу квартала, иначе нам крышка. И не в буквальном смысле.

Как только линия обрывается, я издаю крик удовольствия и переживаю свой долгожданный оргазм. Я едва успеваю перевести дыхание, как Эмерсон притягивает меня для поцелуя. Он проводит влажными пальцами по коже моей груди.

— Ты слышала этого человека, — говорит он мне в губы. — Ты мешаешь мне выполнять мою работу, Шарлотта. Если ты не можешь перестать быть такой чертовски плохой, мне придется привязать тебя к твоему столу.

— Звучит забавно, — шепчу я.

— Да, это так, — отвечает он.

После того, как мы оба приходим в себя после оргазма, мы действительно возвращаемся к работе.

Я распечатываю присланное Гарретом предложение, а затем отвечаю ему быстрыми и неофициальными извинениями.

Мне нравится Гаррет, и мне неприятно слышать его таким недовольным. Это на него не похоже. Обычно он такой беззаботный и веселый, и он всегда был самым большим сторонником моих отношений с Эмерсоном. Это заставляет меня задуматься, что могло испортить ему настроение в последнее время. Может быть, ревность? Эмерсон говорит, что Гарретт не из тех парней, которые остепеняются, и он достаточно трахается, чтобы у него никогда не было плохого настроения по этому поводу. Но, возможно, видеть своего лучшего друга в счастливых, преданных отношениях действует ему на нервы.

Часть компромисса, на который мы с мамой пошли в прошлом месяце, когда я начала потихоньку переезжать в дом Эмерсона, заключалась в том, что мы должны были поддерживать традицию Тако по вторникам. Ей почти не пришлось выкручивать мне руку, тем более что Эмерсон всегда ведет машину и платит, что означает для нас бездонную маргариту.

Это делает его более терпимым, так как Софи всегда приходится сидеть рядом с ним, и сегодня вечером она завладела всем его вниманием, показав ему свой дизайн для аниме, которое она рисовала уже несколько месяцев. Наверное, я бы разозлилась больше, если бы он не был таким чертовски очаровательным, изображая полный восторг от ее эскизов.

Мы все еще доедаем первую порцию чипсов и сальсы, когда мама обнимает меня за плечи и шепчет:

— Не сердись на меня. Я ничего не могла с собой поделать.

— О чем ты говоришь? — Спрашиваю я, но потом вижу, как он идет через комнату.

— Я должна была пригласить его. Это семейный вечер.

Мои глаза расширяются, когда Бо неловко машет мне рукой. Я бросаю взгляд в сторону Эмерсона, но он, кажется, ни капельки не удивлен, а это значит, что он уже знал об этом.

— Почему никто не сказал мне, что происходит? — Спрашиваю я, но мне никто не отвечает, потому что моя мама встает, чтобы обнять Бо.

Затем Эмерсон хлопает его по плечу и отодвигается, чтобы он мог занять место в конце стола.

Разве неловко, что мой бывший и нынешний ужинают вместе?

Конечно.

Слон в комнате больше, чем эта чашка для маргариты.

Но это сын Эмерсона, так что, я думаю, технически он теперь член семьи, а семьи в любом случае странные.

— Что происходит? — Неловко спрашивает Бо, и я просто продолжаю прихлебывать свой напиток, высматривая официанта, чтобы он был наготове, когда я дойду до конца.

— Софи показывает мне комикс, который она нарисовала, — небрежно отвечает Эмерсон.

— Это называется манга, — поправляет она его, закатывая глаза, и моя мама смеется.

— Сделай ему поблажку, Софи. Он старый, — говорит Бо с улыбкой.

И когда она пододвигает к нему свои рисунки, он выглядит таким же удивленным, как и Эмерсон, и это согревает мое сердце.

Хотя, возможно, это из-за текилы.

К тому времени, как официант ставит перед моей младшей сестрой жареное мороженое, я чувствую себя отдохнувшей и возбужденной, и вся неловкость за столом больше не кажется такой странной.

Мы с мамой не можем перестать хихикать, а Эмерсона, похоже, больше всего забавляет наше пьянство.

Он, моя мать и Бо обмениваются неловкими историями обо мне, а я слишком сосредоточена на мороженом, чтобы обращать на это внимание.

Пока они все разговаривают, я подталкиваю свою младшую сестру ногой, и она смотрит на меня с улыбкой. Я мысленно задаю вопрос: *Кажусь ли я счастливой?*

Ее улыбка пытается завладеть всем лицом, когда она прикусывает губу и смотрит на людей за нашим столиком, а затем снова на меня. Она нетерпеливо кивает, и мне приходится проглотить эмоции, подступающие к горлу.

И просто так, в этом нет ничего странного, неправильного или неудобного. Это просто семья.

Когда счет оплачен, мы все обнимаем Бо на прощание, и Эмерсон отвозит моих маму и сестру домой.

По дороге обратно к нему домой я смотрю в окно, когда он перегибается через сиденье и хватает мою ногу. Глядя на него, я прикусываю нижнюю губу.

— Ты очень ласков с моей семьей, но если бы они только знали, о каких грязных вещах ты думаешь, я уверена...

Зловещая улыбка на его лице превращается во что-то гораздо более зловещее.

— Ты даже не представляешь.

— Так почему бы тебе мне не показать? — Спрашиваю я.

Он смеется. Затем, когда мы останавливаемся на светофоре, он перегибается через сиденье и притягивает мое лицо к своему, крепко сжимая меня за подбородок. Злобным шепотом он говорит:

— *Пожарная тревога на красный свет.*

Секунду спустя он выходит из машины, и мои глаза расширяются. Смех срывается с моих губ, когда я выпрыгиваю из машины и оббегаю ее сзади, но он уже так далеко впереди меня, что к тому времени, как я добегаю до водительского места, он уже там. Схватив меня за талию, он прижимает меня к борту машины.

Мы оба смеемся, затаив дыхание, и это совсем не похоже на того задумчивого мужчину, которого я встретила четыре месяца назад.

Прижавшись губами к моим, он бормочет:

— Детка, каждую секунду, когда я рядом с тобой, я думаю обо всех грязных вещах, которые хочу с тобой сделать, и ты можешь быть уверена, что я собираюсь воплотить в жизнь каждую из этих фантазий. Как ты думаешь, ты сможешь с этим справиться?

Мой рот приоткрывается, когда он облизывает мою верхнюю губу, дразня меня своим языком.

— Угу... — Выдыхаю я

Глубокий смешок эхом разносится по темной ночи, когда кто-то позади нас сигналист.

— Используй свои слова, Шарлотта. — Он стонет, просовывая руку мне между ног.

— *Да, сэр.*

Его зловещая улыбка возвращается, когда он нежно прижимается своим лбом к моему.

— *Хорошая девочка.*

КОНЕЦ

Готовы к книге Гаррета?